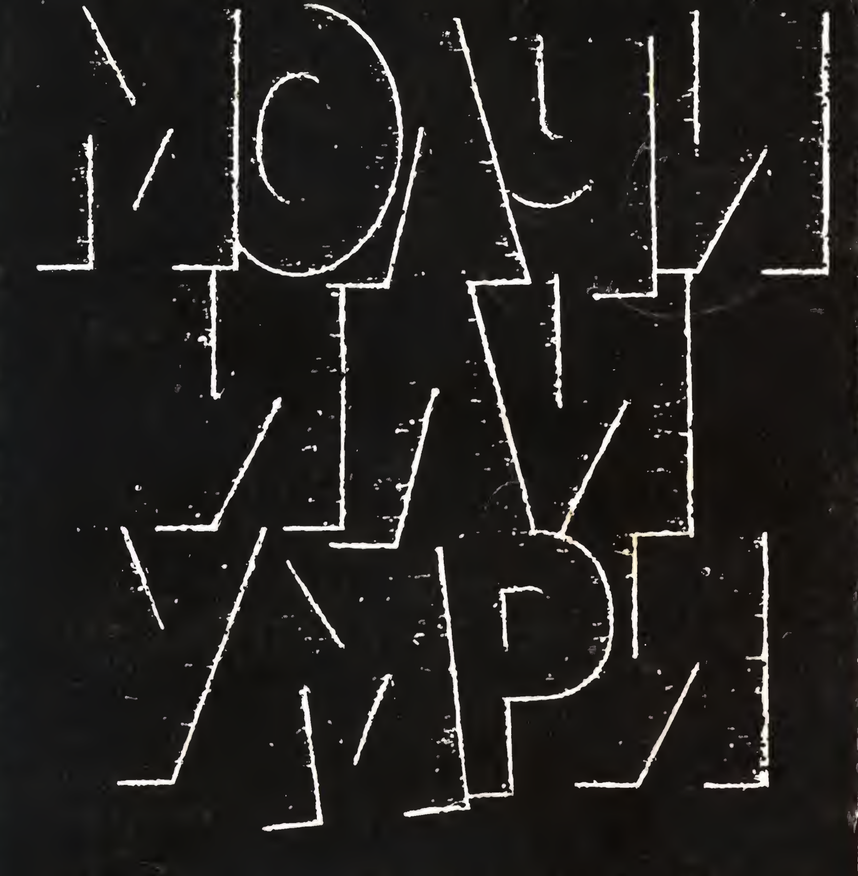

ВЛАДИМИР ГОЛЕВ

СВЯТ

ВЛАДИМИР
ГОЛЕВ

МОЛЧИ ИЛИ УМРИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СВЯТ
1988

Перевод сделан по изданию:
Владимир Голев. Мълчи или умри.
Издателство на Отечествения фронт.
София, 1986.

Пока новенькая „Волга“ везла его в гостиницу, Марин Коев вглядывался в пожухлые осенние деревья и голубые небесные озерца, оброненные умчавшимся летом. Его одолевала легкая грусть человека, успевшего за несколько дней свыкнуться с улицами и домами, с тишиной этого небольшого городка. Да, командировка истекла, все необходимое записано, можно преспокойно купить билет на экспресс и отправиться в столицу.

Водитель, сухопарый мужчина с неестественно высоко поднятыми плечами, по всему видно, пенсионер, правил нервозно, резко тормозил. Коева так и подмывало сделать ему замечание, но какое он имел на то право? Был бы это его шофер или хотя бы мало-мальски знакомый... Впрочем, насчет того, что они не знакомы, Коев немного сомневался. Кого-то напоминал ему этот человек — своей выправкой, острым проницательным взглядом голубых глаз. Откуда он мог его знать? Где мог встречать? Коев не раз задавал себе подобные вопросы, так и не находя ответа. Цепкий взгляд шофера неотступно следил за ним, и это раздражало Коева.

Он перебрал в памяти далекие студенческие годы. И вспомнил офицера, любовника своей хозяйки, — женщины молодой, кровь с молоком, по которой сам он тайно вздыхал. Офицер был рослый блондин с неуклюжими движениями и тяжеловесной походкой. Сквозь одежду выпирали мощные мускулы. Но не мускулы по-

ражали, не они приковывали внимание. Впечатляли прежде всего глаза. Навязчивые голубые глаза, оловянные, осоловелые. Они обдавали холодом. Марин всегда чувствовал себя точно мышонок перед ужом. Появлялся офицер всегда неожиданно, словно из-под земли вырастал. Коеву ни разу так и не довелось услышать, как он входит. Случалось, станет истуканом в двери и стоит, не говоря ни слова. Отвернешься — взгляд неотвязно следует за тобой. Исчезал он так же внезапно, как появлялся. И весь год, квартируясь у этой женщины, Коев так и не смог освободиться от страха перед офицером... Бывало, хозяйка заглянет к нему в комнату в домашних туфельках на босу ногу, в легком бархатном халатике, присядет на постели и заговорит вкрадчивым таким голосом. Певучая ласковая речь, распущенные рыжие волосы, густые и жесткие... Коев украдкой прикасался к ним. Но с тех пор как повадился этот офицер, он даже подумать о том не смел. Хозяйка, как водится, не догадывалась о его волнениях и, считая несмышленышем, беззаботно смеялась. Опыта он и впрямь не набрался, однако ей и невдомек было, что смущает его вовсе не ее близость, а нечто другое... Так что же сейчас тревожило Коева? Офицер, словно гвоздь засевший в памяти, снова взбудоражил его сознание именно здесь, в городке, где он родился и вырос, где все неодолимо влекло его обратно, воскрешая прошлое. Невидимые нити памяти тесно переплетали образы, меняя их естественные взаимосвязи, да и как иначе, много воды утекло с тех пор, плотной тиной заволокло дно...

Марин Коев отвел взгляд от шофера и вспомнил бе-

седы с Миленом, директором текстильного комбината, гостем которого он был. Точнее, не все беседы, а лишь одну из них, глубоко запавшую в сердце, ибо тогда разговор зашел о его собственном отце. „Как умер бай[1] Иван?" — спросил Милен. Коев не знал в точности. В то время он был в Софии. Позвонила сестра и сообщила, что отца забрали в больницу. Старик переболел гриппом, похоже, получил осложнение, да и старая рана давала о себе знать. Коев обещал тотчас же приехать, но задержался в столице по уважительной причине — как раз открылся конгресс филателистов, и он, известный журналист, естественно был в числе делегатов. Несколько раз звонил. В последний их разговор сестра, не на шутку растревоженная, сообщила, что Старый нащупал в животе какие-то уплотнения и считает их метастазами. „Какие такие уплотнения? — испугался Коев. „Так он говорит, — оправдывалась сестра. — А живот у него на самом деле вздутый и твердый". — „Слушай! — закричал Коев в трубку. — Немедленно вызывай врача, пусть введет катетер. Весной отец жаловался на этот самый, мужской недуг..." Разговор велся поздно ночью. К тому же был выходной. „Да где же я нынче возьму врача, Марин? Тут и медсестры-то днем с огнем..." — „Разыщешь! Любой ценой! Я завтра же буду", — твердо пообещал Коев... Но и назавтра он не поехал. Его избрали в состав руководства.

А потом пришла телеграмма...

---

[1] Бай — уважительное обращение к старшему по возрасту мужчине. (Здесь и далее прим. переводчика.)

Летний день клонился к закату, когда Коев вышел из „Лады". Первое, что он увидел, — огромную толпу, запрудившую двор. Обнажив головы, люди стояли группками под лозой, увешанной крупными гроздьями. Прислоненная к крыльцу, алела крышка гроба. Коев почувствовал, как болезненно сжалось его сердце. Вот и все. Один только дощатый гроб. Последнее прибежище Старого. Мать, вся в черном, прижалась к нему и зашлась в беззвучных рыданиях. Ох, Марин, Марин... нет больше твоего отца, Марин!.. Кровь запульсировала в висках. Глаза застлало пеленой... Он не ожидал скоропостижного конца Старого. Марин, поддерживая мать под руку, поднялся на крыльцо. В нос ему ударил терпкий запах цветов, воска и еще бог знает чего, связанного со смертью. У него закружилась голова, и он оперся на стену. Вот что осталось от отца. Ничего более. Он всматривался в заострившиеся нос и подбородок, откинутую голову. Ни с того ни с сего в памяти всплыло поверье, будто стоит кошке перескочить через труп, как он обернется вампиром. В голову полезла всякая чертовщина — оборотни, самовилы, дьяволы. Марин даже устыдился, словно старый мог подслушать его мысли. Сам он терпеть не мог и не позволял никому говорить о подобном вздоре. Взор заволокли слезы. Выбрался бы пораньше, застал бы отца в живых, клял себя Марин. Так ли уж важен для него выбор в руководство? В горле засел комок. Мог, мог, но не сделал, а теперь уже поздно... Тем и ужасна смерть. Захочешь еще разок увидеть человека, поговорить с ним о том о сем, а его уже нет в живых. Хоть головой об стенку бейся, по-звериному вой, рубаху на теле в клочья раздери, все напрасно, ни-

чего не вернешь. Ушел человек, уснул вечным сном... Марин Коев не впервые испытывал сознание непоправимости случившегося. Он похоронил дедов и бабок, своих теток и дядьев, близких и знакомых. Они покидали этот мир, унося с собой накопленное за годы жизни: мысли, чувства, мудрость, житейский опыт... Пока были живы, Коеву все недосуг было приехать. Но стоило кому-то сойти в могилу, как он осознавал неотвратимость случившегося, принимался себя казнить, что не удосужился узнать нечто важное для себя. Ибо каждый человек — неповторимая вселенная, болью отзывались в нем невосполнимые утраты...

Директор отнюдь не случайно поинтересовался Старым — разыгравшаяся в последние годы драма — тягостная, мучительная и неясная — унесла в могилу и Старого, и его жену... Милен был соседом бай Ивана, сызмала знал его, почитал как отца родного. Не будь этого старого учителя, с которым он обо всем советовался и которого во всем слушался, судьба Милена могла бы быть иной. Рано осиротевший и выросший в семье старшего брата, терпевшей и холод и голод, он не поддался соблазну вырядиться в форму бранника или приколоть к лацкану легионерский[1] значок, хотя это сулило стипендию и множество всяческих привилегий. Старый внушил ему, что человек должен рассчитывать единственно на собственные силы, всегда оставаться честным и неподкупным — что бы с ним ни случилось и какие бы на его долю не выпали страдания. С той

[1] „Бранник“ и „Легион“ — фашистские молодежные организации.

поры примером Милену были Левский[1] и Ленин. И хотя по малолетству он не смог уйти в партизаны, в день Великих событий[2] Милен ни на шаг не отставал от ребят постарше; позднее включился он в ряды новой революционной молодежной организации, а со временем вырос в одного из руководителей окружного масштаба.

„Как могло такое случиться?" — терзался Коев. Поглощенный повседневными заботами, он сначала не обратил внимания на слухи, что Старым-де заинтересовались следственные органы. Что там было расследовать? Его отец был кристально чистым коммунистом. Участник Сентябрьского восстания[3], он всю жизнь подвергался гонениям, угрозам, арестам. Невозможно, чудовищно! Либо же это попытка запятнать его имя, возвести поклеп, либо досадная ошибка. Разве можно оклеветать Старого?! Оказалось, что можно. Будто бы в тогдашние, фашистские времена Старый надумал сделаться старостой. Марин Коев как-то завернул в городок, порасспросил отца насчет людских толков, однако тот упорно отмалчивался: молва, мол, она на длинных ногах ходит, чему быть, того не миновать... Уже позднее, в Софии, Коев получил письмо от матери. Тон его был сумбурным, она ничего не поясняла, однако же просила заступиться за отца, пустить в ход свои связи в

[1] Васил Левский (1837—1873) — Апостол свободы, Дьякон — видный болгарский революционер, борец за освобождение Болгарии от османского рабства.

[2] Великие события — социалистическая революция в Болгарии 9-го сентября 1944 года.

[3] Сентябрьское восстание — антифашистское восстание 1923 года.

верхах, достучаться в нужную дверь. Коев раздраженно подумал, что раз до сих пор ни разу не прибегнул к протекции, то не станет унижаться и на сей раз. Он презирал само слово „связи“, часто выступал против семейственности, круговой поруки, беспринципности. Так неужто он станет просить влиятельное лицо заступиться за Старого? Ведь стоит отцу прознать об этом, как он...

С матерью Марин не стал делиться своими сомнениями, но все же посоветовал обратиться в Ревизионную комиссию Центрального Комитета в Софии. Так и поступили. Соответствующая инстанция подтвердила правильность решения партийного комитета. Старого исключили из партии...

— Тогда было много неясного, — говорил Милен, — действовали впопыхах, я работал инструктором горкома партии. Верно, помнишь?.. Попытался было поговорить с первым...

— Да оно и видно, что смотрели сквозь пальцы. Сказано же, чужую беду...

— Зря, конечно, не дали себе труда, — сокрушенно промолвил Милен. — Уж кто-кто, а бай Иван не заслуживал такой участи. Да еще из-за какой-то анонимной писульки.

— На беду документ обнаружили в архивах полиции.

— Да разве же это документ, боже милостивый! Заявление, на котором стоит резолюция „отказать“.

— „Отказать“ там действительно значится, но ведь и заявление налицо. Чего ради ему вздумалось быть старостой при фашистской-то власти?

— Во-первых, он им не стал. Во-вторых, ему определенно не доверяли. В-третьих...

— Не думай, что я его упрекаю, — прервал его Коев, — эта история мне самому покоя не дает.

— Они должны были не спеша, до тонкостей во всем разобраться. Чего проще, раз — и вышвырнуть. Бай Иван был связным у партизан, с центром держал связь...

— Ну, это, положим, всем известно.

— И вдруг, как гром среди ясного неба, — анонимка! Кому-то это было на руку. — Милен уставился своими черными глазами на Коева. — Кому, спрашивается? Кто состряпал анонимку?

— Ума не приложу.

— Вот и я не знаю. Но давай пораскинем умом. По всему видно, сочинитель — тертый калач. Ему было известно, что Старый подавал заявление. Мало того, самое удивительное, он знал, что заявление хранится в полицейских архивах. Откуда такая осведомленность, если даже мы в комитете слыхом не слыхивали об этом. И вот некто извлекает из архива бумагу и посылает ее нам... Сигнал анонимный. С какой стати? Если ты из наших и имеешь допуск к секретным документам, то с чистой совестью можешь привлечь внимание контрольной комиссии или партийного комитета. К чему строчить анонимки? При их виде у меня всякий раз сердце обрывается. Если ты такой принципиальный, тогда не таись, действуй с открытым забралом. Нечего за чужой спиной руки потирать, дескать, крепко насолил, теперь он у меня попляшет...

— Да, история, скажем прямо...

— Какая история, просто грязный навет. Всеми фибрами души чую, что это ловко подстроенный номер. Но кем и зачем он подстроен — убей меня, не пойму. Уйму времени потратил и — ни с места... Что, к примеру, заставляло Старого упорно молчать при расследовании? Почему рта не раскрыл и на собрании? Обмолвился только, что виновен, однако, говорит, не перед партией, перед ней я чист. А вот перед самим собой, говорит, виновен — не довел до конца возложенного на меня дела... Что требовалось доводить до конца? Как так, перед партией чист, перед собой в ответе? Законченный негодяй заварил кашу, а ты расхлебывай...

— Старый на своем веку даже врагов себе не нажил, никому поперек дороги не становился. Злопыхателем мог оказаться только тот, кто...

Коев не высказал свою мысль, и теперь, сидя в директорской „Волге“ и всматриваясь в осенний пейзаж, подумал, что нечто близкое к разгадке тогда его осенило, но мелькнуло в воздухе и растаяло как тысячи других мимолетных впечатлений за эти три дня...

В сущности, как бы ни был занят Коев на комбинате, мысли о Старом не покидали его, теснились в голове, даже хотелось освободиться от них. Не то, чтобы он не переживал за отца, просто ясно сознавал, что пора вырваться из заколдованного круга. Его угнетало чувство вины, что не принял близко к сердцу отцовские тревоги, не выкроил часок-другой, чтобы заехать к кому-либо из секретарей горкома. Может, тогда они не стали бы пороть горячку.

Даже на похороны опоздал...

Шофер остановил „Волгу“ перед гостиницей.

— Если вы собираетесь домой, я могу подвезти.

— Не стоит. Сестры все равно дома нет. Что делать одному в пустом доме?

— Воля ваша, — пожал плечами шофер.

Коев повертелся у входа, но заходить внутрь раздумал. Не хотелось запираться в четырех стенах точно сейчас, когда улицы кишели народом, закат золотил черепичные кровли и верхушки деревьев, а со Старопланинского кряжа дул приятный ветерок. Лето не спешило уходить, все еще щедро раздавая свое тепло, держало в плену, словно оттягивая долгую разлуку. Вспомнились волшебные вечера детских и юношеских лет, прогулки по главной улице городка, гарнизонная музыка по воскресеньям, летнее кино... В их переулке, в промежутках между старыми и новыми домами росли вишневые деревца. Жаль, не окрестили его Вишневым, а то и просто „Вишня“... Внезапно он спохватился, что до сих пор не заглянул в родной дом. Подумать только, что за жизнь такая? Некогда пройтись по улицам детства, посидеть в дворике, где вырос... Какие заботы лишают нас сладостного единения с самым дорогим на свете, какие мысли обуревают, мешая вернуться в милые сердцу места, откуда мы родом?

Марин поклялся себе, что завтра же наведается в отчий дом...

Когда третьего дня он вышел из поезда, в той же самой „Волге“ его дожидались бай Наско и директор комбината. Его отвезли в новую гостиницу. Как знатному гостю вручили ключи от номера, состоящего из двух

спален с гостиной, с двумя ванными комнатами, с телевизором и холодильником, забитым напитками. Ему пояснили, что в гостинице предусмотрено несколько таких люксовых номеров, забронированных для особо знатных постояльцев. Разумеется, счет оплачивал Текстильный комбинат, который Коеву предстояло прославить. Надо сказать, что этого комбинат вполне заслужил, будучи передовым предприятием. То же можно было сказать и о Марине Коеве, главном редакторе серьезного софийского печатного органа, публицисте с известным именем, чьи статьи, эссе и очерки почитали за честь печатать не только газеты, но и любые литературные издания. Все выходившее из-под его пера ставилось на одну доску со стихами видных поэтов. Постоянно бывая в разъездах, Коев легко писал на всякие темы, но в последнее время его властно потянуло к родному городу, к старым знакомым... А о чем же писать, как не о комбинате, в прошлом ткацкой фабрике?.. Марин хотел было взять с собой Аню — она могла бы помочь ему в работе, — да вовремя передумал: мысль о возвращении в родной город, пробуждавшая столько треволнений, подсказала ему, что ее присутствие свяжет его, не даст с головой окунуться в жизнь рабочих, которую он готовился отобразить правдиво и страстно. Ничего, он возьмет ее в другой раз, когда перед ним не будет стоять столь серьезная задача...

Уже в первый вечер в гостиницу прибыло почти все комбинатское начальство. Представляя людей, Милен никого не обделил добрым словом. Коев сразу же про себя отметил, что директор своих работников знает и

относится к ним не как к подчиненным, а как к друзьям-соратникам. На ужине присутствовал также один из секретарей городского комитета, смуглый, веселый парень, не сводивший со знаменитого журналиста восторженных глаз. В честь гостя провозгласили много здравиц, высказали много славословий, выпили много вина домашнего изготовления. Но вперемешку с похвалами, сыпавшимися как весенний дождь, то и дело упоминалось имя Старого. Еще в самом начале торжества Милен напомнил, что хоть Марина Коева знает вся страна, не следует забывать какого он роду-племени, что он родился в этом городе и воспитал его отец Иван Коев. Заместитель директора не упустил случая вставить, что для него лично Старый неизменно остается образцом настоящего коммуниста, как видно, запамятовав, что этот самый „образец" был в свое время исключен из партии. Секретарь горкома не преминул добавить, что имя Ивана Коева нынче не сходит с языка простых людей, также позабыв о случившемся. Марин внимал выступавшим с чувством горечи — все эти годы, пока он набирался профессионального умения и силы, обретал популярность среди тысяч читателей, в родном гнезде мучился наедине со своими проблемами и сомнениями Старый, к которому уважительно относились земляки, оставивший по себе добрую память у всех знавших его лично и только понаслышке. „Как могло случиться, — терзался он, — что меня не было рядом? Что занимало мой мозг, оторвав от корней? Ведь не кто иной как Старый меня воспитал. У него я учился самому главному, он помог мне твердо стать на ноги и отправиться по земле в прямом и переносном смысле, на-

правил на путь истинный." „В любом деле важно начало, — поучал Старый, — главное не упустить начало, заруби себе это на носу. Оно точно пуля, застрявшая в стволе ружья, из которого целишься. Стоит чуть-чуть дрогнуть, всего на какой-нибудь миллиметр, а от мишени отдалишься на сантиметры, а то и метры. Человек весь свой век должен обдумывать каждый шаг, сверять часы с такими же как он, ибо живет он среди людей, на людей уповает..." Марин Коев вдруг увидел себя в те далекие дни, когда остался один в старом доме, зажил отдельно от родителей, учительствовавших в соседней деревне. Томимый одиночеством, панически боясь темноты, он, десятилетний мальчишка, денно и нощно твердил в уме отцовские премудрости, убеждаясь в их справедливости, привыкая не отступать перед трудностями, преодолевать все на своем пути: и малодушие, и неуверенность в себе, и мелкие оплошности, и крупные просчеты... На протяжении всей жизни он привык неизменно равняться на Старого...

Оживленные голоса за столом отвлекали его от дум о прошлом, он отвечал на вопросы, произносил тосты и в конце, умаянный дорогой и захмелевший от вина и теплой встречи, пошел к себе. Вспомнив про Аню, набрал софийский номер. Она еще не спала, обрадовалась его звонку, расспросила о поездке и, убедившись, что все в порядке, сказала, что забыла положить ему в чемодан что-то, что он получит по возвращении... Марин уснул с ощущением, что день, проведенный в товарищеском кругу, среди благожелательных людей, исполненных к нему любви, уважения и надежды, прожит неда-

ром. Может быть, в этом и заключается наиважнейшая суть — ощущать, что ты необходим ближнему, что тебя любят...

Утром его разбудил неясный шум. В дверь кто-то стучался. Марин прислушался. Так и есть, стучатся. Он натянул брюки и, еще окончательно не проснувшись, отпер дверь. На пороге стояла сестра.

— Так все царство небесное проспишь, братишка! — засмеялась она.

— Который час? — спросил Коев.

— Девятый. Привыкли у себя в Софии спать без просыпу, а у нас иначе заведено. Люди давно уже трудятся.

— Проходи же, проходи! — засуетился Коев.

Пока он брился, сестра успела выложить последние новости насчет родственников. Упрекнула, что он остановился в гостинице, тогда как собственный дом пустует.

— Выбери себе какую угодно комнату и живи по-людски... Далась тебе эта гостиница!

Коев в ответ лишь посмеивался.

— А что прикажешь делать там в одиночестве? Сама к дочке съехала, кругом ни души.

— Зато полно воспоминаний. К тому же шкафы сплошь забиты книгами. Документы разные. Авось, пригодятся.

— Пригодятся? — плеснул себе водой в лицо Коев. — Что теперь ворошить прошлое, Старого все равно не вернешь.

Он сел и, улыбаясь, смотрел на сестру. Месяцев

пять-шесть назад, когда они виделись в последний раз, она показалась ему издерганной, измученной. Теперь вид у нее был спокойный, на губах играла улыбка.

— Давай спустимся вниз. Выпьем по чашечке кофе, поговорим, — предложил Коев.

Кафе было набито битком, но официант узнал столичного журналиста, так что за столиком дело не стало.

— Ты везде чувствуешь себя, как дома, братишка, — заметила сестра. — У меня бы духу не хватило вот так, запросто усесться.

— Ну и напрасно, что тут такого? Мы же для себя строим эти кафе.

— Строить-то строим, да от молодежи нигде прохода нету.

— Мне молодежь никогда не мешала.

— Молод ты, не старишься. Не то что я с внуками...

— Да уж куда как молод...

— Не знаю, как ты, — вымолвила сестра, — а я с тех пор, как мы мать с отцом похоронили, в старуху превратилась.

— Да ты прекрасно выглядишь!

— Дело не в том, как я выгляжу. Мне все кажется, будто вместе с ними ушло и все остальное.

— Все не все, но...

— Пока они были живы, — продолжала сестра, — я чувствовала себя уверенно, ничего не страшилась. Знала, случись что, поплачусь матери или отцу — и тяжесть как рукой снимет. А теперь... Младшая вон решила разводиться. Развод нынче — раз плюнуть, проще пареной репы. Семь потов с меня сошло, пока ее угомонила.

— Мне ведь тоже не сладко, одно спасение — работа. С головой в нее ухожу. День-деньской ношусь как угорелый, времени не остается на раздумья...

— И Аня, наверное, занята, — полувопросительно улыбнулась сестра.

— И Аня, — кивнул Марин.

— Счастливый ты человек, — она погладила его руку. — Выбился в люди, всюду уважение, почетным гражданином города вот стал...

— Да разве только в этом счастье?

— Нет, конечно, но все же... Везде тебе рады, встречают с распростертыми объятиями...

— Ну, насчет объятий...

— Отец все любил повторять: Марина нашего, мол, тут уважают, лестно отзываются обо всем, что пишет... А как принялись травить за то заявление, как раз вышла твоя статья о морали коммуниста. Прочитал ее отец и говорит: бумага все стерпит, а влез бы, сердешный, в мою шкуру...

— Он... тогда... наверно, тяжко все перенес? — запинаясь от волнения, спросил Коев, в который раз укоряя себя за безучастность к судьбе отца.

— Тяжко, — ответила сестра. — На людях крепился, а в душе ад кромешный был... Его-то он и унес в могилу... А вслед за ним и мама сошла...

Они замолчали. Коев допил кофе, стараясь сглотнуть застрявший в горле ком.

— А ты что думаешь об этой истории? — решился спросить он.

— Тут и думать-то особо нечего. Оболгали его, вот и весь сказ, — не задумываясь сказала сестра.

Коев поделился своими сомнениями.

— Знаешь, в этой истории много для меня непонятного. Милен считает, что за всем этим стоит матерый негодяй.

— Что толку задним числом копаться?

— Толк будет, лишь бы удалось выяснить что к чему.

— Прошлое не воскресить.

— Только бы найти за что ухватиться, — раздумывал вслух Марин. — Вот ты упомянула о документах, я и подумал, а вдруг после отца остались какие-то записи, он ведь частенько делал пометки.

— Кто знает.

— Он все что-то записывал. Свои папки держал под тюфяком. Вырезки из газет собирал, календари...

— Но кое-что должно быть у тебя. Ведь я же переслала тебе в прошлом году.

— Увы, ничего нового я не обнаружил. Ты все-таки поищи. Повнимательней все просмотри. Может, попадется что написанное его рукой, записки какие-нибудь. Надо думать, и дневник он вел...

— Право же не знаю, братишка. Я посмотрю еще в шкафу. Может, найдется что-нибудь в папках...

Подрулив „Волгу" к гостинице, бай Наско подождал, пока брат с сестрой вдоволь наговорятся, и повез Коева в Текстильный комбинат на встречу с инженерами и рабочими ткацкого и прядильного цехов. Среди них было много женщин, обрушивших на его голову уйму производственных и личных проблем. Среди работниц было немало знакомых — его бывшие соседки и

даже их подросшие дети, они распрашивали про Аню, рассказывали о последних годах жизни Старого и матери, погружая его в щемящее и сладостное душевное состояние, сколь быстротечное, столь и живучее в каждом из нас. Эти люди вернули Коева в его школьную пору, оживили в памяти картины вступления советских войск в их городок, его отправку на фронт...

„В сущности, — раздумывал Коев, — почему мы думаем, что в столице непременно меняемся, оставляя далеко позади провинциальных жителей? Спору нет, далеко не все, доступное софийцам, достижимо и для них; и знают они поменьше, и путешествовать по дальним странам, может, не доводилось, вот и слушают нас, раскрыв рот, ловят каждое наше слово. Но, разве такое уж несомненное это наше превосходство? И не стоят ли провинциальные жители намного выше нас в нравственном отношении, не связаны ли прочнее с традициями, не ближе ли они к природе, к самим истокам жизни! Пожалуй, в мелочах, подробностях мы их обогнали, но уж никак не в первостепенном, главном...“

Несколько вечеров Коева возили по новомодным кабачкам и трактирам, заглянули в гостиничный бар, где на него сразу обратила внимание пианистка, и Коев вспомнил, что это та самая Ненка, из далеких школьных лет, с которой они вместе выступали на сцене клуба-читальни, — он играл на скрипке, она — на фортепиано...

Коев не стал заходить в гостиницу. До званого ужина еще оставалось время. Милен и остальные должны

были подойти к восьми. Коев представил себе, как они усядутся в банкетном зале за праздничным столом, поднимут бокалы за его дальнейшие успехи. Он, конечно, все внимательно выслушает, выпьет вина, принесенного специально для этого случая, а сам будет думать о накопившихся делах, о рукописях, деловых встречах. Почему другие умеют жить просто, не мудрствуя лукаво, радоваться бокалу вина, задушевной беседе, а он все о чем-то думает, вечно о чем-то беспокоится, суетится, не спит ночами, встает, чтобы полистать книгу, справочник? Аня вот умеет жить безыскусно. „Хочешь, детей тебе рожу? И выращу. Ты будешь писать, я детей растить..." Все-то у нее ясно и просто. Не в пример ему, она не витала где-то в небесах. Она и его любовь к ней принимала естественно, как нечто само собой разумеющееся, несмотря на неизбежные размолвки, вспышки ревности и нежелание примириться с разлуками. „Мы любим друг друга и, что бы ни случилось, всегда должны любить друг друга, — часто повторяла она. — Все прочее не имеет значения". Аня работала в Болгарском телеграфном агентстве, профессию свою любила, однако ради Марина могла бы ею пожертвовать, не задумываясь. И это считалось бы в порядке вещей...

Тихий осенний день купался в лучах притомленного солнца. Стаи голубей летели куда-то к Старопланинской гряде. Было бесконечно приятно бродить по улицам родного городка. Пахло фруктами. Во дворах желтела айва, дозревал крупный виноград, на базаре шла бойкая торговля яблоками, инжиром и, на радость детишкам, пестрыми бутылочными тыквами. Из от-

крытого окна Дома культуры доносились звуки джаза, явно, шла репетиция. Коев с грустью вспомнил о тех временах, когда сам играл в духовом оркестре, а позже — и в струнном. Он тогда сам не заметил, как у него изменился вкус. Ему нравились Моцарт, Бетховен, Шуберт — и вдруг ни с того, ни с сего увлек джаз. Должно быть, он понял, что знаменитым музыкантом ему все равно не стать. Чтобы исполнить соло на трубе или виртуозно владеть скрипкой, требуются неимоверные усилия, каждодневные упражнения, полное самоотречение. Он же был не из тех, кто способен довольствоваться одним лишь искусством. В равной степени его влекли литература, театр, живопись, не говоря уже об архитектуре. Иными словами, природа одарила его всеми качествами, чтобы из него получилась незаурядная личность. В конце концов из него вышел хороший журналист.

Не желая привлекать внимание, Коев устроился в глубине маленького зала, но пианистка все же его заметила и объявила перерыв. Судя по всему, именно она была душой оркестра. Подойдя к Марину, она протянула ему руку.

— Рада тебя видеть.

— Потянуло по старой памяти. Еще на улице услышал, что вы репетируете...

— Играешь?

— Нет, скрипку давно забросил, — признался Коев, — а с трубой в софийской квартире, сама знаешь...

— Жаль, ты был хорошим музыкантом.

Они устроились за столиком возле бара. Как выяс-

нилось, в Доме культуры было два кафе — для широкой публики и еще одно, для служителей и их гостей. Весь штат составляли официантка и барменша. Увидев в буфете дорогие сигареты, Коев решил купить Ане целый блок излюбленных ею „Сент-Мориц".

— Ты заделался настоящим культуртрегером, — сказала Ненка, — а мы тут, на задворках...

— Коптите небо? — закончил Коев. — Уж не прибедняйся, гастроли, заграница... Как-никак слежу за событиями в родном городе.

— Действительно, были на гастролях в Греции, Швеции, — Ненка медленно, маленькими глоточками пила свой кофе. Белые руки с длинными холеными пальцами, запомнившиеся с юных лет, слегка пополнели. Волосы, как он успел заметить, были крашеными. — Недавно заключили на несколько месяцев контракт с ГДР.

— Ну вот, а ты плачешься.

— Но ведь это так редко. За столько лет — три-четыре турне.

Ненка задумалась. На губах ее играла улыбка. И все ее миловидное лицо светилось нежностью и какой-то отрешенностью. Впрочем, именно такой Марин Коев помнил ее со школьной скамьи.

— Как дома? — спросил он ее.

— Никак. Давно развелась. Дети в Софии. Живу одна.

— Может, не так уж и плохо.

— Я и не говорю, что плохо.

Она подняла на него лучистые глаза.

— А ты?

— Гм... Держусь на плаву.

Ненка тихонько засмеялась.

— Помнишь, как отец колотил тебя смычком по руке? Правую выпрями! Левую расслабь! Плотнее к струнам!..

Коев совсем запамятовал, что Старый руководил в гимназии духовым оркестром. Когда Марин переехал в Софию, ему еще очень долго рисовалась в памяти прямая, сухощавая фигура отца с поднятой дирижерской палочкой, а в ушах звучали хоро и марши Дико Илиева. В ту пору Марин играл в духовом оркестре на трубе. Это потом он пристрастился к скрипке. Старый, дав ему смычок в руки, много месяцев потратил на его обучение, пока не сказал, что пора продолжить с настоящим скрипачом, и повел его к тогдашнему капельмейстеру Атанасу Китанчеву, который за два года сделал из него неплохого исполнителя. Три раза в неделю Марин брал уроки у пожилого музыканта, а в остальное время занимался дома — Бах, Моцарт, Сарасате, Монти... Старый следил за его игрой. Как только он замечал, что пальцы сына начинают подбирать другие мелодии, свободно импровизировать, он стегал по руке и приказывал садиться за уроки. Марин послушно садился, час-два усердно читал, потом бежал в гимназию...

Вспоминая свою прошлую жизнь, Коев удивился своему трудолюбию и работоспособности. Другой вопрос — не впустую ли порой выкладывался? В отношении труда он свято следовал наставлениям Старого: делу время, потехе час...

— Мне порой тоже доставалось. Бывало, отвлекусь,

потеряю ритм и — на тебе, получай. Прямо по пальцам...

— Уж такая школа, — засмеялся Марин.

— А помнишь, что он нам втолковывал? Не тот музыкант хорош, кто хорошо играет, а тот, кто вовремя остановиться умеет. На одном концерте мы с тобой „Чардаш" Монти исполняли, он нас потом в дверях остановил. „Ты, — говорит мне, — почему скрипку не слушаешь? Торопишь ее, не даешь чистый тон извлечь..." Знаешь, многому научил он меня. Но прежде всего тому, что совсем недостаточно научиться грамотно читать с нотного листа. Это только азбука. Истинное дарование проявляется лишь потом...

„А ведь правда, — подумал Коев, — все имеет свое начало, а уж потом дает результат. И ноты, и исписанный лист..."

— Видела тебя на похоронах, но не решилась подойти, — вздохнула Ненка.

— Почему?

— Ты выглядел таким растерянным. Да и нам было тоскливо. Знаешь, когда теряешь людей, с которыми связан с детства и о которых думаешь, что они будут вечно, испытываешь страшную скорбь. Вот, моих родителей давно в живых нет, твои тоже умерли. Я часто прохожу мимо книжного магазина бай Мирчо — и его унесло. Китанчев на тот свет отправился. И Старый нас покинул...

„Старый" Ненка произнесла по-особому. Коева охватило смятение. Почему повсюду только и разговоров, что о Старом? Какой след оставил он после себя? Невысокого роста, в неизменной коричневой фетровой

шляпе покроя тридцатых годов, смуглый, коренастый, язвительный, зачастую резкий в суждениях. А вот любили его...

Усилием воли он взял себя в руки и весело сказал:

— А все-таки хорошо, что мы встретились. Ты в общем-то не изменилась.

— Да, не будь этого „в общем-то"...

Смех у нее был звонкий и нежный.

— Вполне серьезно. Отлично выглядишь.

— Марк Твен где-то сказал: если начнут говорить, что ты хорошо выглядишь...

Теперь рассмеялся Коев. Уловил искорку радости в ее красивых глазах, и ему стало приятно, вот они сидят вдвоем в уютном кафе и разговаривают так, будто никогда не расставались. Как когда-то...

Когда-то?

Когда-то, в школьные годы, хотя они часто выходили вместе на сцену, Марин никак не мог освободиться от смущения перед Ненкой. Хорошенькая, статная девочка держалась с неподражаемой грацией и изяществом. В отношениях с однокашниками проявляла сдержанность и казалась ему гордячкой, потому что происходила из знатного рода, жила в красивом особняке в центре города. Семья их владела также несколькими гектарами виноградников и такой прелестной виллой, что, проходя мимо нее, невозможно было не остановиться, не полюбоваться ею. Коев не знал, какие именно фабрики принадлежали отцу Ненки, Страхилу Груеву, да и был ли он их владельцем или же только состоял акционером. Но когда на главной улице задавался его

черный фаэтон, запряженный парой породистых лошадей, прохожие почтительно сторонились и снимали шапки. Сойдя вниз, фабрикант прихватывал свой кожаный портфель и молча, с достоинством входил в дом. Этот несколько суровый в обращении человек имел также сына-летчика, постарше Ненки. Жену он давно похоронил, однако жениться повторно не стал. Незадолго до победы народной власти Страхил Груев внезапно скончался прямо в своей конторе от разрыва сердца. Детям досталось солидное наследство, но распорядиться им они не успели. Вскоре грянули Великие события. В вилле разместился профилакторий для рабочих, дом забрали под детский сад, конфисковали и тот, где прежде находилось околийское управление...

— Сколько же времени ты проучительствовала? — спросил Коев.

— Порядочно... Брата уволили. Потом он поступил на работу автомонтером, и поныне там...

— А как ты стала учительницей?

— Разве не знаешь?

— Откуда же мне знать?

— Старый меня назначил.

— Серьезно?

Ненка медленно взболтала кофе.

— Видишь ли, практичности мне всегда недоставало. После смерти отца у нас какое-то время еще водились деньжата. Товар кое-какой остался. Потом все добро национализировали. С фашистами мы сроду не водились, отец в городе слыл англофилом, с немцами в сделки не вступал. Но уж очень смутные были времена.

Говорят, лес рубят, щепки летят. Забрали все, до последней нитки, и мы буквально голодали. Пробовала играть в каком-то ресторанчике, потом в другом... Как-то случайно встретила твоего отца. Он меня остановил: „Ты ли это, Ненка?“ — „Я, дядя Иван“, — отвечаю. Если бы ты знал, как мы тебе косточки перемывали! То ли Старый вспомнил, как мы с тобой дуэтом играли, как он натаскивал нас обоих, то ли просто пожалел меня, уж не знаю, но сразу забегал, захлопотал, поручительства писал, чего только не делал, пока не пристроил меня учительницей пения. Он же тогда директором был. Мало-помалу я очухалась, замуж вышла.

— Старый ни словом ни обмолвился.

— Так уж получилось. Не обижайся, ты ведь в столицу подался, с головой в свою журналистику ушел, а о нас, грешных, даже думать перестал, даже чудно, как это ты сейчас выбрался...

— Ну не преувеличивай. Наезжал ведь.

— Тоже мне наезды. Поди, и городок наш толком не разглядел. Ты посмотри, как он изменился!

— Вижу, вижу.

— Старый мечтал сохранить старые улицы, хотя бы одну булыжную мостовую. Куда там, не послушались.

— Послушаются, жди... Ведь как раз тогда...

— Знаю. Как-никак коллегами были.

— Ненка, — не сдержался Коев, — что ты слышала о том деле?

— Что тебе сказать, как гром с ясного неба.

— А что люди-то говорили?

— Пополз слух, будто он в старосты набивался, разбогатеть возмечтал...

— Неужели были такие, кто верил этим бредням?

— Нет, конечно! Старого весь город знал. Сколько добра он сделал людям... При новой власти ничего себе в карман не положил...

— Делился он с тобой?

— Делился... Сейчас уже толком не вспомнить, но делился...

Коев посмотрел на нее с надеждой.

— Вспомни, что он говорил.

— Ты же его знаешь. О себе говорить не любил. Не оправдывался. Только раз-другой заметил, что не поймет, как вся эта путаница вышла. А однажды сказал, что напал на след. „Я, — говорит, — давно уже кое-что подозревал, все надеялся разобраться, что к чему". Главное, как он считал, действовать наверняка. Пуще огня боялся валить на невинного, оказаться на ложном пути...

— И ведь никогда даже словом не обмолвился...

— К чему было говорить? Сетует, бывало, Марин совсем от нас отошел. Не болеет душой за своих...

Коев ощутил тяжесть в сердце, даже дыхание сперло. Вот и сестра тоже проговорилась, что, уже будучи прикованным к постели, Старый однажды сказал: „А Марин все никак не соберется навестить меня, конечно, спохватится, приедет, да будет поздно..."

— Уж не обессудь за откровенность. Но, думается, на правах давнишней знакомой...

Марин Коев молчал. Сделалось нестерпимо горько за Старого, за себя, за упущенные годы... Ненке словно передалась его горечь. Она не спускала с него сочувственного взгляда, свойственного ей одной, — мягкого,

успокаивающего. Ах, что это был за взгляд, теплый, ласкающий, Коев помнил его, словно вчера все это было.

— Я тебе нравилась, правда? — спросила она вдруг.

Коев смутился.

— Нравилась. Даже очень.

— Но о близости тогда и речи быть не могло.

— Знаю.

— Знаешь, я много раз возвращалась к этой мысли и всегда испытывала стыд.

— Отчего?

— Сама не пойму, Марин. Может от того, что когда-то я не смогла тебя оценить, а ведь из нас всех, пожалуй, единственно ты вышел в люди.

— Брось, не стоит ворошить старое.

— Конечно, но все же.

Марин положил руку ей на плечо.

— Ненка, ты сама понимаешь...

— Увы... Если сможешь, приходи вечером в бар. Будем играть Эллингтона.

Коев пообещал прийти.

Вечерело. Город окутывала чуть заметная мгла. Словно светлячок мигал желтый глаз светофора, а где-то высоко-высоко загорались первые звезды. Интересно, что в Софии он почти никогда не видел звезд. Ни Венеры, ни Большой Медведицы, ни месяца. Когда в последний раз разглядывал он ночное небо? Поди, ни разу после первой встречи с Аней... Так он и не познакомил ее со Старым. Наверняка отец ей понравился бы. Он всех располагал к себе...

Молча слонялись они тогда по мокрым улицам. Аня

улыбалась ему, не в состоянии побороть смущение. Они уже давно были знакомы, время от времени встречались. В тот раз они забрели в какой-то незнакомый двор. Коев чувствовал, что страшно устал. К тому же угнетало чувство одиночества. Работы было по горло. Случайно встретив Аню на улице, он пригласил ее прогуляться. А вот теперь, во дворе, со всех сторон загороженном домами, он притянул ее к себе, обнял за плечи и прошептал:

— Знаешь, как давно мне хочется остаться с тобой наедине?

Она подняла на него испытующий взгляд, но не отстранилась.

— А тебе? Тебе? — спрашивал он, все крепче прижимая к себе.

Она же, не говоря ни слова, вдруг приподнялась на цыпочки, и ее горячие губы обожгли его.

Очнувшись, оба непроизвольно прыснули — они стояли в полузамерзшей луже...

Марин остановился перед желтым зданием старой городской бани. Той самой, куда часто ходил в детстве. Он присел на скамейку. Его обдал запах мыла и влаги. Теперь это была уже прачечная. А бань в городе стало много.

— Ты, часом, не Иванов ли сын?

Старик, незаметно подсевший к Коеву, был маленького роста, сгорбленный под тяжестью прожитых лет, точно так же, как усох и сгорбился его отец. Он опирался на толстенный посох, судя по всему, сделанный собственными руками.

Коев всмотрелся в сморщенное лицо старика.

— Бай Стоян! — воскликнул он. — Прости, не узнал тебя.

— Да и не мудрено, рожа на себя не похожа, — старик захихикал. — А я вот тебя сразу признал: раз глазами в плиту впился, значит, Марин, никто другой...

Какую плиту? Коев огляделся. Ослеп он, что ли, чтоб мемориальную плиту не заметить? Плита мраморная, почти в человеческий рост. На ней надпись выпуклыми золотыми буквами:

Здесь 14 марта 1943 года
погибли геройской смертью коммунисты
ПЕТР ИВАНОВ — ОРЕЛ
СПАС ПЕТРОВ — МОРЯК
Слава героям-борцам!

Старик задумчиво промолвил:

— Своими глазами видел, как их убили. Я того... и в комитете рассказывал. И журналистам. Даже в газете об этом писали...

Коев вспомнил, что действительно читал такой репортаж в местной газете в связи с какой-то годовщиной. Ну конечно же, бай Стоян тогда в бане работал, вот и видел все, что произошло.

— Читал, как же, читал.

Старик не шелохнулся, даже не глянул в сторону Коева.

— Век свой скоротал в этой самой бане. Всякое довелось увидеть за долгую жизнь. Но чтоб среди бела дня на глазах у честного народа людей убивали — такого не видывал... Дело было под вечер, как раз уходить собрался, как вижу — полицейские крадутся. Ну, ду-

маю, облаву устроят. Шагах в десяти от бани углядел Петра и Спаса. Меня словно током пронзило: надо бы им сказать, но как? А тут крики раздались: сдавайтесь, мол! Те за револьверы. И пошла пальба. Я затаился вон там, под акацией, ни живой, ни мертвый. Пули свистят, фью, фью. Свалили их первыми же выстрелами... А потом фургон подъехал и их увезли...

Спас и Петр. Коев хорошо помнил обоих учителей. Они частенько наведывались к Старому, не раз оставались ночевать. Укладывались внизу, в крохотной каморке, на железной кровати с размалеванными спинками (Коев и по сей день их помнит), с бронзовыми шарами в четырех углах. Старый устраивался рядом с гостями, попыхивая папироской. Лампу не зажигали. Говорили о нужде, о войне, об угоне скота. Марин жадно слушал рассказы о нападении партизан на сыроварни и склады, немецкие эшелоны, о саботажах. У учителей были зычные голоса, каждое слово гулко отдавалось в клетушке. От смеха дрожали стекла...

Кто только не заглядывал к ним в дом: учителя, рабочие, молодежь... Наведывалась и одна женщина, Найда. Уже после победы она получила инфаркт и скончалась прямо на партийной конференции, не сходя с трибуны.

Часто наезжал высокий мужчина в черной шляпе — то ли из Софии, то ли еще откуда. Незнакомец обычно не засиживался — поговорив немного со Старым, он исчезал. Приходил еще летчик Антонов. Живко Антонов. Он успел уйти к партизанам. Теперь вот в генеральском звании ходит. Одним словом, в посетителях

недостатка не было. И не одни только смельчаки заглядывали. Случались также робкие и нерешительные, такие без обиняков предупреждали: на нас, Иван, не надейся. Ребятишки у нас, не годимся мы для рискованного дела... Старый не настаивал, не принуждал. Странный он был человек. Другие коммунисты того же поколения действовали напористо, нервно, чуть ли не силком подчиняя своей воле. Старый же, наоборот, никогда голоса не повысит. Убеждал спокойно, уговаривая, и редко кто ему отказывал...

— Как же это вышло, что их раскрыли? — спросил Коев.

Старик пропустил вопрос мимо ушей. Он закашлялся, потом отер выступившие слезы и постучал посохом по земле.

— Как вышло? — в сердцах переспросил он. — Предатель к ним втерся. Так мне сдается. А кто — знать не знаю.

— Отец ничего тебе не говорил?

— Какое там! Смутное было времечко, Марин! Кому верить? Каждый за свою шкуру дрожал...

Поговорив еще немного, Коев проводил старика до речки и решил пройтись по берегу. Воды в реке поубавилось. Там и сям, на кочках, пучками торчала трава. Бурная весной и почти усыхающая летом, речка прятала в глубоких омутах усачей и ельцов, на мелководье извивались угри, а в верхнем ее течении резвилась форель... Как будто только вчера покинул он городок... Кажется, завтра они с пацанами чуть свет отправятся на рыбалку.

Он, как прежде, закатает штаны и зашлепает по воде... Однако детство не вернется никогда, ибо в то время, когда он с друзьями наперегонки носился по прибрежным тропинкам, шарил по дну реки в поисках карпов, Старый был еще совсем молодым, а мать — осанистой и черноволосой...

На другом берегу стоял небольшой дом с бочарней, принадлежавший бай Симо, родственнику матери. Марин вырос вместе с его тремя дочками, вместе учились, потом вместе же отправились в столицу. Бай Симо остался вдвоем с женой, по-прежнему занимался своим ремеслом, высылая дочерям денежные переводы. Однажды, проходя мимо Центрального почтамта, Марин забежал купить марки. Сидевшая за окошечком женщина окликнула его. Удивленный Коев даже не сразу узнал ее. Но приглядевшись, распознал Керку, старшую дочь бай Симо. Не окликни она его, того и гляди разминулись бы. Керка упрекнула его, мол, знаться перестал, большим человеком заделался... Коев принялся оправдываться, дескать, закрутило так, что не продохнуть, расспросил о других сестрах — Зине, Тодоричке. Оказалось, что обе замужем за военными. А Керка уже успела развестись... На прощанье Коев записал ее телефон и пообещал позвонить.

Да так и не позвонил...

Жив ли бай Симо? Коев прошел по новому мосту, обогнул жилые дома и очутился в проулке, сохранившем свой прежний вид. Все тот же питьевой фонтанчик, отделанный мрамором, церковь с подворьем, заросшим виноградной лозой и самшитом. А вот и домишко бай

Симо. Некогда добротная постройка, зажатая в тисках блочных зданий, ныне производила жалкое впечатление. К дому вела выложенная плитами тропинка. Ветки старой смоковницы, подобно скрюченным пальцам впивались в ограду; ее плоды были размером с крупную грушу... Мастерская окончательно скособочилась, однако изнутри доносились глухие удары. Коев вошел внутрь и не поверил своим глазам. В неизменном кожаном фартуке, в вечной мерлушковой шапке, с молотом в руках сидел старый бондарь, набивая обручи на кадушку.

Постаревший, сгорбившийся, в очках, съехавших на нос, это был все тот же бай Симо. Уж не снится ли он Марину? Или он вновь вернулся в детство? Коев протер глаза, даже за нос себя ущипнул, но видение не исчезало. Бондарь и впрямь прилаживал обручи, то и дело поправляя сползающие очки. Он даже не оглянулся на вошедшего. Видать, принял за обычного заказчика. Покончив с работой, вытер руки в подвешенное к ремню полотенце, достал кисет с табаком и принялся набивать короткую трубку. Давнишнюю, тоже до боли знакомую трубку. Курил он всегда неторопливо, с толком, говорил и того медленнее, лишь изредка поднимая глаза на собеседника.

— Бай Симо! — подошел поближе Коев. — Не узнал?

Бондарь повернулся, смерил взглядом журналиста и медленно произнес:

— Марин, Марин, знать, совсем я из ума выжил, коль сразу не признал тебя...

Коев пожал его жилистую руку и, улыбнувшись, по-

хлопал старика по плечу. Все еще крепкий, держится.

Присели.

— Гляжу, постарел ты, — кивнул бай Симо на его седину.

— Годы свое берут, — вздохнул Коев.

— Эк, хватил, ты еще молод.

— Тебе-то сколько набежало?

— А вот отгадай!

— Семьдесят. Нет, семьдесят пять, — поправился Коев, вспомнив, что в его школьные годы бай Симо уже был известным мастером.

— Клади еще восемь.

— Восемьдесят три? — не поверил Коев.

— Летом исполнилось.

— Быть того не может!

— Стало быть, может. Отлетают, Марин, годочки. Как ветром их уносит, не угонишься.

— Ну, выглядишь ты куда моложе своих лет, бай Симо, — искренне заверил его Коев. — Ты хоть и знаешь свои годы, все равно столько не дашь...

— Оно и яблоко червивое не сразу распознаешь...

— Отец вот рано ушел.

— Ему бы жить да жить, ан нет... Мне вот думается, что человека на этом свете упорность держит. Душу в теле из упорности держать надо. Наверное, знаешь, старшая-то моя, Керка, развелась. Так старухе моей беду эту перенести оказалось не под силу, занемогла, бедная, слегла, да враз и окочурилась.

— Виделся я однажды с Керкой. Рассказала мне в двух словах про житье-бытье.

— Вы там, в большом городе, друг дружку, поди,

не знаете? Всяк своим путем идет. Мы вот, бывало, говаривали: где кабачок, там и дружок. А в Софии ни застолье вас вместе не соберет, ни что другое...

— Вроде, твоя правда, — засмеялся Коев.

— Мне ли не знать, вдоволь натерпелся... Так я про отца хотел досказать. Ведь и его тоже заботы извели. Не выдюжил, руки у него опустились, вот и сошел в могилу прежде срока...

— Может, и опустились, а может...

— Жизнь она скользкая: не ухватишь мертвой хваткой — упустишь, как рыба ускользнет.

— Пожалуй, подмечено правильно и возразить нечего.

Бай Симо стряхнул пепел, продул и снова набил трубку.

— Одно время выкуривал по три трубки. Теперь с горем пополам одну осиливаю. Душит меня. А бросить никак не брошу. Говорят, что вред и еще бог знает что. Зинка, средняя моя, докторица, все уму-разуму учит, а я как погляжу, как сама-то кофе хлещет. Думаешь, не вредит...

Они помолчали. Старик посасывал трубку. Коев с наслаждением вдыхал запах смолы и дерева. Совсем как в детстве.

— Бай Симо, — тихо позвал Коев, — ты слыхал что-нибудь про убийство тех двоих?

— Спаса и Петра, что ли?

— Их самых.

— Ну что тебе сказать... Лихая была година. Не их одних прикончили.

— А с отцом разговоров о том не было?

— Так и отца-то твоего, Марин, тогда схватили. Дня за два до погибели ребят. Взяли ночью и отволокли в полицейский участок. Измордовали всего...

— Откуда ты знаешь?

Бондарь взглянул поверх очков.

— Знаю.

— Не от отца ты об этом слыхал, сам он не стал бы распространяться. Словоохотливым на этот счет его никак не назовешь.

— Не от него знаю. От других.

Странное дело, подумал Коев, есть вещи, Старый никогда не говорил об этом. А ведь Марин не раз расспрашивал отца, интересовался подробностями создания партизанского отряда; сколько раз он выпытывал о сражении у села Горско, о массовизации отрядов и о многом другом, но об аресте Старого слышал впервые.

— Бай Симо, — сказал Коев, — я не случайно допытываюсь. История исключения отца из партии у меня из головы не выходит. И с Миленом говорили об этом, и с сестрой... Чем дальше, тем больше неясного. А сейчас еще узнаю и про арест Старого.

— Право слово, так и было.

— Ты своими глазами видел или мать рассказывала?

— Его ночью взяли, — попыхивал трубкой бондарь, — так и мать твоя сказывала, и... — старик закашлялся надсадно.

— И еще кто?

— Тот, кто его спас.

— Кто же его спас?

— Соломон.

— Писарь околийской полиции? Этот зверюга?

— Он самый.

— Ты говори, говори, да не заговаривайся, бай Симо...

— Чего не знаю, того не баю, Марин. Соломон вам сродственником приходится. Кажись, двоюродный брат по материнской линии. Его Карастояновым кличут. Нешто бабку твою не Тонка Карастоянова звали?

— Ну...

— А в селе Ристово нет у вас родичей среди Карастояновых?

— Как же, есть. В гости к ним сколько раз ходил.

— То-то и оно. Соломон и мать твоя недолюбливали друг друга, а уж о Старом и говорить не приходится. Но когда стряслась беда, куда кинуться? Кто выручит? Тут о Соломоне и вспомнили. Ночью мать твоя прибежала сюда. Вставай, говорит, Симо, Ивана нашего схватили. Живым, говорит, из участка не выпустят. Пойдем, поклонимся в ноги двоюродному брату. Поговори с ним как мужик с мужиком, твое слово больше тянет. Оделся я, велел жене помалкивать, и отправились мы. Соломон в другом конце города жил, о чем мы с ней по дороге толковали— не знаю, начисто все вылетело из головы. Но как стучались к Соломону, как он с револьвером в руке в окне показался, как мы вызвали его и уговаривали — помню, точно вчера это было. „Соломон, — говорю, — Ивана полиция забрала, пропадет ни за грош, коли не заступишься. Давай, — говорю, — спасай, ведь родич как-никак". „Какой там родич, — говорит. — Коммунист он. Нешто он мне землю пахал?" „Брось, Соломон, — убеждаю, — не время счеты

сводить-то. Тебе ли не знать, сколько я на своем веку горя натерпелся? Политика, — говорю, — блажь временная, сегодня она есть, завтра нет, а мертвого с того света не вернешь. Помнишь, в двадцать третьем сколько их полегло? Думаешь, одни только виновные? А поможешь кому, добром помянут, вовек не забудут. Пойди, вызволь человека. Так и так, скажи, свояк он мне, отпустите... Головой за Ивана ручаюсь... Я Ивана знаю, не такой, как мы, но ведь на то и учитель он, а не бондарь. Пускай рядит не по-нашему, разве поднял он ружья на кого, или царя с трона сбросить надумал? Ведь не так же. А раз не так, то все прочее яйца выеденного не стоит. Одного вы с ним корня. Не мешкай, Соломон, сделай добро, не бери себе грех на душу..." Помню, так долго увещевал я его, втолковывал. А он уперся, хоть кол на голове теши. А твоя мать, бедолага, слова не вымолвит. слезами горючими захлебывается.

— И что же, уломал?

— Уломал.

— Выходит, он спас отца?

— Как он того добился, не знаю. Но пустили-таки Ивана. А какой у них там разговор с глазу на глаз вышел...

Коев замер.

— Не случалось вам говорить об этом?

— Нет.

— А с матерью?

— Как-то встретил ее на базаре. Сама не своя. „Спасли, — бормочет, — Ивана, а Спас и Петр погибли". „Но Иван-то не виноват", — успокаиваю я ее. „Ничегошеньки-то не знаю", — расплакалась она и пошла

дальше. На том и кончилось... Кто виноват, кто прав, судить не нам... Одному богу все известно...

Коев посидел еще немного со стариком, но разговор как-то не клеился и он стал прощаться. У калитки остановился, стал рыться в карманах в поисках сигарет. Курил он редко, но сейчас вдруг потянуло. Подняв голову, он увидел за забором человека, вернее, даже не человека, а тень, тотчас же растворившуюся в непроглядной тьме. Кто это мог быть? Или только померещилось? Еще не хватало, чтобы призраки являлись, засмеялся Коев, однако смех застрял в горле. Коев почти был уверен, что кто-то подслушивал их разговор. Он повел плечами, как бы стряхивая со спины озноб...

Вслушиваясь в собственные шаги по мощеной мостовой, Коев размышлял об этой запутанной истории. Вдруг ему показалось, будто совсем рядом кто-то крадется. Он остановился, прислушался. Вроде не ошибся, действительно в темноте послышались шаги. В этих узких улочках всегда было нечто настораживающее, какой-то неясный шум. В детстве, бывало, с наступлением темноты ребятишки разбегались по домам... Коев прибавил шагу и вдалеке заметил пригнувшуюся фигуру человека, который пустился наутек и, свернув в соседнюю улицу, исчез. Коев бросился вдогонку, у перекрестка оглянулся — человек как сквозь землю провалился. Он обследовал весь переулок, взираясь в тень закоулков, в ниши провисших ворот, однако никого не обнаружил. Улочка отходила ко сну, но там и сям все еще светились окна. Как бы кто не выскочил из-за спины, тревожился

Коев, припомнив, что Яне Сандански[1] всегда присаживался с краешка стола, боясь, как бы кто не напал сзади. „Тоже мне Яне Сандански!“ — съехидничал над собой Коев. Он выбрался из темной улочки и пошел берегом.

„Интересно, кто бы это мог за мной следить? — подумал Коев. — Может, просто из любопытства. Скажем, прознал кто-то, что к бондарю гость пожаловал, и решил подсмотреть, каков он из себя... Но зачем тогда в прятки играть?“

Вышел на светлую улицу бывшей Шапочной слободки. Отлично помнил ее, сюда не раз приводил его Старый, тут шапочники выкладывали для продажи свой товар. Аккуратно сбивали они мездру, выминали и выделывали шкурки, причесывали шерсть. Готовые, еще сырые шапки на болванках ставились для просушки под окном. От них шел резкий кислый запах, отпугивавший мух. Много лет спустя, разглядывая в бельгийском Музее африканского искусства черные негритянские скальпы, Коев вспомнил меховые шапки в родном городке — ни дать ни взять отрезанные головы... А вот и розовый домик, чудом не попавший под бульдозер. Некогда в нем жила русокосая весталка, глаза с поволокой... Сколько он ухаживал за ней, сколько серенад спел — все напрасно, она не замечала его, пока в один прекрасный день он не увлекся ее приятельницей. Черной пантерой...

А вот у того детского сада — в здании бывшего по-

---

[1] Яне Сандански (1872—1915) — легендарный воевода, революционер, боец за окончательное освобождение Болгарии от турецкого рабства.

лицейского управления — он стоял на посту в дни Великих событий, крепко сжав старенький револьвер. Тогда ловили одного агента охранки, началась перестрелка и шальная пуля снесла его фуражку. Угоди она сантиметром ниже...

В темноте шумела река. Тянуло сыростью. В сознании всплыла точно такая же река. В тот день позвонила ему Аня. В редакции у него особо спешной работы не было, что случалось чрезвычайно редко. Они договорились встретиться. Незадолго до этого Коев обзавелся „Ладой“, Ане нравилось сидеть с ним рядом и слушать музыку. Она не докучала болтовней, знала, сколько сил отнимает у него работа. Пообедали в придорожном ресторанчике. Потом свернули на проселочную дорогу и вскоре остановились у Пештерской реки. Прежде Коев не раз сиживал тут с удочкой. Лето подходило к концу; извиваясь меж зеленых берегов, текла чистая и теплая речка с тихими заводями. Сбросив одежду, они с наслаждением погрузились в воду. Аня, молодая, гибкая, стала шумно дурачиться, оживленно плескаться, даже запела, чуть фальшивя: „Ах, мой миленький дружок“, после чего он долго над ней подтрунивал. Они натаскали целую кучу камней для запруды. Так они возились до сумерек, и Коева не покидало чувство, что он снова вернулся в детство, когда с ребятами они так же запруживали Старую реку и с разгона прыгали в воду. Вспомнился Милен, нынешний директор комбината. Он был поменьше его годами и пошустрее. Бывало, подглядывали они за девчатами, прибегавшими с поля освежиться. Девушки купались нагими, завидев их, поднимали невообразимый гвалт, окатывали их водой с ног

до головы. Отбежав в сторону, парнишки продолжали слушать их заливистый смех и крики. А стоило ватаге вернуться, как снова поднимался писк...

— Марин, это ты, родимый?

Голос показался Марину знакомым. Оглянувшись, он увидел пожилую женщину с хозяйственной сумкой в руке. Она широко улыбалась.

— Добрый вечер, тетушка Янка!

— Добрый вечер, мой мальчик. Ну, говорю себе, это Марин, ни с кем его не спутаешь. Ни у кого нет такой осанистой походки.

— Давно мы с тобой не виделись.

— Да вы там, в Софии, все с утра до ночи заняты. Важными, видать, делами ворочаете. Домой-то заходил?

— Нет еще, тетушка Янка. В гостинице остановился.

— Я и то подумала, загляни, Маринчо, домой, наверняка углядела бы. Милен сказывал, что ты тут... Ну, а мы... Сам видишь... Старость не радость, милок. Отец твой, бывало, говорил: в молодости все желали мне дожить до старости, до седых волос. Вот постарел, поседел, а проку-то?

Коев засмеялся.

— Такая уж у людей присказка. Умереть молодым разве лучше?

— Как знать. Иногда, кажется, лучше.

— Вот тебе и на!

— Старый вот преставился. Опустела наша улочка. Осиротела, почитай. Пока был жив Старый, жизнь кру-

гом кипела. Народ, бывало, валом валит. Планы разные кроили. Все прахом пошло. Ни тебе людей, ни планов. И зачем все это?..

Тетушка Янка знала всю их семью, с матерью сызмальства дружила, а вспоминает Старого...

— Ну, я пошла. А ты, когда домой наведаешься, дай мне знать. Непременно буду ждать...

Коев сам не помнил, как очутился у дома бывшего партийного секретаря, того самого, при котором исключили Старого из партии. Дворик зарос яблоневыми деревьями и малиновыми кустами. Сокол (партизанская кличка секретаря) не съехал из старого отцовского дома, правда, достроенного и тщательно отремонтированного, но сохранившего свой прежний облик. Хозяин сидел во дворе.

— А, Марин! — поднялся навстречу Сокол, протягивая руку. Другая безжизненно висела плетью, и Коев припомнил, что не так давно с Соколом случился удар. Чуть заметно разладилась у него и речь.

— Какими судьбами?

— Да вот приехал на комбинат. Надумал про него написать, вот и хожу, расспрашиваю того, другого. Не забывается родной город.

— Уж не лукавь. Забыли вы его, начисто забыли. Набились как сельди в бочке в свои столичные коробки, то ли завернете раз в год по обещанию, то ли нет...

— Твоя правда, — согласился Коев.

— Погоди, я еще не то тебе скажу. Пописываете, значит. Но, помилуйте, о чем? Да ведь чудеса-то творятся под самым носом, целые поколения тут уже сме-

нились, а вам и дела нет. Ох, Марин, смотри у меня! — погрозился Сокол.

Коев присел с ним рядом.

— Не знаю, с чем ты явился, — продолжал Сокол, — но без угощения не обойдется.

Он вынес бутыль домашней, выдержанной в дубовом бочонке, ракии, нарезал огурчики и помидоры.

— Я хочу поговорить с тобой о Старом, — без обиняков начал Коев.

— О Старом?

— Вы в те годы друг друга держались. Ты секретарствовал, когда его исключили. Отчитываться передо мной ты не обязан. Я далек от такой мысли. А вот выяснить мне кое-что надо бы...

— Какой теперь в этом резон? — спросил Сокол, точно так же, как и сестра.

— Резон есть.

— Дело ведь прошлое.

Сокол разлил по рюмкам ракию, подцепил вилкой ломтик огурца и кивком пригласил Коева.

— Твое здоровье!

— Будем здоровы! — чокнулся с ним Коев. — Сам понимаю, быльем поросло. А вот неизвестность замучила, спать не могу. Прямо так и сверлит изнутри.

— Стоит ли нынче допытываться, докапываться до истины? — задумчиво произнес Сокол.

— А если не сейчас, то когда же?

— Много воды утекло с тех пор...

— Воды утекло много, а фактов — по пальцам перечесть... Да понимаешь, невмоготу мне, камень на сердце лежит, Сокол! Надеюсь, ты-то понимаешь?

— Понимать-то понимаю. Сын ты ему как-никак. Вот до сути и добираешься. Наш путь как на ладони. В РСМ[1] вступили еще в гимназии, потом аресты, горные тропы, Отечественная война, стройки... У поколения твоего отца все было по-другому: участвовали в первой мировой, воспитаны Димитровым и Коларовым, сражались в Сентябрьском восстании, а потрясенные его кровавым разгромом, переживали мучительный разброд, метались между правдой и кривдой, потому как жизнь дала крен... Как тут уразуметь, кто правый, а кто виновный?

— Значит, ты уверен в вине Старого?

— Нет, не совсем так, — медленно ответил Сокол.

— А как же? — дернулся Коев.

— Сам не знаю. Что я тысячу раз в уме перебрал, так это расправу над Петром и Спасом. Как куропаток перестреляли. Разве могли они принять бой, имея всего по пистолету? Детская игрушка.

— Тебе известны подробности их провала?

— Я был назначен их проводником в горы.

— Ты?

— Вот именно. Я тогда спустился в город, мы должны были встретиться у старой бани. От нее к реке вела тропинка, до того неприметная, что ее никто не знал. Прямо над рекой мясницкая, помнишь, где она стояла, так вот они за ней схоронились.

— Ты один был?

— С Алексием.

---

[1] РСМ — Рабочий союз молодежи, прогрессивная молодежная организация.

— Алексием? Генералом? Он жив еще?

— Недавно умер.

— Жаль, — вздохнул Коев.

— О месте явки знали только четверо: я, командир, Алексий и Старый. И конечно, Спас с Петром. Накануне я встретился со Старым у старой мельницы, он должен был передать пароль. Однако оказалось, что намедни его арестовали, а потом выпустили, так он опасался, как бы не пустили по следу легавых. Огляделись мы по сторонам — ничего подозрительного. Старый рассказал в двух словах, как его ночью схватили, а под утро отпустили. Соломон, мол, под защиту взял, матери твоей брат двоюродный. Стали думать-гадать, как поступить в изменившейся обстановке. По инструкции полагалось прежде всего доложить по инстанции и дожидаться новых распоряжений. Но медлить было нельзя: Спас и Петр предупреждены, значит, явятся в урочный час. Командир нас будет ждать. Отменить место встречи? Но на связь с ними удастся выйти лишь к вечеру... Вот такая запутанная ситуация. Сидим под мясницкой, навес там был, мы еще сараем звали, развалюха, прямо скажем. Около девяти часов двинулись. Я приказал Алексию выждать, а сам поспешил вперед, но, не пройдя и двух шагов, услышал стрельбу. Рванулся, думал, успею, но только увидел, как они валятся на землю. Тот, Шаламан, как бешеный все стрелял да стрелял, уже в бездыханных. Потом стал пинать их тела, глумиться... Как тогда не пристрелил этого бешеного пса, сам не знаю. Помню только, кровь ударила в голову... Но я понимал, что ничего не смогу сделать — один против оравы полицейских. В ярости рванул зубами воротник куртки,

до крови закусил губы. В глазах помутилось от лютой ненависти. Дополз к Алексию и зарыдал... Твердый, сильный, все вроде нипочем, а тут дал волю слезам. Руки чесались расквитаться с мерзавцами... Когда мы вернулись в отряд, меня чуть не прикончили. Мне как командиру группы вменялись в вину непростительные промахи. Прежде всего я, узнав, что Старый выпущен из-под ареста, обязан был отменить выполнение задания. Я же твердил, что мне было приказано провести их в горы...

— Значит, по-твоему, Старый их выдал, — задумчиво сказал Коев.

— Ничего подобного я не говорил.

— Однако же знали только вы четверо: ты, Алексий, командир и Старый. Старого арестовали и неожиданно освободили из-под ареста...

— На словах оно так. Но на деле кто его знает...

— А между тем Спаса и Петра уже успели выследить.

— Так-то оно так. Но... — Сокол задумался. — Все у меня вертится в голове подозрение, что в эту историю замешан и пятый...

— Пятый?

— Знаешь, бывает так, что человек и нутром чует. Как собака. Ты замечал, как собака безошибочно различает, кто ее погладит, а кто пинка даст? Тонкое у них, у собак, чутье. Вот и я вроде них. Сколько раз в горах уносил я ноги только благодаря чутью. Отдаленный шум, треск сучка под сапогом полицая, писк спугнутой птицы, скачущий заяц — сразу мозг подает сигнал опасности...

— И что же тебе подсказала интуиция в тот раз?

— Всякое в голове вертелось: допускал, что охранка завербовала кого-то из наших. Даже сомневался в одном. Но дальше сомнений не шло, с тем и остался. После установления народной власти, когда мы стали призывать бывших фашистских холуев к ответу, все собирался поднять их показания, да не до того было. Потянулись судебные процессы, тому смертный приговор, другому тюремное заключение... Дел невпроворот. А потом уехал на фронт...

— Я ведь тоже присутствовал на заседаниях народного суда, — сказал Коев, — но об этом деле вообще речь не заходила. О Спасе и Петре, в частности...

— Не заходила, хотя...

— Хотя что?

— Один из полицейских агентов после долгих отпирательств вспомнил, что участвовал в их расстреле. Признался все-таки. Ну, и получил по заслугам.

— По-моему, при рассмотрении этого убийства толком так ничего и не выяснилось.

— Имена карателей известны: начальник полиции Шаламанов, трое агентов — Пешев, Димо-Стукач, Ванчев и еще десяток полицейских. Все они признали, что им заранее было известно о предстоящей явке. Спасу и Петру устроили засаду и ликвидировали обоих на месте. Шаламанов получил награду по тридцать тысяч за голову, если не ошибаюсь.

— Постой, постой! А что насчет того агента? Он вроде бы говорил что-то.

— Ты имеешь в виду Пешева? Признался, что тоже участвовал в акции, но якобы по принуждению, дело,

мол, касалось „коммунистического центра“, где были и наши люди. Так и выразился, „наши“, сиречь, агенты полиции.

— Хочешь сказать, что в центре был провокатор?

— Может, и врал.

— А может, и не врал.

Сокол опять разлил ракию. Пили молча, каждый уйдя в свои мысли.

— И все-таки ты не поколебался исключить Старого из партии.

— Это совсем другой разговор.

— Хочешь сказать, заявление сыграло свою роль?

— Оно действительно хранилось в архивах.

— А вы и расследовать не стали. Вышвырнули — и дело с концом.

— Времени, Марин, было в обрез. Корпеть над каждым документом, когда задачи сыпались на голову градом? Да и честно говоря...

— Ну?

— Боялся.

— Чего боялся?

— Мысль одна покоя не давала...

— О Петре со Спасом?

— Да хотя бы о них. Поверь, в жизни никого так не почитал, как Старого. Другого такого учителя в революционной борьбе не знал. И все-таки не давала покоя мысль, а ну как размотается клубок... Грех признаться, но...

— Уж замахнулся, так бей.

— Если даже и случилось такое, я про себя решил,

что было, то было. Лучше раз и навсегда покончить с заявлением, будь оно неладно...

— Да-а, все честь по чести, не подкопаешься.

— Какой с нас спрос, Марин? Молодо-зелено, котелок еле-еле варил.

Они снова умолкли. По двору с глухим рычанием пробежал породистый пес, уши торчком.

— Марин, не знаю, стоит ли говорить, но раз уж затеяли разговор в открытую, давай до конца.

Коев выжидающе посмотрел на Сокола.

— В тот вечер, когда убили Спаса и Петра, возле бани вертелся и Старый.

— Старый?! Быть того не может!

— Алексий его видел.

— Час от часу не легче.

— И самое невероятное, что Шаламанов прошел мимо, словно его там и не было. Это-то и...

Сокол умолк, как бы сожалея, что дал волю языку. Он поднял рюмку и залпом выпил ракию.

Коев почувствовал, как налились свинцом ноги, перед глазами поплыли круги. Значит, и Старый был на месте происшествия. Причем Шаламанов молча прошел мимо него...

— Я в свое время собирался расспросить об этом Старого...

Коев потер виски.

— Да так и прособирался...

„Непостижимо, — думал Коев. — Непостижимо и необъяснимо. Что нужно было Старому у бани? Он отлично знал, что там Спас и Петр должны были встретиться с партизанами. Элементарное условие конспира-

ции предполагает отсутствие посторонних лиц при исполнении конкретного задания. Передал пароль, обеспечил связь, чего же более?“

— Чем больше голову ломаю, тем сложнее все кажется, — сказал Сокол, будто прочитав его мысли. Лицо его, крупное, морщинистое, раскраснелось, на виске вспухла вена, того и гляди, лопнет.

Коев испугался, что Сокола может хватить удар. Он почувствовал угрызения совести, но нужных слов для извинения не нашлось. Вместо этого он спросил:

— Скажи, Сокол... Тот... Ну, Соломон, жив еще?

— Жив, но что с него взять? Совсем из ума выжил...

Коев поднялся и стал прощаться.

— Спасибо за гостеприимство.

— Да какое там гостеприимство, так...

— Не падай духом!

— Ох, Марин, времечко-то как мчится. Оторопь берет... Как это вы у себя в столице называете? Альенация, что ли?

— Правильно.

— Никакая это не альенация, а просто одряхляция...

— Ну-ну, тебе еще грех жаловаться, — попробовал взбодрить его Коев.

— Вот и ты тоже. Все кругом только и делают, что утешают. А я-то знаю... Ну, бывай здоров! Заглядывай, не забывай!

Часы показывали семь. Коев даже удивился, сколько важных событий произошло за такой короткий срок. Кто-то сказал, что в провинции время тянется медленнее. Медленнее или нет, во всяком случае оставалось

вполне достаточно времени... времени еще для одного посещения.

„Чем глубже я копаю, тем больше фактов против Старого, — рассуждал Коев. — Во-первых, он побывал под арестом, во-вторых, знал пароль и, вдобавок ко всему, — оказался на месте встречи. Шаламанов никак не отреагировал на его присутствие... Пожалуй, разумнее всего прекратить расспросы, поставить точку. Пустая это затея. Давным-давно под пеплом похоронено, сколько ни разгребай — одни истлевшие головешки... Так неужто же примириться?!

Наперекор всем фактам он отказывался верить в причастность Старого к тем трагическим событиям. В памяти всплыл девиз Старого: Молчи или умри! Его как заклинание повторяли во время арестов он и его товарищи... Молчи или умри! Нет, тысячу раз нет! Не повинен Старый в убийстве двух подпольщиков. Не той он закваски, чтоб сломаться...

Коев без труда узнал Соломона. Те же сросшиеся на переносице брови, горбатый нос, те же длинные обезьяньи руки. Он вновь испытал непривычное чувство, которое охватило его после разговора с бондарем, и вновь мелькнула мысль: не бог весть сколько времени прошло, кажется, только вчера произошли Великие события, топором разрубившие эпоху пополам... По сути, Соломон лишь казался прежним. В действительности же от него осталась лишь тень, мумия, с виду долговечная, а дунешь — обратится в прах...

Соломон жил на другом конце города, в квартале, носившем древнее название Вароша. Разумеется, мало

что сохранилось от старой Вароши — с ее кривыми переулками, ветхими домишками, в черепичных кровлях которых гнездились вороны и горлицы, а зеленые ящерицы и ужи выползали греться на каменных оградах. Теперь здесь выросли новые корпуса, и Коеву пришлось поплутать, прежде чем он вышел к старым домам, сразу узнав знакомое строение. Двухэтажный, обмазанный желтой глиной, с высокими, как в церкви окнами, этот дом когда-то выгодно выделялся на фоне других. Во дворе был бассейн, выложенный кафельными плитками, неподалеку красовались три столетних платана, предмет особой гордости Соломона. Кряжистые и развесистые, немыслимые для этого горного городка, они и поныне украшали двор, хотя их сильно потеснили сосенки и кипарисы. „Дядьку своего ищешь?" — спросила незнакомая веснушчатая женщина, по-видимому, родственница. „Вон в той корчме ищи. Он все больше там пропадает, гостей тоже там принимает..." Марин Коев не узнал женщину, не спросил, кто такая. Поблагодарил и пошел дальше, вспомнив, что некогда в бассейне водилась рыба. Соломон покупал живых шаранов и усачей, пускал их в воду, а когда приходили гости, вылавливал и тут же жарил... Сейчас грязный, опустившийся Соломон сидел в корчме, тупо уставившись перед собой и время от времени выкрикивая что-то соседу напротив — такому же горькому пропойце в засаленной шапке.

— Поди, не узнал меня, — подсел к нему Коев. Соломон даже не взглянул на него.

— Как тебя узнать, когда впервые вижу.

— Видел и прежде.

— Видел да не приметил.

— И то верно. Мальчишкой я тогда еще был, однако же...

Соломон поднял глаза. Слезящиеся и водянистые, они выражали страх. Кто знает скольких истерзанных, замученных, забитых до полусмерти перевидал он на цементном полу в участке. Запомнить всех, конечно же, не мог, как не мог подавить в себе страх, что кто-нибудь из них рано или поздно разыщет его. Срок свой, правда, он отсидел. Но разве можно назвать это расплатой? Сапогом его никто не пинал, пыткам не подвергали, темной ночью не преследовали, не выслеживали; случалось, остановит его какой-то незнакомец, справится, не Соломон ли он, из околийской управы и, услышав утвердительный ответ, покачает головой, с ненавистью процедит сквозь зубы „сволочь"... Этим и обходилось. Только однажды ему чуть было не досталось по заслугам. Случилось это на свадьбе. К тому времени Соломон уже отсидел свой срок и пригласили его свояки главно из благоприличия. Как на грех, там же присутствовал один из тех, кто испытал на себе полицейские побои. Если, пили, кричали молодым „горько" и вдруг того осенило. „Послушай-ка, — говорит, — уж не Соломон ли ты будешь?" „Я и есть", — отвечает Соломон. Тот как запустит бутылкой, хорошо еще Соломон успел пригнуться, не то не сносить бы ему головы. Гости повскакали с мест, происшествие кое-как замяли, но Соломон не стал дожидаться конца свадьбы и поспешил убраться подобру-поздорову...

Кого же это теперь принесло? Соломон пристально всматривался в мужчину в белой сорочке и галстуке, с

золотым значком на лацкане, но никак не мог сообразить, где он мог его видеть. Что-то знакомое мелькало в чертах лица, но Соломон никак не мог сосредоточиться.

— Я сын Старого.

Соломон вздрогнул.

— Ивана? Неужто Марин?

— Он самый.

— Убей меня бог, никогда бы не узнал, — осклабился Соломон. — Вырядился-то как. Слыхал, важной птицей в Софии заделался. Говорят, по телевизору тебя показывали...

Соломон обернулся к корчмарю:

— Эй, Косьо, еще ракии!

— Я пить не стану.

— Выпьешь, выпьешь. Раз ко мне в гости пожаловал, должен выпить. Вот такой малявкой тебя помню. Я твоей матери братом двоюродным прихожусь. Жива еще?

— Нет, сразу вслед за отцом и умерла.

Соломон утер слезы.

— Из-за этой ракии ни с кем не вижусь. Померла, значит. И Старый помер, земля ему пухом...

Корчмарь принес два „мерзавчика“. Бутылочки были еще старого образца, с продолговатыми горлышками.

— Как живешь-то? — спросил Коев.

— Как? Как пес шелудивый.

Соломон отвернулся и сплюнул.

— Вот так я живу.

— Сколько тебе стукнуло?

— Семьдесят восемь.

— Не так уж и много.

— На чужом горбу не тянут.

— Нынче живут долго. Средний возраст около семидесяти. Так что...

— Бабьи сказки! Тоже придумали средний возраст. Середку я уже давно перевалил. Теперь под горку качусь.

— Все катимся.

— Тебе ли говорить!

— Хоть говори, хоть не говори, а годы-то идут.

— Весной вот преставился один мой знакомый. Ходил его хоронить. Спрашиваю, сколько лет покойнику. Восемьдесят восемь, отвечают. Выходит, еще десяток годков могу проскрипеть. Вот только сдюжу ли?

Солсмон ухмыльнулся, обнажив крупные желтые зубы. Коев попытался вспомнить, как выглядел этот человек в те далекие годы. Перед глазами возникла сухощавая прямая фигура, лицо — с легким румянцем, руки — длинные, с вывернутыми кнаружи ладонями. Особенная такая походка. Соломон тогда казался ему важным и очень опасным, каким, впрочем, он и был в ту пору... А теперь... Нахлобученная кепка частично закрывала лоб и волосы, клочковатые брови почти не изменились, только сильно поседели. Руки неподвижно лежали на столе, выдавая старческую немощь.

— В выпивке, как я смотрю, себе не отказываешь, — не сдержался Коев.

— А что прикажешь делать? Не идти же на Скеч обезьян ловить.

Это бессмысленное выражение когда-то было в ходу у них в городке. „Что с него возьмешь, говорили, ведь

он ходил на Скеч обезьян ловить“. Что это означало — одному богу известно.

— Виноградник, небось, есть у тебя?

— Есть. Только там отхожу немного душой. Летом там и сплю в шалаше. Прохлада, знаешь, свежий воздух... Кукушка прокукует, филин разбудит...

— И водица под боком.

— Родничок журчит. Живность всякая кругом. Ночью лисица прокрадется, днем зайчишки в чехарду играют, суслики посвистывают. Ласочки забегают. А как-то летом, помню, подзакусил я в обед, чарку опорожнил и задремал. Сквозь сон чую, что-то живое рядом шевелится. Очнулся, вижу — как раз над моим ртом покачивается вот такой удав, знаешь, что на меже водится. Зацепился хвостом за ветку и висит надо мной. Я в сторону — откуда только прыть взялась... Опомнился аж внизу на тропке. Отдышался и пошел обратно, обшарил все окрест — удава как и не бывало, исчез яко дым...

Старец хихикая потягивал ракию. До Коева только теперь дошло, что с этим человеком он никогда даже словечком не перекинулся, ничего о нем не знал и в мыслях не допускал, что Соломона, как и других, могут занимать виноградники, лисицы и удавы. Для Марина он был только полицейским холуем, и если ему понадобилось бы когда-либо описать его, то он бы сделал это крайне схематично. Наверно, именно по той же причине так много в нашей литературе бледных образов „своих“ и „чужих“. „А ты возьми да и опиши такого бывшего полицая, — подзадорил себя Коев, — расскажи, как он лисиц, зайцев и ужей боится, и ведь не так давно весь

город в страхе держал — вот и увидишь, насколько правдоподобным, действенным окажется твое слово. Ведь рассказ можно повернуть по-всякому, но в художественном произведении мало только сказать, надобно еще показать. Да еще так, чтоб поверили..."

— Ты, Марин, с чем заявился? — прервал его мысли хриплый голос Соломона.

Коев смекнул, что теперь ни к чему изворачиваться, лгать старику. Мол, решил прогуляться и ненароком зашел... Детским лепетом опытного полицая не проведешь. Он тебя в два счета выведет на чистую воду... С ним можно только в открытую, напрямик. Но все же с оглядкой, взвешивая каждое слово, не то с таким норовистым характером шутки плохи — замкнется, иди потом умасливай...

— Дядя Соломон, — нерешительно начал Коев, — хочу тебя кое о чем спросить.

— Спрашивай! Как-никак сродником тебе довожусь. Мало нас осталось. Раз, два и обчелся. А одногодков моих почти всех унесло. Редко кто даст о себе знать...

— Об отце хочу тебя спросить.

— Вот оно что! Как же, знавал я Старого. Я же его и спас. Без меня, глядишь, пропал бы ни за грош. Был там один из округа. Все за коммунистами охотился. Всех подчистую ликвидировал...

— Как раз это-то я и хочу знать.

— Что?

— Как арестовали отца и как ты его выручил.

Соломон пошарил в кармане. Лицо его покривилось.

— Черт, голова болит...

Он вывернул все карманы, оттуда выпали разные ножички, смятые бумажки, письма.

— Это все от ракии, — сказал Коев. — Пьешь без меры.

Наконец Соломон разыскал бумажный кулечек с порошками.

— Сейчас полегчает, снадобье что надо...

Он высыпал на ладонь один порошок, слизнул языком и долго морщился, причмокивая.

— Осточертели... Прямо мутит от них... А куда денешься? Боль и ночью не отпускает, хоть волком вой. Встану, приму два-три...

Он умолк, видимо, выжидая, пока рассосется горечь.

— Так я об отце тебя спросил... Как его тогда арестовали, а ты пришел на выручку.

— Да вызволил. Пришла Кона, мамаша твоя, в три ручья ревет, а с ней тот, Симо-бондарь. Пристали с ножом к горлу: помоги да помоги. Не могу, говорю им, мое дело сторона. А они знай свое гнут. Так и не отстали, пока не оделся и не пошел в управление. Вижу, бросили Старого на цемент и смертным боем бьют. „Опомнитесь! — кинулся я к ним. — Сродственник он мне“. А они никакого внимания. Нет тут, говорят, ни кума, ни брата, ни свата. Один коммунист. Я к начальнику... Вот такие пироги...

— А ты говорил с ним тогда?

— О чем говорить-то?

— Мало ли о чем говорят люди.

— С кем надо было говорить?

— С отцом.

— А-а! Нет, с ним не говорил. Он лежал в беспамятстве.

— А потом?

— Что потом? Да пей же ты!

— Пью, пью.

— А потом его освободили.

— А перед тем как освободить?

— Перед тем... Ну так вот. Я им толкую, отпустите, мол, родня он мне. А они пуще прежнего его колотят. Я бегом к Шаламанову. Застал его наверху, в канцелярии. Той ночью как раз засаду устроили в соседнем селе, так он ждал у телефона донесений. У него сидел и тот, из округа. Чудила, ей-богу,и смех и грех: в свитере, но при галстуке. Но, скажу тебе, большая шишка. Мы перед ним так тьфу, муравьи. Сам-то я в администрации служил. Только и знал, что бумаги переписывать. Водились за мной грехи, не без того, но я с лихвой за них заплатил. А тот был зверюга бешеный. С виду тихий такой, мухи не обидит, башмаки до блеска надраены. Начнет таким елейным голосом и вдруг — бац, как звезданет по физиономии, враз расквасит. Грохнешься окровавленный после такой зуботычины, так он еще и сапогом по голове пристукнет. Потом приподымет, гадливо, ровно тряпку, двумя пальцами, справится: может, заговоришь? Иначе отсюда живым не выйдешь. Так что выкладывай все как на духу, или весь твой род, начиная с тебя, твоей жены и детей каленым железом выжжем... А слов он на ветер не бросал. Хватал жену, детей и на глазах избитого глумился над ними... Как тут сдюжишь? Один арестованный как-то перехитрил его. Подошел поближе, вроде сказать что-то хочет и — голо-

вой вперед в окно сиганул. Ух, тот взбесился. Выхватил револьвер — и разом жену и двух детишек уложил. Зверюга, одним словом...

— Поймали хоть его после Девятого?

— Словили. Да что из того? К стенке поставили, так для него это райская благодать. Ему бы в муках издохнуть. В адском огне бы гореть. Уж больно вы, коммунисты, жалостливые...

Соломон потянулся длинной рукой к „мерзавчику" и, убедившись, что он пустой, заказал новый. Корчмарь пытливо взглянул на Коева, однако промолчал.

— А с отцом что тогда сталось?

— Что сталось? Уберег я его.

— Ну, пошел ты к Шаламанову и что сказал?

— А что ему скажешь... Достаточно было взглянуть на этого изверга, как язык отнимался. Но начальник скумекал и вышел вслед за мной в коридор. „Чего ты сюда явился, — говорит, — на ночь глядя?" Я ему и сказал про Старого. Не за того, мол, приняли. Сродственник он мне. Шаламанов взъярился. „Нашел, — говорит, — за кого просить. Коммунист он, твой родственничек". Верно, говорю ему, но ни в чем он не провинился. Интеллигентские заскоки, внушаю я ему, безобидные, то да се, пятое, десятое. Короче, он свое, а я свое гну. Потом вроде как уразумел он что-то. „Будь по-твоему, — говорит, — больше не тронем. Только пусть зайдет ко мне, потолковать надо". Вызвал он полицейского и велел привести Старого. А меня отослал спать. Так было дело.

— А о чем они толковали? Знаешь?

Соломон опять сморщил лоб. Руки его стали снова

перетряхивать карманы, снова появились ножички да бумажки, пока не обнаружился спасительный пакетик с порошками.

— Обрыдло все, до смерти обрыдло. Придавила меня жизнь, как могильная плита, не увернешься. Бежал бы, куда глаза глядят, — шепелявил старик, слизывая с ладони порошок.

— А зачем тебе бежать?

— А так, бежать охота. Да только куда?

Коев выжидательно замолчал. Спустя некоторое время Соломон как будто успокоился, отхлебнул из „мерзавчика" и усмехнулся.

— Проходит. Все проходит...

— Так я опять насчет отца и начальника полиции. О чем они там с глазу на глаз договаривались? Знаешь что-нибудь?

— Вот про это ничего толком сказать не могу. О чем говорили, на чем столковались, не могу знать... Ну, будь здоров!

Коев задумался. Ракия была никудышной, и сразу ударила в голову.

— Дядя Соломон, — склонился Коев к старику, — прошла целая вечность, все травой поросло...

— Поросло... — закивал Соломон.

— Мне надо бы еще об одном тебя спросить.

— Спрашивай!

— Не думай, будто я во вред кому использую. Спрашиваю, чтобы самому знать, для моей же совести...

— Говори! — Соломон снова отхлебнул.

— Когда отец попал во всю эту передрягу и застре-

лили тех двоих, помнишь, Спаса и Петра, был в том деле замешан предатель?

Соломон поставил бутылочку на стол, обтер рукавом рот и бросил на Коева напряженный взгляд.

— Куда это ты клонишь? Недоумком меня считаешь?

Коев отодвинулся.

— Понимаю, боишься... Но бояться тебе нечего. Целая вечность прошла. Все на свете имеет свою давность.

Соломон стукнул „мерзавчиком" по столу.

— Небось, думаешь, старик из ума выжил? — зло твердил он.

Коев молчал. Сделав глоток, он отвернулся от старика.

— За жабры вздумал меня взять? Не получится. С меня взятки гладки. И в аресте наседали, и в камеру подсаживали, будто арестанты какие, авось, проговорюсь. С какого боку только не подступались, но так ни с чем и уходили. Соломон стреляный воробей, на мякине его не проведешь. Взглянет разок на человека, тотчас раскумекает, что за птица...

— Так я же для себя...

— Молчи! Весь в отца пошел. Тот тоже головой вперед норовил. А что там впереди — стена ли, железо ли, все ему нипочем. Нипочем, а выходит-то не совсем. У Соломона пока еще ум за разум не зашел. Соломону с гулькин нос осталось на белом свете жить, и этот остаток он хочет прожить в свое удовольствие...

Соломон замолк и уставился куда-то в окно. Рука его, вялая и морщинистая, забарабанила по столу:

— Косьо, еще ракии!

Коеву стало ясно, что старик больше ничего не скажет. Он вынул банкнот, чтоб расплатиться, но Соломон оттолкнул его руку.

— Ты меня в гости не звал, не тебе и платить...

Как в тумане плелся Коев темными улочками городка. Болезненно щемило в груди, там, с левой стороны, и он как-то равнодушно подумал, что так и инфаркт недолго заработать. Вроде бы ничего страшного, пустяк, а свалится такое переживание — и часики остановились. Подобные мысли не раз приходили ему в голову. Он вспомнил, как Старый в свое время утверждал, что с годами складывается особое восприятие самого себя. Перестаешь ощущать организм в его нерушимой слаженности, незыблемом единстве, а наоборот, отторгаешь себя от собственного тела со всеми его органами, которые научился распознавать поотдельности. Так бывает, когда рассматриваешь снимок или изображение человека и думаешь о нем как о механизме, способном самоуничтожаться, и вместе с тем, как о нечто таком, что привычно называешь духовной жизнью, вдохновением, высшим проявлением духа... Аня сейчас просто посоветовала бы ему отдохнуть. Старый тоже однажды сказал ему, что он нуждается в отдыхе. „Раз, — говорит, — собираешь изображения необитаемых островов, значит, нужно отдохнуть. А то что же это такое — увидишь карикатуру с изображением необитаемого острова — и сразу за ножницы. Хобби, мол. Но ведь это самое хобби говорит о другом! Устал ты, сынок, — от людей, от нервотрепки, заседаний и встреч, измотался и потому перед тобой маячат неведомые острова, где

можно побыть в одиночестве, вдалеке от вечной суеты и спешки..." Да, в чем, в чем, а в догадливости Старому не откажешь. Марин даже сам толком не сознавал, чем его привлекают эти уединенные острова. Просто приятно: увидишь где-то нарисованный необитаемый остров, и хочется тебе побыть там, вдали от людей и суеты. Как-то будучи на море, он нырнул, чтобы рассмотреть дно, так потом Аня смеялась, что и дно ему понадобилось по той же причине, что и карикатуры. Будто отгадала его мысли, потому что там, под водой, у него в считанные секунды блеснула мысль: попробуйте-ка, достаньте меня со дна морского! Ни тебе собраний, ни заседаний, пусть названивают по всем телефонам, мне и горя мало, восторгаюсь себе рыбами, водоросли поглаживаю... „Так вот почему ты „Робинзоном Крузо" зачитываешься, — подковыривала Аня, — мечтаешь отвлечься от неприятностей, отмахнуться, забыться..."

К сожалению, ему не избавиться от назойливых мыслей, как и не дано удалиться на остров, где можно было бы на все махнуть рукой. Даже „Робинзона Крузо" не захватил с собой, почитал бы на сон грядущий.

Так он и слонялся по улицам, чувствуя в душе пустоту. Ни старая типография, в юности пленившая его чудесами книгопечатанья, ни городской парк с его розами и темными аллеями, где впервые познал он тайны любви, — не радовали взгляд. Совсем иное владело сознанием Коева. Глядя на светлое здание детского сада, в котором некогда располагалось полицейское управление, он тщетно пытался разгадать те единственные слова, которые были здесь произнесены когда-то... Некоторые ученые утверждают, что ни один из звуков, прозву-

чавший на нашей земле, не теряется в пространстве, а где-то остается, пусть даже в трансформированном виде. И если бы однажды их удалось восстановить, то прошлое раскрыло бы перед человечеством все свои загадки. Звуковые колебания из атмосферы через неисчислимое множество световых лет передаются в космос, но не исчезают. Где, в какой галактике искать те слова, что так ему нужны? А может, они еще не успели упорхнуть в космические дали, может, витают где-то поблизости, скажем, возле Сатурна или Юпитера? Весь вопрос в том, стоит ли заново вызывать их к жизни?..

О чем толковали за столом Милен с товарищами, какие тосты произносили, что ели — Коев не помнил. Его терзали сомнения, нерешительность, голова буквально раскалывалась от дум. „Не иначе как тут замешан предатель“, — где-то вдали гудел голос бай Стояна. „Что он сделал, на чем они сговорились, коль утром его отпустили“, — раздумывал Сокол, недоумевая как истолковать то, другое, третье... „Нет! Нет! Нет!“ — протестовал мысленно Коев. Но что там шептал Соломон, сдвинув кустистые брови и дыша в лицо отвратной перегаром ракией? Да что это я раскис, — вдруг разом отрезвел Коев, как бы со стороны услышав собственный голос. Как же я выгляжу в глазах людей? Но присутствующие были навеселе, и никто не замечал, что с ним творится. Слава богу! — успокоился он. Галстук, казалось, душит его, бешено колотилось сердце. Ничего, пройдет, уговаривал он себя. Главное, продержаться за ужином, не ударить в грязь лицом.

Ужин затянулся. Марин Коев еле дождался, пока

гости начнут собираться. Прощаясь, он выразил благодарность за теплую встречу в городе и на комбинате, обещался снова приехать. С Миленом они обнялись, однако не расцеловались. Коев терпеть не мог этой новой моды на мужские поцелуи.

— Ты домой?

— Нет, завтра зайду.

— Бай Наско, проводи гостя в номер.

Они поднялись на лифте, бай Наско помог отпереть дверь и откланялся. Коев почти упал в мягкое кресло. Все. Наконец-то он один. Наконец-то... Потянулся было к телефону позвонить Ане, но тотчас передумал — что, собственно, он собирался ей сказать? Голова вспухла от беспорядочных невеселых мыслей, от выпитого, и он второй раз за этот день полез в карман за сигаретами. Интересно, подумал Коев, нашла ли сестра что-нибудь в шкафах и сундуках? Она любила рыться в старых архивах. Ее любовь к семейным реликвиям порой его даже умиляла. Сестра берегла его тетрадки, учебники, по которым он учился, хранила листочки с его каракулями, нотные листы, альбомы с карточками. Если бы эти бумажки хоть что-нибудь подсказали... Наскоро раздевшись, он улегся в постель, сразу же погрузившись в почти музейную тишину. Он был уверен, что обожает тишину, жаждал покоя. Но очутившись где-нибудь в укромном местечке, чувствовал себя неуютно, будто перед ним вырастала глухая стена... Ему сразу начинало не хватать людей.

Коев попытался уснуть. Однако сон не принес облегчения. Беспорядочно кружили вокруг бай Стоян-банщик и бондарь, Сокол и Соломон. Безмолвно взирал на него

Старый. Безмолвно и с некоторым укором. Коев ощущал на себе его испытующий взгляд, видел, как шевелятся его губы, что-то нашептывая, но что? Что — Марин Коев не слышал, но был уверен, что нечто неприятное...

Прежде, случалось, затевали они разговоры о жизни и смерти. Еще ребенком Марин любил допытываться о смысле всего сущего, о вселенских материях, о смерти. Для чего дана человеку жизнь? Что вкладывает природа в живые существа? Есть ли у нас великая цель? Какая? Может быть, творя жизнь и наделяя ее сознанием, она, тем самым, осмысливает самое себя? Возможно, дух и материя — одно и то же, только в двух различных ипостасях? Старый не иронизировал над сыном, мол, не дорос ты еще, чтобы задавать вопросы. Да и не таким уж маленьким он был. В двенадцать-тринадцать лет подросток уже пускается в рассуждения об извечных проблемах устройства мироздания, рождения и смерти. Старый это знал по себе, ему самому сызмальства не давали покоя те же вопросы, хотя и в пожилом возрасте вразумительного ответа он не нашел. Природа, говорил он, целей перед собой не ставит. Ставим их мы, люди, потому как век наш земной короток, а дух рвется опознать окружающий мир. Как видно, так оно и есть — природа не намечает заведомо определенных задач. Она не прикидывает, что ей нужно, а без чего можно обойтись. Все в ней естественным образом развивается от простого к сложному. Муравей различает теплое и холодное, сладкое и горькое, учится добывать пищу, обороняться от врагов. Птица приобретает способность летать, и зрение ее обостряется, ибо ей требуется с высоты

высмотреть себе пищу и уберечься от врага. За миллионы лет отточились зубы акулы, удлинилась шея жирафа, достающего плоды с высоких деревьев, а складки на животе новорожденного кенгуру постепенно превратились в сумку, где прячется детеныш. Космическое расстояние пролегло между познанием муравья о сладком и горьком и теорией Эйнштейна, но все равно первое является продуктом последовательного развития и предпосылкой развития второго. Не научись мурашка строить себе муравейник, обживать его и охранять, не бывать бы и непостижимым логическим суждениям об искривленном пространстве...

Такие беседы отец и сын вели вплоть до кончины Старого. В них зачастую сквозила мысль о бренности и тщетности жизни — коль уж неминуем и предрешен конец. Бессмысленность жизни... Да, пожалуй, если исходить из позиции собственной персоны, ставя себя превыше всего сущего. Бессмысленно, если возводить себя на пьедестал, забывая о том, что ты лишь звено в нескончаемой цепи. Человек, как и любое другое создание, впрочем, не только живое, поправлял себя Старый, лишь мелкая песчинка в вечной круговерти природы. Человек стоит не над природой, не вне ее, он лишь ячейка, клеточка чего-то целого и неделимого. Что из того, что эта клеточка в какой-то миг погибнет? Другие останутся, заменят ее. Жизнь — это вечное, безостановочное движение, и во всеобщем потоке его участникам отпущены считанные секунды...

„Сейчас бы потолковать с отцом о жизни и смерти, — думал Коев, лежа без сна в широкой постели. —

Рассеялись бы все неясности, до отказа забившие извилины мозга, до предела обострившие нервы, может, рассеялись бы сомнения..." Откуда-то из мрака на Коева глядели испытующие, проницательные глаза Старого, явственно слышался его голос... Громкий и бодрый, этот голос не давал расслабиться, забыться... Поздно, слишком поздно. Уже ничего не узнать. Все покрыто мраком... Коев забывался тревожным сном, продолжая мучиться от того, что не поспешил на зов, не внял просьбе отца... Теперь уже поздно.

В действительности Коев все-таки наведался однажды в больницу, всего за месяц до кончины Старого. Отец впал тогда в депрессию, давал знать о себе склероз. Коеву удалось устроить его в санаторий. Помнится, он приехал к нему в обеденный час. Изможденный до неузнаваемости, растерянный, Старый о чем-то расспрашивал его изменившимся, каким-то глухим голосом. Выпростанные из-под простыни какие-то высохшие ноги, казалось, постоянно терлись друг о друга. Что было причиной этих нервных конвульсий? Коев пытался разговорить отца, но тот постоянно погружался в забытье. Его губы слегка шевелились, и с трудом можно было расслышать, что он говорит о каких-то лошадках. Старый называл их по кличкам. Коев вдруг вспомнил, что отец когда-то служил в Пятом Брезницком конном полку. „Сюда! Ко мне! — настойчиво звал Старый. — Сивка! Белый! Вороной!.. Смотри, как ощетинились! Назад! Там мины! Назад!.." В первую мировую войну в составе полка Старый воевал в Румынии. В степной местности близ Тулчи Старого ранило в бедро.

Рана всю жизнь давала о себе знать. Пули не было и в помине, рана зарубцевалась, а не переставала ныть. Коев возил отца на рентген — ничего не нашли. Пока поезд вез их в столицу, дома и на обратном пути, отец все рассказывал о войне, о лошадях, о раненых... „Убьют человека — что ж поделаешь! На то она и война. Убили, зарыли — вот и весь сказ. Но конь падет — бумажной волокиты не оберешься: протоколы составляй, точное место гибели указывай. Не во время атак, понятно, писали в промежутках. Атаки — чистая бойня. Трех лошадей под собой сменил — Сивку, Белого и Вороного. Сивку больше всего жалко. На ней Дунай переплыл, с ней и первый бой принял. В живых остался, тоже ей спасибо. До чего ж прыткая была, из-под сабель невредимой выходила — мы ведь и на саблях рубились. Угодила в нее пуля, рухнула Сивка, а из глаз слезы катятся. Пригнулся я к ней, обнял за шею, забыл и о пулях, и о саблях. Духу не хватило пристрелить Сивку, так и издохла в моих руках... Взял я тогда Белого. И его наповал уложило. Вернулся с Вороным..."

Коеву запомнились эти исповеди. В одну из поездок в Бухарест он даже решил побывать в тех местах, где отец воевал. Порасспросил тут и там, сел в автобус и поехал в Тулчу... Был знойный летний день. Кругом пылища. Деревни с пестрыми хатенками примолкли от жары, как вымерли. В Тулче ему посоветовали разыскать одного моряка. Тот оказался расторопным малым, немного знал болгарский язык. Они погрузились в разболтанный „Москвич" и объехали чуть ли не всю округу. На одном кургане разглядели топографический знак с означением высоты, уцелевший еще с времен пер-

вой мировой войны. Коев записал себе, чтобы потом расспросить Старого, может, еще помнит, какую они высоту брали. Впоследствии выяснилось, что их полк и вправду воевал в тех местах... Словно завороженный стоял тогда Коев на кургане, всматриваясь сквозь марево в заросли подсолнуха и кукурузы, в пыльные тропки, пересохшие ручьи, и воображение рисовало эскадрон, в котором служил Старый. Налеты. Сечь. Кровь. Солдаты с сумками через плечо, заросшие, невыспавшиеся. Он представил себе, что именно тут на кургане Старый получил пулю в бедро и опустился на стерню, чтобы перевязать рану. А лошадь покорно его дожидалась. Сивка? Белый? Или Вороной? Их звал в забытьи, в предсмертной агонии Старый...

— Отец! — потряс Коев Старого.

— А?

— Отец!

— Что? — очнулся Старый.

— Узнаешь меня?

Старый не поднимал век, только губы чуть дрогнули.

— Марин... Это ты, Марин?

— А ты где? Ты знаешь где ты, отец?

Старый с усилием открыл глаза. На белой стене напротив висел портрет Георгия Димитрова.

— В клубе, где же еще, — сказал Старый. — Вот он и Георгий Димитров. Я его слушал, когда он выступал в Софии на митинге у Львиного моста.

Силы его оставили, он снова забылся сном. Впрочем, вряд ли это можно было назвать сном, ибо одной ногой он уже перешагнул через Лету, реку забвения из

подземного царства. Его губы снова разомкнулись, и Коев весь превратился в слух, пытаясь постичь смысл несвязной речи. Старый уже обращался не к лошадям, награждая их ласковыми кличками, а взывал к давным-давно умершим близким и знакомым. Коев услышал имена отца и матери Старого.

— Начнут поминать усопших, — приподнялся на локтях больной с соседней койки, — почитай, конец близок. Насмотрелся я, как помирают.

— Отец! — испуганно вскрикнул Коев.

— А? — отозвался Старый.

— Отец!

— Где это я? — он пытался разомкнуть слипшиеся веки. — Меня куда-то занесло... Я только что побывал...

Коев присел на кровать, взял его вялую руку.

— Не знаю, отец... Тебе лучше знать, куда тебя занесло.

— Нет, погоди!.. Что за наваждение?.. Я где-то был... Где же?

Старый окончательно открыл глаза, узнал сына и ужасно смутился, что тот видит его столь жалким. Он расплакался.

— Марин!

Слезы заливали его исхудалое лицо. Коев достал носовой платок и вытер их.

— Марин!

Его рука погладила одежду сына.

— Что же со мной теперь будет, а? Куда я уйду?

Коев вспомнил, каким был отец прежде: цветущим, веселым, с легкой походкой. Невысокий, но стройный, энергичный в движениях, он был властным, внушая си-

лу и уверенность. Теперь же перед ним лежал истощенный, немощный человечек, в котором еле-еле теплилась жизнь...

Ночью Коев не сомкнул глаз. Он переворачивался с боку на бок и заснул лишь под утро. Однако утром его будто кольнуло: пора сходить в отчий дом. Коев вскочил с постели и подошел к окну. Где-то далеко-далеко, за Старопланинским хребтом заалела полоска неба и медленно поползла, расширяясь, по крутым скатам. С новой силой нахлынули впечатления минувшего дня, тревожившие душу, свинцом ложившиеся на сердце. Что, собственно, надеялся он извлечь из разговоров? Коеву захотелось разобраться во всем сейчас же, на свежую голову. Отдельные обстоятельства, выстроенные в ряд, были явно взаимосвязаны, а связующая нить вела не куда-нибудь, а к Старому. И то, о чем поведал бай Симо, и то, что сказал Соломон, не говоря уже о Соколе и других... Хотя... Мало ли на свете случайных совпадений? Нет! Надо докопаться до истины, беспристрастно разобраться во всем, чтобы каждый точно знал, что же, в сущности, случилось. Но как, какими путями доискаться правды?

Солнце осветило комнату, и Коев почувствовал тепло его лучей. Осеннее солнышко не слишком щедро, но все же... Солнышко!.. Откуда выплыло это ласковое слово? Ага! Так называла его Аня — солнышко... Коев снял трубку и набрал софийский номер. В трубке зазвенел ее голос. Радость, звучавшая в голосе, выдавала, что она ждала звонка, как с утра ожидают солнца. „Откуда звонишь? Вернулся? Немедленно домой!“ Коев

сказал, что звонит из гостиницы, даже чуть не проговорился, что вряд ли выедет сегодня. Когда вернется? „Видишь ли,— принялся объяснять он, — тут одно запутанное дело... очень важное... придется задержаться...“ „То есть как задержаться? А как же я?“ „Потерпишь. День-другой...“ „Так долго... — приуныла Аня, — я ждала тебя сегодня. Даже сюрприз тебе приготовила... Нет, ничего не скажу, раз ты такой...“ „Аня, — попытался уговорить ее Коев, — вернусь, все тебе расскажу. Сама убедишься...“ „Знать ничего не хочу, — упрямо стояла на своем Аня. — Только голову мне морочишь. Наверное встретил там одну из своих прежних зазноб. Не воображай, что это тебе так сойдет! Ты меня плохо знаешь. Думаешь, я дурочка? И гостиницу отлично знаю, и дом разыщу. Второй этаж, номер двадцать пятый. Я это так не оставлю...“ В трубке послышались короткие гудки.

„Вот так всегда у женщин, — подумал Коев. — Не могут к бочке меда не подмешать ложку дегтя“. Потом он усмехнулся, зная, что Аня уже жалеет о сказанном. Влюбленные не умеют долго гневаться. Разве плохо, когда жена ревнива, когда на тебя не надышится. Он засмеялся, потом поднял трубку и набрал номер комбината.

— Милен, вытерпишь меня еще денек-другой?

— Да оставайся хоть круглый год и ни о чем не думай, — услышал он радостный голос. — Пообедаешь с нами?

— Не получится. Надо кое с кем встретиться. Как только освобожусь, сразу дам знать.

Коев даже не подозревал, что он не освободится ни

в тот день, ни на следующий; что разыграются такие драмы, о которых он и думать не мог, но невольной причиной которых стал.

Утро было погожее и ясное, словно ненадолго вернулось лето, однако осень напоминала о себе свежим дыханием. Холодные дни еще не наступили, еще далеки заморозки и хлещущий в лицо северный ветер, когда сумерки только и дожидаются своего часа, чтобы расползтись по улицам и дворам. Приятно было идти по улицам родного города, исполненным людского гомона, журчания воды в фонтанчиках, запаха душистого хлеба, жареных на решетке колбасок и виноградных выжимок.

Коев, задумавшись, шел по городу, начисто забыв, что собирался заглянуть в отчий дом.

После победы народной революции Коев участвовал в создании милиции, потом работал там до поступления в университет, а по окончании университета вновь вернулся туда уже следователем. Ему был знаком ни с чем не сравнимый трепет поиска истины, и сейчас, думая об истории Старого, он вдруг почувствовал знакомое нетерпение. Захотелось тотчас же начать расследовать запутанное, как бывало прежде, до того, как он решил посвятить себя журналистике. Хотя, если брать шире, то и журналистика — это тоже расследование, розыск, своего рода дознание. Каждая тема таит в себе некую тайну, требует скрупулезного рассмотрения всех обстоятельств, изучения видимых и невидимых побуждений всех участников события, исследования характеров людей, их поступков. Неизвестно почему вдруг вспомнился Геродот, „отец истории“. Он, ныне знаме-

нитый и неизвестный при жизни повествователь истории, узнавал обо всем из первых уст, лично расспрашивая странствующих торговцев о том, что те видели, путешествуя по белу свету. Из их рассказов да еще из собственных бесконечных скитаний черпал он свидетельства о греко-персидских войнах, географические, этнографические и еще разные другие сведения о Мёзии, Египте, Фракии и Скифии, Каспийском море и Сибири, рассказав о них вначале на одной из афинских площадей, а затем изложив в своей бессмертной „Истории". Бесхитростные рассказы о заморских странах и их жителях, вести, факты, которым суждено было пережить века... Коев подумал, что и его разрозненные статьи о людях и стройках, будь они правдивы и проницательны, могли бы обрести значимость, ибо отображают высочайшие взлеты эпохи. Очерк о комбинате, по его мнению, уже созрел в сознании, так что нужно только сесть за стол, заложить в машинку белый лист и задуманное выльется на бумагу. Но не так легко было распутать этот клубок из соображений, подозрений, сомнений, касающихся Старого. Тем более, что речь шла о прошлом. Стоит ли ворошить старое, твердили все кругом. Но разве можно с легким сердцем от него отречься? И без того непростительно долго стоял он в стороне, не поинтересовался, не помог вовремя. Так пусть же теперь, хоть с опозданием, но он обязан попытаться ослабить туго затянутую петлю. Не так уж это трудно. Наоборот, многие из тогдашних знакомых и товарищей Старого еще живы. Нужно только терпеливо, шаг за шагом расспросить их — в остывшей золе непременно удастся отыскать тлеющий уголек...

Коев вошел в фойе гостиницы, полный решимости действовать.

— Вас к телефону, — сообщил ему пожилой швейцар в ливрее, похожей на генеральскую форму.

Коев подумал, что, вероятно, это звонит Милен, а вдруг это Аня решила примчаться из Софии. Мысль, что она и в самом деле может нагрянуть, вызвала у него сладостный трепет от ощущения ее близости и вместе с тем тревогу, что она запрет его в четырех стенах, и примется упрекать его в том, что она-де соскучилась, а он, неблагодарный, отделался парой звонков... Потребует ласки, сама одарит его нежностью, как только она умеет... Пиши пропал весь день. Ужинать они отправятся только под вечер, а значит, что встречи не состоятся.

— Алло! — голос в трубке был незнакомый, мужской. — Алло! Здравствуй, Марин.

— Здравствуй.

— Не узнаешь? Да куда уж тебе догадаться. Провинция. Темная Индия. Э-э-эх, Марин!

— Погоди, погоди, — сказал Коев, пытаясь вспомнить, где он слышал этот голос.

— Чего уж там, не напрягайся, всего каких-нибудь тридцать лет не виделись. Куда уж тебе признать меня! Жельо беспокоит, Жельо Пенев.

— Пантера, ты что ли?

— Он самый! А тебе, небось, померещился дух моей покойной бабки, а?

— На ловца и зверь бежит. И я как раз собирался тебя разыскивать.

— Гляди-ка, он собирался! Брось заливать. Будто мы не знаем вас, столичных зазнаек.

— Серьезно тебе говорю.

— Серьезно или нет, а свидеться нам просто необходимо. Но для начала скажи мне, где твой „дипломат"?

— Какой еще „дипломат"?

— Тот, с которым ты сюда прибыл. Черный „дипломат" с дюжиной перегородок.

— В шкафу, должно быть.

— Должно быть или точно?

— Сейчас проверю. Во всяком случае я оставил его в шкафу.

— Поднимись наверх, посмотри и позвони мне по телефону...

Коев нажал кнопку лифта и спустя мгновение уже стоял перед дверью своего номера. В шкафу ничего не было, кроме пары выстиранных и отутюженных Аней сорочек, пустого полиэтиленового мешка и двух одеял. „Дипломат" исчез. Коев выдвинул все ящики — чемоданчика как не бывало. Он заглянул в комнату напротив, где тоже стоял гардероб. Ему показалось, что одеяло на постели заправлено наспех. Откинув его, он увидел, что простыни скомканы. „Чудеса, — подумал Коев, — здесь-то я вообще ни к чему не притрагивался..." Он вернулся обратно, тщательно оглядел кровать, тумбочки. Сомнений больше не было: здесь кто-то здорово похозяйничал. Коев просмотрел документы в папке. Как будто все было на месте, однако в душе зародилось смутное подозрение...

Коев взял трубку и поискал листок с записанными цифрами. Медленно набрал номер. Однако не успел он вымолвить ни слова, как дверь с шумом распахнулась, и на пороге появился подполковник милиции — мужчина

средних лет, с проседью в волосах. На губах его играла широкая улыбка.

— А вот и я.

— Пантера!

— Чем попусту перезваниваться, — обнял подполковник Марина, — лучше увидеться. На месте и установим что да как.

— Страшно рад тебя видеть!

— Обычно нашему брату не очень-то и радуются, такая уж работа.

— Давай, давай вникай, — повел его по номеру Коев. — Что-то тут не в порядке...

— В том-то и дело, что не в порядке. Капитан! — крикнул Пантера.

Вошел мужчина средних лет в штатском.

— Слушаюсь, товарищ подполковник!

В руке капитан держал „дипломат“ Коева.

— Нашелся! — обрадовался тот, тем не менее не понимая, что все это значит. — Вот он.

— Чемоданчик, наверное, твой, однако...

Пантера расстегнул шинель, распустил слишком тугой узел галстука и заглянул в открытый шкаф.

— Рылись?

— По всему видно, что-то искали.

— Гм...

Пантера опустился в кресло.

— Садись, — улыбнулся он Коеву. — Дай нам бог сватов усаживать.

Коев сел.

— Выходит, нет худа без добра. А то бы могли и не увидеться.

— Ничего не понимаю, — растерянно пожал плечами Коев.

— Да я и сам не пойму. Утром докладывает мне капитан, что на столике в кафе „Роза“ обнаружен „дипломат“. Внутри документы на имя Марина Коева. Обрадовался я, руки потираю: ага, попался мне, хитрец этакий. Три дня, как уже в городе, и не вспомнить о старых друзьях-товарищах. Это, брат, ни в какие ворота не лезет... Сейчас, думаю, ты у меня попляшешь!

Смех у Пантеры был громкий, раскатистый. Этот человек, познавший тюремное заключение, прошедший дороги партизанской борьбы и Отечественной войны, излучал какую-то первобытную силу.

— Я сперва было решил, что ты зашел выпить кофе и по рассеянности забыл на столике чемоданчик. Но узнав от буфетчицы, что ты вообще не заходил, она бы тебя приметила, крепко задумался. Сразу позвонил тебе, но в нашем деле одним только телефонным звонком не обойдешься. Капитан, приступите к досмотру.

Капитан оставил „дипломат“, который до последней минуты не выпускал из рук, и стал осматривать вещи. Коев сразу же заключил, что перед ним опытный криминалист.

— А ты между тем загляни в чемоданчик!

Коев осторожно открыл черный кожаный „дипломат“ и в глаза ему бросилось, что все уложено по-другому.

— Здорово потрудились. Полная мешанина.

Одно за другим он вынул все из чемоданчика, полистал свои дневники, папки с материалами, отложил в сторону пижаму, которую так ни разу и не надел...

— Пижама была отглажена и аккуратно сложена, погляди в каком она теперь виде, — обратился он к Пеневу.

Пантера лизнул кончиком языка сигарету — навык, сохранившийся с тех пор, когда он сворачивал цигарки из газеты, — закурил и похлопал Коева по плечу.

— Чувствую, создашь ты мне работенку, старая интеллигенция. Будем надеяться, что это просто стечение обстоятельств. Правда, не очень верится...

— Как насчет срочных дел? — вспомнил он излюбленное выражение бай Петко, их первого наставника в милиции, когда они приступили к работе после университета.

— У нас не соскучишься.

— Обстановка что ли ухудшилась?

— Есть, пожалуй. Не стану скрывать, хотя с вами, журналистами, нужно держать ухо востро...

— Уволь, брат, я давно усвоил правило: лишнее широкой публике знать не обязательно...

— Зашевелились в последнее время, — серьезно произнес Пантера.

— Саботажи или...

— Сам черт не разберется, — нахмурился подполковник. — Сплошные случайности, одна другой позаковыристее. Тут обнаружили не изолированную проводку в складе одного предприятия. Достаточно одной искры, чтобы вся продукция вылетела в трубу яко дым. Потом иди расследуй, пиши, если тебе делать нечего...

— Да, не позавидуешь, — сочувственно взглянул Коев на своего однокашника. — Нам, пожалуй, поспокойней живется. Совсем другие заботы одолевают.

— Интеллектуальные, — в тон подхватил Пантера.

Марин Коев вспомнил, что Пенев, окончивший в свое время юридический на „отлично“ и слывший в общем-то толковым правистом, никак не мог избавиться от предубеждения, что интеллигенция сама по себе никчемна, дальше своего носа не видит и что из интеллигента никогда не получится стоящего человека. Однажны в запале он даже заявил, что придется на досуге заняться гнилыми интеллигентиками... Коев попробовал его урезонить, убедить, что нынешняя интеллигенция — плоть от плоти, кровь от крови своего народа. Но Желько стоял на своем, считая, что на интеллигенцию нельзя рассчитывать в трудные минуты.

Словно угадав мысли Коева, Пантера хмыкнул.

— Ну, положим, нынче у меня иное мнение. Времена меняются. Далеко за примером ходить не надо. Возьмем наш город. Первый секретарь — инженер, башковитый парень. Секретарша из отдела кадров тоже инженер, классный специалист. Мэр — инженер-текстильщик, сто очков форы любому даст. Не воображай, что я уж такой отсталый элемент.

— С чего ты взял?

— Но и гадов разных мастей хоть лопатой греби. Сразу и не раскусишь, интеллигент он или нет... Народ делом занят, жизнь налаживает, а ему палки в колеса ставят, что ни ночь, то происшествие. С виду тишь да гладь, да только до благодати далеко...

— Получается, что я вовремя смылся...

— Не о тебе речь Работники вроде тебя для нашего дела не годятся Бай Петко, земля ему пухом, говари-

вал, что пупок твой в литературе резан и потому она тебе и мила. Отпустить тебя предлагал...

— О прежней работе, о братве нашей я так ничего и не написал, а жаль...

— Да писать-то особенно нечего. Право, я даже не вижу, что можно написать о нас. О важном не напишешь — тайна, а все прочее — обыденщина, мура сплошная.

Капитан тем временем окончил осмотр.

— Тут с первого взгляда все ясно, — доложил он. — Кто-то поорудовал наспех, даже следы не удосужился замести.

— Вы свободны, капитан. Потом обсудим. — Жельо Пенев поднялся. — Ты, Марин, продолжай заниматься своими делами. Попрошу только известить меня, если возникнет хоть малейшее подозрение. Вот телефоны, дозвонишься по любому.

У Коева мелькнуло в уме поделиться насчет посещения бондаря и тени, подслушивавшей их разговор, однако он промолчал — настолько наивными выглядели его опасения. Зачем обременять деловых людей беспочвенными фантазиями?

В дверях Пантера задержался. Пожав Коеву руку, он словно бы в шутку сказал:

— Не забывайте нас, все-таки. Не совсем честно с вашей стороны. И в провинции живут люди...

Человек, которого Коев встретил у кафе, где собирались пенсионеры, был сухощавый, насупленный старикан, как раз из тех, которые только и ищут к чему бы придраться и любого готовы разделать под орех, как

любил выражаться Старый. Однако Коев хорошо знал, что несмотря на колкий язык, бай Петр, или Клюв, как его прозвали за острый нос, слыл человеком справедливым и неподкупным, поблажки никому не давал. Он искренне обрадовался, завидев знакомого со школьных лет и поныне здравствующего старика.

— Бай Петр, — подал ему руку Коев, — рад тебя видеть.

— Чего это ради ты так рад? В должниках твоих вроде не состою, так что взыскать с меня нечего, — четко, без запинки и малейшего намека на шутку отпарировал старец.

— Гм, а я-то возомнил, что ты узнал меня, — смутился Коев.

— С чего ты взял, что не узнал? Ты же все по телевизору распинаешься, уму-разуму нас, дураков, учишь. Вот целых три дня на комбинате ошиваешься, с Миленом все трактиры окрест облазили.

Коев от души расхохотался.

— Ничегошеньки от вас не утаишь!

— Утаишь, черта с два! Срам потеряли. Стыд не дым, глаза не выест, а? Взяли за моду разные там софийцы в легковых машинах наезжать. И торчит в ней один, как пень, тоже, дескать, не лыком шиты. Нечто поезда перевелись? Плати за билет и езжай по-людски. Так нет, бензин ему дай жечь. Если подсчитать, так сколько же понапрасну загнал один-то ездок? Важная, знать, птица...

— Да не сердись ты так, бай Петр.

— Тоже защитник! И ты, небось, в машине прикатил? При шофере?

— Нет, поездом приехал.

— Поди, чином не вышел?

— Будь по-твоему.

— По доброй воле навязался, так давай теперь раскошеливайся, угощай.

— С превеликим удовольствием, бай Петр.

Они заказали по чашечке кофе и рюмке коньяка. Другого бай Петр, по его словам, в рот не брал.

— Люблю коньячок, — пояснил старик. — Народ кругом виски и водку хлещет, а у меня все шиворот-навыворот, коньяк уважаю. Теплынь от него по телу, живот прогревает, глотку смазывает. А ты как?

— Лишнего не потребляю.

— Вот это похвально. А то нынче все поголовно как с ума сошли. И бабы не отстают. Сосут, точно удавы. И табачком пробавляются. Равноправие с мужиками себе выхлопотали. Раз все равны, то отчего же в армию не рвутся служить? Враз бы согнулись под вещмешком и с оружием, шутейное ли дело отмахать километров тридцать маршем... Равноправие... Палка по ним плачет...

Коев взвесил в уме давнишние разговоры со своим собеседником, вспомнил его дружбу со Старым, постарался представить его в дни Великих событий и впоследствии. Он ему виделся все таким же несговорчивым. Трудно сказать, на кого всю жизнь брюзжал этот человек, однако ни у кого не вызывало сомнений, что это лишь одна видимость, ничего не поделаешь — с таким норовом уродился. Не то чтобы против тебя лично что-нибудь имел, но непременно встречал в штыки каждого.

— Твое здоровье, бай Петр, — поднял рюмку Коев.

— Уж чего-чего, а здоровья от такого зелья не прибавится, а охота... С богом!

Коев отпил и взглянул на старца.

— Бай Петр, ты ведь после Девятого в милиции служил?

— Там и на пенсию вышел.

— Помнится, ты долго там оставался?

— Помнится!.. — вскипел старик. — Легко тебе, а мы тут лямку тянули.

— Каждому свою лямку тянуть приходится.

— Лямка лямке рознь. Случается, одно притворство, и это каждый дурак знает...

Коев только посмеивался. Ершистый старик был ему по душе. Вот и друг у него такой же заядлый спорщик. Ты ему слово — он тебе десять в ответ. Согласишься с ним — так он на другую сторону переметнется. Как-то увидел у Коева в руках томик Томаса Манна и тут же принялся нахваливать собрата по перу. А через пару дней они увиделись снова, и Коев, между прочим, помянул добрым словом любимого автора, эрудита, мастера образа, заслуживающего всяческого уважения. „Ха-ха, тоже нашел эрудита! — услышал он в ответ. — Какие-то жалкие, бледные персонажи рисует, ни больше, ни меньше, горе-философ..."

Бай Петр сделал глоток, пригладил усы и кажется повеселел малость.

— Сам-то ты где работаешь?

— В одной редакции.

— Баклуши бьете?

— Ага, в потолок поплевываем, — добродушно поддержал Коев.

— Драть вас некому. Отдубасил бы всех гуртом! — снова рассердился старик. — Писаки, горе-вояки...

Коев заказал еще по одной.

— Бай Петр, хочу тебя спросить кое о чем, — сказал он. — Помнишь, когда мы захватили полицейский участок, у Шаламана в кабинете навалом было документов всяких, папок. Шкаф, помнится, был раскрыт, ящики наружу выставлены.

— И вправду, целый ворох бумаг, куча мусора.

— В суматохе я даже не взглянул, что за бумаги...

— Леший их знает. Помнится, Пантера в них рылся.

— Пантера?

— Помню только, что были там и заявления, подписанные нашими.

— Какие заявления?

— Капитулянтские, какие же еще. Отказывались от борьбы.

Коев насторожился.

— Может, припомнишь, кто под ними подписался?

Бай Петр снова сделал небольшой глоток, его глаза буравчиками сверлили журналиста.

— Ты чего это взялся разгребать старое?

— Ремесло мое такое, — спохватился Коев, — ничего не поделаешь.

— Вон оно что! — как-то тихо отозвался старик. Помолчав, он сказал, глядя на улицу: — Все равно шила в мешке не утаишь. До всех мы добрались. Столько дел потом завели...

— Помнится, и на Ангела Бочева тоже, — заметил Коев.

— Его заявление на видном месте лежало. Чтобы

случайно мы не проглядели. Бесстыжие рожи!

— По-твоему, хотели спровоцировать?

— Шаламанов нарочно подкинул заявление Ангела, что отрекается-де от коммунизма... Еще Вельо Ганчева было... За такое малодушие их потом долгие годы преследовали, много раз наказывали... Да, так оно было...

— Два, говоришь? Других не было?

— Нет. Только два. Ясное дело, вынудили парней. Просто избивали до потери сознания, потом подсовывали заявления. Сознательно ли они подписали, в беспамятстве ли — кто скажет... Однако подписано черным по белому. Смутные были времена. Меня, когда впервые арестовали, я тогда учеником еще был, смертным боем били, а я вопил истошным голосом. Благо, ничего не знал, так что выколотить нечего было. Не всякому под силу выдержать... Потом понемногу бумаги стали разбирать, такое множество их накопилось и дел невпроворот. Выяснилось, что самых нужных документов не было, папки пропали, местами многих страниц не хватало... Тогда мы посмеивались над безмозглыми полицейскими. А вышло — тупицы да не совсем. Темные делишки умеючи обделывали. Людей себе вербовали из тех, о ком никто бы и не подумал, агентов к нам засылали. А многих про запас держали в страхе и повиновении.

— Бай Петр, а что ты думаешь про убийство Спаса и Петра?

— Была и такая папка. Мы ее частенько перелистывали. Сам я вчитывался в каждую строчку. На беду и там кто-то похозяйничал — успел нужные листы выдрать. В спешке не смогли убрать подчистую все не-

угодные для них бумаги, хватали как попало, в клочья рвали...

— Так про Петра и Спаса что ты вычитал?

— А то, что пронюхали о том, что намеревались они бежать, и застукали вовремя: перечисляли с кем они водились, как их упреждали не сопротивляться, а они повиноваться отказались, открыли огонь... Одним словом, так, все вокруг да около, ничего конкретного.

— И больше ничего?

— Ничего.

— Загадочная история!

Старик помолчал.

— Имелась там все-таки одна улика.

— Какая?

— Однажды, читая бумаги, Пантера на второй странице разглядел стертую запись карандашом. Вызвали специалистов, то ли из округа, то ли из Софии, они установили, что там была еще одна заметка, но расшифровать ее так и не удалось. Но там значилось: „...по сведениям Ш.“, как раз около пометки о предстоящей переброске. Понимаешь, по сведениям Ш. Но кто этот Ш., так и осталось загадкой. В другой папке, тоже на клочках, опять упоминался этот Ш.„... Ш. сообщает о начале массовизации партизанского движения...“

— Только и всего?

— Именно.

— Значит, они внедрили кого-то своего.

— Это уж как пить дать.

Что-ж, может статься, прав Сокол: был еще и пятый, некий Ш. Значит, не только отец, командир, Алексий и

Сокол. Еще один, пятый: „...по сведениям Ш.“. Это многое меняет. Прежде всего снимаются всякие подозрения со Старого. Нет оснований сомневаться и в остальных... Ш.!..

— Вот этот-то Ш. мне и нужен, — почти шепотом промолвил Коев.

— Зачем он тебе понадобился? Мертвым язык не развяжешь.

— Думаешь, он мертв?

— Наверняка один из тех, кого мы в свое время ликвидировали.

— А я не уверен. Впрочем, пусть даже один из тех. Должен же я узнать, кто таков!

— Как ты узнаешь? — пожал плечами старик. — Он, небось, давно в могиле лежит. Ищи ветра в поле, коль иных забот нет.

Он сделал глоток и тепло взглянул на Коева.

— Понимать-то тебя понимаю. Однако голову поломать придется.

— Неужто ничего не дознаться, бай Петр?

— По мне, так орудовал среди них предатель. А искать его надо не среди мерзавцев, а среди своих...

Марин почувствовал, как помягчел голос старика, и взглянул на него с благодарностью.

— А случайно не знаешь кто в свое время этими бумагами тоже интересовался?

— Еще бы! Наперечет знаю. Ведь столько лет лямку тащил. Значит, так, один из них — Дока, Димо Доков. Другой — Вельо Ганчев. Третий Пантера. Четвертый Живко Антонов. Называю только живых. Усопших, да простит их господь Бог!

Коев записал эти фамилии, но мог бы и не записывать — это были близкие Старому люди, которые по сто раз наведывались к ним в дом, с некоторыми из них ему довелось работать после революции...

Солнце уже поднялось высоко, и лучи его нежно ласкали лицо. Отчетливо, будто нарисованная детской рукой, высилась иссиня-сизая Старопланинская гряда. Марин Коев шел по улочкам города, чувствуя себя молодым, полным сил и здоровья. Это ощущение не покидало его с самого первого дня пребывания здесь. Вновь и вновь мысленно переносился в сорок четвертый, когда он, совсем еще юный, мчался на вокзал встречать освобожденных политзаключенных, а потом вместе с ними распевал во все горло: „По военной дороге шел в борьбе и тревоге боевой восемнадцатый год...“. Тогда он был парень хоть куда — по нему вздыхали девушки, а он с красной повязкой на рукаве и с черным автоматом на боку как ни в чем ни бывало расхаживал по скверику, охраняя от врагов бывший полицейский участок. У здания и внутри его стояли на посту юноши и девушки-ремсисты, недавние полицаи приходили к ним сдавать оружие, подходили военные справиться насчет нового начальника — приказа по воинским частям пока не было и распоряжения отдавал он, молодой человек с кудрявым смоляным чубом, с пистолетом на бедре и с алой лентой на рукаве. Партизаны все еще сражались в горах. Медлили и советские войска, остановившиеся где-то по ту сторону Стара-Планины. Так что некому было принимать решения, кроме них, стоявших на страже народной власти. Между тем взрослые, а среди них

и Старый, вели переговоры с начальником гарнизона. Полковник ни в какую не соглашался передать армию коммунистам вот так просто, без всякого приказа свыше. „Я клятву дал верно служить царю и отечеству...“ „Да ты вроде как не понял что произошло? — наседали коммунисты. — Советская армия вступила в Болгарию, власть перешла в руки Отечественного фронта, а тебе приказы подавай...“ „У нас так положено, — горячился полковник, — без приказа вышестоящего чина — ни шагу...“ „Выходит, пока придет приказ, ты против нас, так что ли?“ — нажимали коммунисты. Начальник гарнизона твердо стоял на своем. Переговоры продолжались два дня кряду, и временами Коеву выпадало стоять на посту как раз у того помещения, где обрабатывали полковника, и его так и подмывало ворваться внутрь и пригрозить этому буржуйскому прихвостню... Старые коммунисты, однако же, рассудили иначе. Они нарочно тянули, не отпуская полковника, в ожидании, что вот-вот подоспеют партизаны и советские войска. И не обманулись. Через пару дней обстановка прояснилась, гарнизон сдался, а полковник предстал перед народным судом.

Марин Коев очутился в переулке за городским судом и только теперь догадался, почему вдруг вспомнились молодые годы. Ведь именно туда привезли тогда арестованных заправил города, их выставили напоказ, и люди, проходившие мимо, грозно потрясали кулаками, клеймя своих угнетателей. Среди арестованных был учитель из Остеново. В свое время он выдал полиции укрывавшегося в селе раненого партизана, его схватили

и там же на сельской площади казнили. Учитель, тощий человечек в длиннополом пиджаке и кепке, дрожал от страха, глаза его растерянно перебегали по лицам людей, молили о пощаде. „По глупости выдал, — лепетал он, — помилуйте, не хотел ему зла...“ „Ты человека погубил, — кричали из толпы, — ему голову отсекли да на кол надели...“ Марин вспомнил, как разглядел в толпе мать. „Марин! — окликнула она его. — Марин! Сбегай домой, сынок, поешь, а то два дня пропадаешь...“ „Я сыт, мам, не волнуйся, сейчас есть дела поважнее, потом отъемся!“ Потом... Потом взялся организовывать союз молодежи, записывать добровольцев на фронт. И уехал вместе с ними...

После встречи с бай Петром Коев направился к Вельо Ганчеву. Тот жил неподалеку, да к тому же этот высокий, худой человек с приветливым лицом и мечтательным выражением глаз издавна внушал ему особую симпатию. Он запомнил его с ученических лет — Ганчев работал фотографом. Не забросил он своего занятия и впоследствии. Его мастерская располагалась в пристроенном к дому ветхом бараке, который хозяин гордо окрестил „Ателье“. Тем самым Вельо, очевидно, хотел внушить, что он не чета прочим халтурщикам, а художник, причастный к искусству человек. Вряд ли кто-нибудь понимал его, потому что вскоре и самого Вельо прозвали Ателье. Прозвище прочно прилипло к нему.

Зайдя в редакцию местной газеты, занявшей новое помещение в Доме профсоюзов, Марин Коев порядком поплутал, прежде чем отыскал каморку фотографа. Не то, чтобы редакция располагалась на очень уж большой

площади — под одной крышей нашли себе приют многочисленные службы, а Вельо Ганчеву достался чуланчик с ванной, где он промывал пленки и фотографии, где светились разноцветные лампочки, а на столике были навалены фотобумага, проявитель, пленки. Коев без труда узнал старого знакомого. Был он чуть постарше его самого, годков так на четыре-пять, как всегда подтянутый, в синем рабочем халате, с доброжелательным выражением лица. Типичный провинциальный алхимик, подумал Коев, из фотопленки, фольги и бумаги добывает золото.

— Марин, никак ты?

— Я, Вельо, я.

Фотограф вытер руки полотенцем, указал гостю на табуретку, а сам уселся напротив на продолговатом сундучке, застланном газетами. На лице его играла радостная улыбка, но вместе с тем читалось и удивление по поводу посещения „высокого“ гостя: как же, Марин Коев собственной персоной, знатный журналист не побрезговал его жалким прибежищем...

— А я вот тут... фабрикую свои произведения, — запнулся он.

— Вижу, вижу, — рассмеялся Коев. — Совсем даже неплохо устроился. Уж во всяком случае не хуже прежней развалюхи, а?

— Снесли тот барак, — сказал Вельо. — Кому, спрашивается, он мешал?

— Для музея не годился, — дружески похлопал его по плечу Коев. — Не горюй, тут у тебя хорошо.

— Ба, не хватало еще горевать по такой развалюшке... — но в глазах Вельо читалось сожаление.

— Вот, погулял по городу, захотелось навестить старых друзей, — Коев с удовольствием расслабился.

— А я грешным делом подумал, что ты нас позабыл.

— Вот и ты туда же! Есть одна мудрость — не помню, то ли арабская, то ли персидская. Так вот, на старости многое человеку заказано, по крайней мере друзьями обзаводиться уже поздно. Друзей приобретаешь смолоду.

— Не рановато ли себя в старики записывать?.. — Вельо достал сигареты, и Коев вспомнил, что когда-то это был заядлый курильщик, дымил без передышки. — Но даже и постареем, невелика беда. Одно только плохо, как говаривал мой отец, что и старости рано или поздно конец приходит...

— И мой отец часто это повторял.

— Я был на похоронах, но... подойти к тебе как-то не решился...

И Ненка приходила провожать в последний путь Старого, однако тоже не подошла. Неужто он до такой степени отошел от друзей? Ему стало неприятно от ненкиного признания, он даже нахмурился. Походя отмахнулся, чего, мол, не придумают люди. Но услышав почти то же самое из уст бай Стояна, бай Симо, Сокола, уловив многозначительный намек в словах Милена и его товарищей, знакомых с детства, Марин призадумался, ощущая, что не праздные, значит, намеки. Значит, оторвался-таки он от людей, чего греха таить, хотя и тешит себя мыслью, что изо дня в день находится в гуще народа. Сегодня среди опалубщиков и монтеров, завтра — с ткачихами, литейщиками или овощеводами,

одним словом, не соскучишься. Но все они чужие, а тут — свои, знакомые с молодых лет, близкие по идеалам... Профессия научила его не делить людей на своих и чужих, но теперь, находясь в родном городе, он воскресил в памяти столько лиц и событий, так много перечувствовал, что осознал: да, здесь, единственно здесь его перо в состоянии вскрыть все подспудное, безвозвратно отнятое истекшими годами, но надежно спрятавшееся в укромнейшем уголке сердца. Что уж мудрить над тем, что ясно, как белый день, разумеется, куда проще рассматривать судьбы незнакомых героев, восхвалять их и воспевать, чем тревожить собственную память, возобновлять знакомство с друзьями молодости, даже с теми, с кем в свое время не очень-то сходился, но кому посчастливилось уцелеть в битвах, выжить, прожить несколько десятков лет вне его сознания...

— Вельо, выходит, отошли мы друг от друга, раз тебе не захотелось подойти...

— Да нет, что ты... Я просто...

— Развела нас в разные стороны эта вечная занятость, будь она проклята, погоня за несуществующими химерами, случайно подвернувшиеся новые знакомства.

— Да я совсем не то хотел сказать, Марин! У меня в мыслях не было попрекать тебя! — Ателье поднялся с сундучка. — Ты большим человеком сделался, на всю страну прославился... А мы люди маленькие, невидные...

Острое чувство вины жгло Коева, оно не проходило и потом, когда они вместе с Вельо отправились обедать в новый ресторан. Коев нарочно выбрал место, куда не

заглядывали ни Милен со своей свитой, ни местное начальство. Он решил разговаривать с каждым наедине, без посторонних. Коеву хотелось проникнуться думами рядовых участников Великих событий, которых он знал как родных братьев.

— Знаешь, Вельо, у меня зародилось тут одно желание... Я роюсь в архивах в надежде наткнуться на улики, связанные с убийством Спаса и Петра. Пока ничего существенного не нашел, но меня гложет мысль, что тогда среди наших орудовал предатель. Ты один из немногих, кто перечитывал полицейские документы. Удалось вам тогда что-либо выяснить?

Вельо зашелся глубоким, надсадным кашлем, свойственным курильщикам. Отдышавшись, сказал:

— Я хорошо помню их досье. Да и не только я его читал. — Он вновь закашлялся. Коеву стало не по себе.

— Да ты ешь, ешь, — попытался он загладить неловкость. — Еще наговоримся, успеется.

— Ничего страшного. Я, это самое,.. — Он закурил новую сигарету. — Вот напасть прилипчивая, не отвяжешься.

Коев без малейшей охоты жевал салат. Есть не хотелось. Он с удовольствием заказал бы себе только кислое молоко, но опасался смутить Вельо.

— И что же, нашел ты тогда что-нибудь? — вернулся к начатому разговору Коев.

— Да кое-что было. Тот самый Ш., что упоминается в бумагах, скорее всего и был предателем. Помнится, мы тогда перебирали всех подряд, у кого фамилия на „ш“, ни на ком не остановились. Были, конечно, Шоселев и Кольо Шинов, Ангел Шаран, Шойлев... да разве всех перечислить? Бессмысленно было подозревать лю-

дей, не имевших никакого отношения к антифашистской борьбе. Тут замешан кто-то, кто знал подноготную всех наших планов, в том числе и о переброске в горы Спаса и Петра, об уговоренном месте и времени встречи. Вот этого самого Ш. обнаружить не удалось. А ведь он не только жил, но и активно действовал. Между прочим, мы и агентов полиции как следует прощупали. Тоже безрезультатно.

— Да-а-а... Так что же делать? Поставить на нем крест?

— Так разве ж речь о том, отказаться от поисков или продолжать их? Потому как если тебе Старый отцом родным приходится, то мне он был учителем. И в прямом, и в косвенном смысле.

— А что это ты вдруг Старого вспомнил? — резко спросил Коев.

Фотограф стушевался.

— Как тебе сказать...

— Ладно, не виляй, раз начал, то договаривай. Почему ты вдруг Старого помянул?

— Так его же, Марин, исключили...

— Но совсем по другому поводу.

— Верно. Сам знаю, что по другому.

— Но ты все-таки сомневаешься?

— Насчет Старого?

— А насчет кого же?

Фотограф окончательно смешался.

— Ты не так понял... Старый, он сам по себе. Хотя очень мне хочется, чтобы отпали всякие кривотолки в его адрес, — решительно заявил он.

— А как это сделать? — спросил Коев. — Как?

— Что касается слухов... Вряд ли кто всерьез его подозревает... Я, признаюсь тебе, тогда разговаривал со Старым.

— Когда?

— Когда его исключили.

— И что же он тебе сказал?

— Ничего конкретного. Но пару слов все-таки обронил... Сказал, что есть у него кое-какие сомнения, подозревает кое-кого, но не может добраться до истины... „Скажи толком, — просил я его, — что ты имеешь в виду?" Он только пробормотал что-то и отмахнулся.

— И все?

— Нет. Говорит, мол, есть у него задумка, однако решил держать ее про себя, пока окончательно не уверится. Боится бросить тень на невинного... Нужно, мол, время...

— Выходит, он и тебе те же самые опасения высказал, — задумчиво произнес Коев.

— Старый ни одного имени не назвал. Так я и не смог ничего вытянуть. Да и что он мог сказать, когда его по поводу того заявления через день в комитет вызывали. Да и нас таскали. Разве можно было кривить душой? Мы сказали, что верили Старому, он нас коммунизму учил... Я даже рассказал им один случай, который мне лично примером служил. Однажды взяли нас под арест по доносу, что читаем марксистскую литературу. Всю ночь избивали и пытали, вызнавая, кто нас литературой снабжает, какие книжки держим, кому их даем и тому подобное. На рассвете вывели во двор и поставили лицом к стенке. Рядом приставили и агента, авось под страхом смерти кто-то проговорится. Старый

дал нам знак молчать, помимо нас двоих задержали также парнишку одного из Остеново и незнакомого учителя. Так вот, пополудни, должно быть, зашел во двор начальник полиции Шаламанов и принялся на нас орать. „Образованными себя возомнили, — кричит, — передовыми! Кругом одни простаки, а вы Маркса и Ленина себе почитываете...“ Мы, как и было велено, будто языки проглотили. Старый обернулся и говорит: „Господин начальник, эти молокососы понятия не имеют о марксистской литературе. Я ее читал. Вот меня и судите. А этих отпустите!..“ Шаламанов увел его к себе в кабинет, довольно долго там продержал. Из окна доносились его угрожающие крики, стращал, что на тот свет всех отправит и семя наше в прах обратит... Выпустили нас. Убедил-таки Старый бешеного зверюгу, к тому же и при обыске ни книг не нашли, ни чего другого, за что можно было бы ухватиться...

Они вышли из ресторана. Еще светило солнце, но со стороны Старопланинских гор плыл прозрачный туман. „Вскоре он окутает все вокруг“, — машинально подумал Коев, вспомнив капризы местной погоды. В воздухе уже чувствовалось слабое дыхание промозглой осени, невидимый ветерок пронизывал насквозь. Коев слегка продрог. Не сегодня-завтра нагрянет зима, снег засыплет все кругом...

Вельо снова закурил, поперхнулся, и только сейчас, на свету, стало видно, как мертвенно-бледно его лицо, как синеет оно от надрывного кашля.

— Бросил бы курить, — сказал Коев.

Вельо помаленьку пришел в себя, облегченно затя-

нулся и взглянул повлажневшими глазами.

— Вот и врачи курить запретили... Затемнение легкого нашли, внизу, справа... Резать хотят.

Марин ошарашенно остановился.

— И давно это у тебя?

— Да вот этим летом обнаружили. Дышать трудно.

— А ты все равно продолжаешь дымить? В больницу тебе надо лечь.

— Как-нибудь лягу...

— Мы с тобой, Вельо, люди взрослые. Не к лицу, вроде, мальчишество.

— Завтра же и лягу. Только живым мне оттуда не выйти.

— Не говори ерунду.

— Да нет, это не ерунда, — обреченно вздохнул Вельо. — Ну, я пойду, пожалуй, надо снимки на завтра приготовить. Не пропадать же из-за меня номеру.

— Я тебе позвоню. И непременно загляну, — Коев пожал ему руку. Рука была сухой и горячей...

Коев еще долго смотрел вслед Вельо... Казалось, что друг еще ниже склоняется под напором кашля, и, вероятно, почувствовав на себе взгляд Коева, он ускорил шаг и вошел в здание профсоюзов.

Как и предполагал Коев, небо враз, в считанные минуты, потемнело, резко похолодало и дома заволокло густым осенним туманом...

Туман...

Коеву припомнился сон, снившийся ему довольно часто. Будто он в старом амбаре, нет, пожалуй, в ком-

нате на постоялом дворе. Он повсюду ищет Аню, а та вроде бы совсем рядом; они начинают разговаривать, но тут спускается туман и поглощает ее. Он остается один. Кругом ни души. Откуда ни возьмись — на пороге высоченный, насупленный разбойник со злыми глазами. Колючими такими, как у того офицера, любовника его бывшей софийской хозяйки. И совсем как тот офицер, он молчит. Коев отбегает назад и забивается в крохотную кладовку, сырую и мрачную, прячется за мешками с мукой и только тогда спохватывается, что оставил Аню наедине с разбойником. Он врывается в просторную комнату и видит Аню, но она молча, не оборачиваясь к Марину, с ласковой покорностью смотрит на другого. Тот потихоньку приближается к ней, глаза его делаются большими-большими, вот он протягивает руки... В этом месте Коев неизменно просыпался, нашаривал кнопку ночной лампы, но, не успев зажечь, снова проваливался в сон. И снова его обволакивала липкая мгла, и он переносился в знакомую комнату. Человек с остекленевшими, полными дикой ярости глазами был там. Только не всегда он выглядел разбойником. То он принимал образ мясника с ножом в руке, то дровосека с топором, то нищего, или попа... У него был один только глаз, налитый кровью... Коев со стоном поворачивался на другой бок, гнал прочь кошмарное сновидение, но оно цепко держало, не отпускало его воспаленное сознание, вынуждая метаться на постели...

Туман белесой пеленой затянул улицу. Коев потуже запахнулся в короткий плащ. Ему показалось, что впереди маячит какая-то неясная фигура. Почудилось что-то знакомое в походке, в сгорбленной спине. Уж не Со-

ломон ли? Коев прибавил шагу, догнал призрак... Оказалось, и впрямь Соломон. Коев обрадовался. Ведь какую бы ненависть он ни испытывал к этому дряхлому старику за его гнусное прошлое, тем не менее он чего-то ждал от него. Не могла эта хитрая лисица не знать, куда ведут тайные нити, с кем водился в те годы Шаламанов, кто был его агентом. Занимая писарскую должность, он, без сомнения, не только выдавал, скажем, разрешение на жительство и пограничные пропуска, но вел также и протоколы, составлял акты, получал и отправлял письма. У него хранились если не все, то по крайней мере значительная часть донесений тайных агентов...

— Дядя Соломон! — окликнул его Коев.

Соломон остановился, затравленно обернулся, в глазах застыл страх. „Кого он испугался?" — удивился Коев.

— Ты что, выслеживать меня вздумал? — воскликнул Соломон.

Коев огляделся.

— Кто — я?

— А то нет! На туман понадеялся. Иди лучше своей дорогой, не становись мне поперек. С такими людьми, как ты, нет у меня ничего общего.

Соломон пошел дальше, но Коев двинулся вслед за ним. Переулок, которым они шли, круто вел в гору. Задохнувшись, Соломон остановился и закурил.

— Отстань, Марин, — шепнул он. — После тебе кое-что скажу. А сейчас не приставай, оставь меня в покое... — И крикнул что есть мочи: — Прочь с моих глаз! Знать тебя не знаю!

Коев остолбенел. Бывший полицай тревожно взирался в туман, хотя ничто не выдавало присутствия живого существа. И вместе с тем тишина была настораживающей, какой-то тревожной. Соломон переминался с ноги на ногу и попыхивал сигаретой.

— Отвяжись, наконец! — снова выкрикнул старец, и не успел Коев опомниться, как он буквально растворился во мгле. Коев заглянул в боковой переулок, даже сделал несколько шагов, но никого не обнаружил. Ни звука, ни шороха, кругом мертвая тишина. Ему стало не по себе. А вдруг кто скрывается в этой сизой мгле? Коев стал взбираться по крутизне. За спиной послышались шаги. Он остановился, шаги тоже замерли. Послышался чей-то голос. Кто бы это мог быть? Он повернул обратно, пристально вглядываясь в темноту. Никого не было. Тогда Коев зашагал бодрее и, освободившись от страха, остановился, чтобы перевести дыхание. Некто невидимый тоже остановился. Сомнений больше не было. Черт знает что такое! — выругался Коев. Еще чего доброго, прихлопнут в темноте... Подумалось о Соломоне: кто же это на него страху нагнал? И куда он исчез, точно сквозь землю провалился? Как знать, что у него на уме, у бывшего полицая? О чем он собирался поведать? Вопросы, вытесняя друг друга, так и роились в голове, исчезая во мгле и снова наплывая — еще более мучительные и неразрешимые. Вспомнилось другое время... Тогда тоже не было видно ни зги, а ему поручили проводить одного подпольщика к тропке, ведущей в Остеново. Подпольщик, мужчина лет сорока мощного сложения, но с резко выступающими скулами, небось, жил впроголодь. Марин, не сдержавшись, спросил, не

проголодался ли он? А тот ответил, что, конечно же голоден, но не привыкать, не время теперь про жратву думать... Неподалеку была пекарня их свояка Венко Карастоянова. Марин зашел к нему и попросил кусок хлеба. Пекарь отрезал ему полкаравая: ешь, мол, малый, на здоровье, хлебной карточки спрашивать не стану... Коев отдал хлеб спутнику, и они пошли дальше. Аппетитно пахло свежим караваем, словно бы воздух потеплел, и лицо мужчины осветилось улыбкой. Расстались они на развилке дорог. Покончив с хлебом, мужчина помахал на прощание рукой и исчез. А на обратном пути Коева настиг топот, тяжелый топот лошадей. Не успел он посторониться, как из-за его спины выскочило двое конных полицейских. „Куда это тебя несет в такой туман?“ „Подружка тут у меня, — пробормотал застигнутый врасплох Коев. — К ней ходил...“ „Смотри-ка какой шельмец! Пользуется удобной погодкой!“ — расхохотался один из полицаев. Другой, однако, насупился и потребовал удостоверение личности. Марин показал. Полицейский выругался, приказав убираться подобру-поздорову. Мол, шляются тут всякие...

Сколько воды утекло с той поры?

Коев взбирался по крутому, вымощенному крупным булыжником взгорку, стараясь уловить хоть малейший звук. Однако ничто больше не нарушало тишины. „Вероятно, это было эхо моих шагов“, — подумал он. Но тут же отбросил это предположение. Сомнений не оставалось — кто-то двигался следом, останавливаясь, как только остановится Коев. Кто бы мог его преследовать и с какой целью? Коев постарался прикинуть в уме, с

кем он сталкивался со дня своего приезда. На одном только комбинате он встретил массу знакомых и незнакомых людей — бывших соседей, их успевших подрасти детей, женщин, здоровавшихся с ним за руку и сразу объяснявших, почему они это делают: одни знали его отца и мать, другие учились вместе с сестрой. Так разве в таком столпотворении разберешь, кто может выкрасть твой „дипломат“, ходить за тобой по пятам, выслеживая? Ему припомнилось, что среди рабочих он видел и одного своего соседа, бывшего полицейского агента. Тот отсидел свой срок и устроился на комбинате маляром. Низенький, тощий человечек был непомерно труслив, даже руки не посмел подать... Этот отпадает, ни за какие блага он не посмеет своровать чемоданчик. Да и никто из этих простодушных, открытых рабочих не пойдет на подлость!.. Они взирали на него с нескрываемым любопытством, разговаривали непринужденно и по-дружески, без признаков неприязни. Не могли это быть и те, с кем он встречался в горсовете, в гостинице, с кем вместе обедал или ужинал, вел сердечные, доверительные разговоры... Так кто же тогда?

На холме туман будто поредел, а сквозь рыхлую пелену уже просматривались фасады белых корпусов. Тут и там мелькали балконы и окна, женщины снимали с веревок белье. Высоко в небе пролетела стая уток, и их замирающий крик еще долго звенел в тишине. Кря, кря! — перекликались они, боясь затеряться... „Ну и гусь же я, ничего не скажешь, — с иронией подумал о себе Коев. — Начитался криминальных историй, дурацкие сюжеты как осы роятся, даже самому смешно. Сов-

сем распустил нюни..." Подбадривая себя, он зашагал прямо к военному складу.

Когда-то здесь располагалась гарнизонная пекарня. Коев отчетливо представлял себе широкие ворота, через которые вереницей выезжали военные повозки, грузовики с мешками хлеба. Ящиков тогда еще не было. Теплый хлеб издавал упоительный аромат, но сплюснутый в мешках, он слеживался, трескался, и солдатам доставался слежавшимся и отсыревшим. Двор пекарни в те времена скорее походил на базарную площадь. Въезжали и выезжали подводы, выпряженные лошади щипали скудную травку вдоль забора, суетились офицеры и дежурные, звучали команды, сыпалась брань. Интересно, отчего так ругались между собой старшие чины? Впрочем, нет, не между собой. Они почем зря костили солдат, обзывая их последними словами, пугая карцером... Со временем здание почти не изменилось, его только заново покрасили в желтый цвет, да выветрился запах душистого хлеба. Уже не скрипели фургоны, не тряслись повозки. Кругом было тихо, как в церкви. У двери, вытянувшись в струнку, стоял молоденький солдатик. Коев сказал, кого он разыскивает, солдатик кивнул головой в сторону караульного помещения, оттуда показалась рука и поманила его. Коев повторно объяснил цель своего прихода, окошечко захлопнулось, и вскоре во дворе послышался голос: „Товарищ майор, вас спрашивают". „Кто спрашивает?" „Гражданин какой-то". „Пусть подождет..." По голосу Коев узнал Доку, того самого Доку, что когда-то обучал его стрельбе.

Дока, или Димо Доков, как его, кстати, никто не на-

зывал, и в прошлом был военным. То ли фельдфебелем, то ли унтер-офицером, Коев никак не мог вспомнить, но наверняка знал, что в суровое лето сорок третьего, когда немцев погнали с русской земли, а болгарская полиция и жандармерия предпринимали отчаянные попытки задушить партизанское движение, запугать народ, выставляя для этого на площадях трупы замученных борцов за свободу, Дока с напарником из гарнизона погрузили в войсковой джип два пулемета, винтовки, бомбы, пистолеты и погнали машину по крутым тропам в горы. Сорвиголова, каких не сыщешь днем с огнем и в девяти селах окрест — так о нем отзывался Старый, он, тем не менее, проявил тогда редкостное здравомыслие, если учесть, что партизанский отряд остался почти без боеприпасов, и дело дошло до того, что местная партийная организация была вынуждена собирать патроны, винтовки и пистолеты. Даже Коеву не раз приходилось обходить надежных людей из близлежащих деревень с торбой, которую он так и не смог передать, и уже после Девятого вручил ее Пантере, пошутив, что лучше, мол, поздно, чем никогда. Пантера тогда рассмеялся, заверив, что пули еще потребуются... „Конечно, потребуются, — думал теперь Коев. — Поди, до скончания света будут нужны..."

После Великих событий Дока, живой и невредимый, вернулся в город, но почти сразу ушел на фронт, а после войны устроился на работу к военным, уже в новый гарнизон. Произвели его, разумеется, в офицеры. И так потянулись день за днем, до самой пенсии.

В дверях показался рослый мужчина в гражданском, не потерявший, однако, военной выправки. В ак-

куратном, хотя и потертом пиджаке, в офицерской рубашке и при галстуке, он посмотрел на Коева испытующе.

— Не может быть! — наконец вымолвил он. — Марин Коев собственной персоной!

— Так точно, товарищ майор! — отрапортовал журналист, сразу утонув в объятиях старого друга.

— Осел ты этакий! — кричал Дока. — Срам всякий потерял, сразу не дал о себе знать. Три дня мотаешься по городу с этой гражданской вороной Миленом, а сюда глаз не кажешь!

— Сам-то, небось, военным себя считаешь, а? Хоть бы уж молчал, крыса складская! Забился в эту дыру...

— Эх ты, невежа, — понизил голос Дока. — Соображать надо: склад складу рознь. Да наш ни в какое сравнение не идет с тем, что я когда-то очистил и дал деру... Тут, браток, такое водится...

— Будет, будет. Знаем мы вас — пустыми побасенками зубы заговариваете, а путного все равно от вас не добьешься. Кругом одни военные тайны. Ни тебе друга, ни тебе отца родного...

— Да так уж в нашем деле — ни кум, ни брат, ни сват не в счет. В мировых масштабах мыслим...

Как и в молодости, Дока продолжал мыслить „в мировых масштабах“: и конспирация „мировая“, и винтовка „мировая“, и акция „мировая“.

— Ну, пошли, на сегодня хватит. Что поделаешь? Пенсионерская участь. Не вечно же в героях ходить...

В небольшом трактире у подножия холма народу почти не было. Одиноко потягивали пиво несколько

завсегдатаев, официант в черном стоял, опершись на прилавок, ибо то, что приспособили под стойку бара, было прежде высоким прилавком, хотя теперь тут поблескивал вращающийся светильник, красовались цветными наклейками бутылки, сигареты. Да, нелегко было превратить прилавок в стойку модного бара...

— Позвал бы тебя домой, но там хоть шаром покати. Живу один, питаюсь в офицерской столовой.

— Да ты не беспокойся, — сказал Коев, — я тут наелся и напился вдоволь...

— Ну, выкладывай!

— Выкладывать-то особенно нечего. Лучше о себе расскажи.

Оказалось, что Дока отнюдь не безмятежно прожил истекшие десятилетия. Незадолго до окончания войны в старопланинских чащобах начала орудовать вражеская шайка. В предводителях ходил не кто иной как его однокашник Делчо Донев, вместе они работали до Девятого сентября. Безрассудный малый, этот самый Делчо ни в чем не знал удержу. Как будто взбеленился после победы, видите ли, в тени остался. Сколотил себе дружину из всякого сброда, бывших полицаев, и подался в горы. Проходит месяц, два, три — не могут их поймать. А они, озверев от безвыходного положения, уже начали грабить — ни дать ни взять, разбойники с большой дороги. Терять-то им было нечего, они хорошо понимали, что все пути назад заказаны. Делчо и до того слыл непутевым, водились за ним всякие темные делишки, а тут и вовсе пустился во все тяжкие. Он с дружками рыскали по дворам, резали овец и ягнят, лошадей воровать повадились, в общем, в двух словах всего не расскажешь.

— Дали мне оперативную группу и приказали обезвредить мародеров... Только уж ты, Марин, не вздумай об этом писать, не для газеты такое... Ну, двинулись мы по следу. Туда-сюда, один участок прочесываем, другой, до турецкой границы уже рукой подать. Кляну его, на чем свет стоит. Проворонили! И хоть желаю, чтобы убрался он куда подальше, все же готов себе локти кусать, что из-под носу уходит... Но шило, как известно, в мешке не утаишь, все-таки нашлись они в конце концов. Заскочили в один хуторок, потребовали снаряжения и харчей, коней сменили и — поминай как звали. Мы — вдогонку. А они снова будто сквозь землю провалились. Одни где-то их видели, другие врут, что видели, нарочно зубы заговаривают... Короче, два месяца, да нет, поболее мы охотились за ними. Не мы одни, понятно, многие пытались их выловить, ловушки расставляли. Но я хотел лично его поймать, в амбицию ударился. И вот однажды устроили мы привал на холмистом склоне, позевываю, кругом озираюсь и что, думаешь, вижу? Цигарку! И не какую-нибудь, самую настоящую самокрутку! Пососал кто-то малость и бросил. Повертел я в руках окурок, обследовал, махорка завернута в газету точь-в-точь как Делчо заворачивал. И газета из старых. Запасся, значит, язви его в бок. Стали мы спускаться по склону, окурки высматриваем. Так, от окурка к окурку и добрались до их бивака. Окружили их в кольцо, сдавайтесь, кричим. А они в ответ давай из ружей палить. Выждали мы еще немного, ан нет, молчат. Лопнуло мое терпение, а ну-ка, говорю, ребята, покажите им, таким-сяким, что не хуже их стреляете... В общем, изрешетили их тогда... Мировая акция!

Коев посмотрел на раскрасневшееся от возбуждения лицо Доки, на его руки, все еще сильные мужские руки, и невольно пожалел, что не был тогда с ними. Какую бы книгу мог „тиснуть“ о преследовании банды! Но ничего не поделаешь. Каждому, как говорится, свое...

— А я, Дока, — заговорил Коев, — сперва вроде без серьезного умысла заинтересовался тем случаем со Спасом и Петром. Ну и Старым...

Дока удивленно поднял глаза.

— Захотелось разобраться в мистерии с убийством парней. Уже успел кое с кем встретиться, поговорить. Вот и тебя разыскал. Думается мне, доберусь все же до истины. Такое предчувствие, будто нащупал кое-какие нити. Кроме того, тебе я могу признаться, мучает меня вина перед Старым. Мог бы в свое время вмешаться, похлопотать, однако ничего не предпринял.

— Хорошее ты дело затеял, — одобрительно сказал Дока. — Очень важно выяснить, как такое могло случиться.

Коев пересказал с кем и о чем он говорил, поделился своими сомнениями и догадками.

— В документах, что мы тогда нашли в полицейском управлении, да и во всех других не оказалось ничего, за что бы можно было ухватиться, — посетовал Дока. — Ты, конечно, помнишь, в каком они беспорядке были разбросаны в кабинете Шаламанова. У нас тогда сложилось такое впечатление, будто они второпях расшвыряли все как попало. Но ничего подобного. Позже выяснилось, что это представление с бумагами они продумали в тонкостях, до самых незначительных мелочей. Нам поначалу, по молодости лет, все было яснее ясно-

го, как дважды два — четыре. На поверку же вышло как в том анекдоте, что не всегда дважды два — четыре, судя по тому, даешь ты два раза по два или берешь. Даешь, так и трешкой обернуться может, а берешь, то и пятеркой. В общем, провели нас коварные шакалы, на удочку поймали, приманив парой заявлений, и пошли потом расследования, наказания.

— Хочешь сказать, пыль в глаза пустили, по ложному следу направили?

— Вот именно. Ловко от главного увели. Своих, мол, как следует трясите, там и предателя найдете. А мы и рады стараться, думая, что Спаса и Петра выдал человек, знакомый с инструкцией партии о массовизации партизанского движения, а такой может быть только среди своих. Лбы-то широкие, да мозгов не хватало...

— Потом и Старого исключили из партии...

— Да разве только его одного?.. Масса невинных людей пострадали. Взять хотя бы связного из центра. Он со Старым встречался. А потом как сквозь землю провалился. Видать, в канун Девятого взяли его, и с тех пор поминай как звали. Словно испарился.

— Мне довелось его видеть, — в задумчивости произнес Коев.

— А мне нет. — Дока подозвал официанта и попросил принести пачку сигарет БТ. — Так ни разу и не увидел, даже не знаю как выглядит. Да и знал ли его кто-нибудь еще, кроме Старого? Исчез человек, как земля его поглотила.

Вместе с сигаретами официант принес и ужин: салат из сладкого перца, отварной язык, жареное на решетке

мясо, и кувшин красного вина. Дока знал толк в еде. Как видно, был он здесь своим человеком, потому как официант подавал ему отменные блюда, ни о чем не спрашивая. Только посоветовал отведать парной печеночки, мол, сегодня подвезли. Дока уплетал за обе щеки. „Жителям провинции только дай поесть в свое удовольствие, — снисходительно подумал Коев, — ни тебе лишние калории, ни холестерин им не помеха".

— Я сейчас сам себе хозяин. Жена уехала в Софию, за внуками некому ходить. Дочка двойню родила, а она у нас неженка, не привыкла работать, — жуя приговаривал Дока.

Коев подкрепился, выпил вина, и впрямь отменного, и снова подхватил начатую тему о былых временах.

— Человек заглядывал к нам ненадолго, оставаясь в доме считанные минуты. Не раздевался, не присаживался. Перекинется с отцом парой слов и за дверь.

— Как он хоть выглядел? — поднял голову Дока, дожевывая кусок печенки.

— Всегда носил черную шляпу. Таким я его и запомнил. К тому же мама, когда заходила о нем речь, всякий раз вставляла: Человек в черной шляпе.

— А в лицо запомнил?

— Шляпу он нахлобучивал по самые глаза, лба не разглядеть, а вот помню пышные черные усы.

— А волосы? — продолжал интересоваться Дока, ни на минуту не откладывая вилки.

— Да кто его знает. Стоило ему появиться, как Старый выталкивал нас за дверь. Бегите, мол, займитесь чем-нибудь. Мы с сестрой, естественно, стремглав выскакивали во двор или бежали на улицу.

— Мы долго ломали себе голову, куда подевался этот человек, пока не пришли к выводу, что его убрала полиция, и концы в воду. Другого объяснения не нашлось. Враги ведь тоже чуяли, что скоро их власти конец, так зачем же разглашать о новых жертвах...

— Отчего же они сами не сбежали?

— Ума, видно, не хватило.

— Шаламанова судили. На заседании он клялся, что готов нам верно служить, точно так же, как служил царю. Похвалялся своей опытностью, которая якобы еще может нам пригодиться...

— До самого конца не переставал предлагать свои услуги, пока не привели приговор в исполнение. Даже доказательства давал.

— Какие? — затаил дыхание Коев.

— Не спешите, мол, меня жизни лишать, просил. Перед самой смертью я кое в чем разобрался. Грехи на мне тяжкие. Увидите, искуплю я их, еще и вам глаза открою, век меня благодарить будете. „Ты, что ли, — кидались мы на него, — собака, собираешься нам служить?!“ Били его прикладами, пока не вмешался бай Петко — нельзя, мол, заключенных бить, не положено. Поставили Шаламанова у выкопанной могилы, щетиной он зарос, на лице живого места нет, одни раны, скулит как пес. Выстрелили мы, а он стоит. Видать, руки у закаленных партизан дрожали, не так-то просто пристрелить связанного человека, иное дело в открытом бою... Как бы то ни было, упал все-таки. Цыган, выкопавший яму, вывернул ему карманы, нашел золотую табакерку. Я разошелся, цыгану затрещину

влепил, а табакерку в могилу бросил. От шелудивого пса и золота не надо...

— Может, он и вправду что-то знал...

— Наверное, мог бы многое поведать, да мы, куриные мозги... Что тогда стоило оттянуть исполнение приговора, никуда бы он от нас не делся. Да что толку задним числом волосы на себе рвать, кулаками себя в грудь бить, коли господь бог разумом не наградил.

Коев отпил из своего бокала. Терпкий вкус напитка напомнил ему домашнее вино Старого. Точно такое же, слегка терпкое, отдававшее бочонком...

— Я, Дока, — задумчиво произнес Коев, — сомневаюсь в Соломоне. Этот хитрец кое-что знает.

— Не кое-что, а многое знает. Только молчит, как рыба. И за решеткой сколько времени просидел, и потом в комитет его вызывали — ничего не вытянуть, только отнекивается. „Я, — заладил, — отбыл свой срок. Хватит с меня. Было да сплыло". Окончательно пропился, человеческий облик потерял, на свинью стал похож...

— Встретил я его неподалеку отсюда, на Старопланинской. Запуган до смерти. Говорить со мной не захотел.

— Гм. Тоже скажешь, запуган. Пьянчужка разнесчастный.

— Нет, нет... Шепнул, что хочет мне что-то сказать, но только, говорит, потом. А пока, не тронь меня. В другой раз...

— Не верю, не верю! — Дока нажимал на сочную печенку. — Хоть тресни, не верю. Он мерзавец! Пес продажный!

Коев покачал головой.

— Чего только не бывает на этом свете. Будь что будет, завтра схожу к нему все-таки.

— Валяй, хотя и без толку. В другом месте надо покопаться, а вот где — убей меня — ума не приложу...

Димо Докову никак не хотелось расставаться со своим закадычным другом, и после ресторанчика он затащил его в Военный клуб, где как раз отмечалось какое-то торжество. Они подоспели уже к танцам. Напрасно оглядывался Коев по сторонам в надежде увидеть знакомое лицо. В зале было полно молодых офицеров, в новеньком обмундировании, пышущих здоровьем и энергией, но когда Доков представил его, выяснилось, что знали его отца, читавшего им курс лекций по политэкономии. Умный был человек, повторяли собравшиеся, в совершенстве владел марксистской наукой, тонко разбирался в политике, смелые мысли высказывал. Один из офицеров средних лет сказал, что Старый помог ему разобраться в вопросах экономики, а до этого он многое не понимал. Старый заставил на все взглянуть иными глазами. „В экономике, — убеждал, — на одних эмоциях долго не продержишься. На „ура“ не возьмешь, заклинаниями ничего не добьешься. Экономика, — говорил, — развивается по своим законам, и законы эти железные“. Разъяснил мне механизм ценообразования, затруднения, связанные с экспортом наших товаров и множество других весьма смутных для меня вещей. Растолковал доступно, так что усвоил я все эти премудрости не хуже, чем „Отче наш“.

Неизгладимый след оставил Старый! Коев почувствовал себя полным ничтожеством по сравнению с ним.

Взять хотя бы этих офицеров: действительно, наслышаны о нем самом, статьи его в газетах читали, вот разговор ведут о Старом. Нет, не зависть пробуждало в Коеве такое отношение, он был далек от такого чувства. Просто вдруг осознал, что имеет весьма расплывчатое представление о себе самом. Пожалуй, слишком он возомнил о себе...

В гостинице его поджидал бай Наско.

— Товарищ Коев, вас разыскивает директор... Послал меня сказать, что они дожидаются вас в ресторане „Алый мак".

— Спасибо, бай Наско, Жаль, устал за день, отдохнуть охота. Передай товарищу директору, что завтра зайду.

— Как скажете, товарищ Коев, — поклонился шофер. — Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, бай Наско!

Когда он, выйдя из лифта, направился к „покоям", как называл Марин Коев свой гостиничный номер, то ощутил знакомый запах духов. Сначала он как-то не придал этому значение, но потом инстинктивно остановился, втянул приятный запах и оглядел длинный коридор. Что за шутки? Ведь это Анины духи! Такие знакомые, что стоило ему встретить женщину, надушенную теми же духами, как он начинал оглядываться в поисках жены. Коев подошел к двери, достал ключ и вдруг теплые руки закрыли ему глаза.

— Аня! — воскликнул он.

Если бы даже и не духи, он все равно узнал бы эти сильные руки.

— Узнал все-таки, а? — ликовала Аня. —Не забыл...

— Как же мне не узнать тебя? Да еще эти духи...

— Нарочно немного капнула на дорожку, — отпустила она его наконец, и они вошли в номер.

— Да ты тут устроился словно паша. Небось, и гаремом обзавелся. Ну-ка показывай! Женские волосы, забытая ночная рубашка, сейчас поищем.

Снимая легкое кожаное пальто, она острым взглядом окинула помещение.

— О, еще одна спалня! Кого ты там прячешь? — Аня открыла шкаф. — Странно, никого... Невероятно, но факт. Чтобы ты целых три дня выдержал без женщины... Одна ванная, вторая... Господи, почему мы не живем в таком комфорте!

Она торопливо раздевалась, оглядывая наметанным женским глазом обстановку. Стянула сапожки — все в движении, в темпе, не отвлекаясь.

— Подумать только, действительно никого не застала.

— Упустила. Тут прошлой ночью побывала одна красотка.

— Ничего, я тебя выведу на чистую воду, сейчас ты у меня узнаешь!

Аня с ходу бросилась на него, повалила на диван, растрепала волосы, осыпая страстными поцелуями.

— Лгунишка! И что я в тебе такого нашла? — Она поднялась и, достав сигарету, жадно затянулась.

Коев снял пиджак, расстегнул сорочку и уселся напротив. Чертовски хороша в свои почти тридцать лет,

никакого изъяна, подумал он. Красивое лицо, пестрые, искрящиеся глаза, все в меру — не худая, но и не полная, с мягкими, округлыми формами, в общем, то, что надо. Он не смог бы точно определить, что больше всего прельщало в ней, потому что она и как человек ему импонировала, понимая с полуслова, схватывая все на лету, готовая поступиться чем угодно ради него. Но все же неотвратимей всего как будто влекла ее всепобеждающая женственность. Аня не спекулировала своим равноправием, не злоупотребляла самостоятельностью, даже наоборот, с готовностью подчинялась ему. Конечно, не рабски, бывало, упрется иногда, так уже ни за что не отступит. И любила она его искренне и самозабвенно, без капли притворства и лукавства.

— Устроился тут в свое удовольствие, а я там майся одна. Высунув язык, несусь в агентство, как угорелая мчусь обратно, чего доброго, телефонный звонок упущу...

Марину Коеву не хотелось омрачать радость встречи, делясь своими тревогами, сомнениями, предположениями — тем, что занимало его все эти дни. Он только спросил, не проголодалась ли, но Аня ответила, что перекусила в поезде и что вообще не намерена терять драгоценное время на ужин, ведь наконец-то они вместе и совсем одни...

Резко зазвонил телефон.

— Ага, попался-таки голубчик! Посмотрим, что за краля тебя разыскивает, — прошипела Аня и лицо ее сразу сделалось злым. — Я подниму трубку.

И не успел Коев опомниться, как она уже осведомлялась, кто его спрашивает.

— Я не ошибся номером? — удивился мужской голос в трубке. — Мне нужен Марин Коев.

— Нет, не ошиблись... — разочарованно протянула Аня.

Коев взял трубку.

— Милен, ты?

— Что это за женский голос? Теперь понятно для чего тебе понадобилось оставаться. Ха-ха-ха! — смеялся друг. — И не вздумай праведника из себя строить!

Коев едва сумел вставить:

— Аня из Софии приехала.

— Аня? Ну так я вас поздравляю, — рокотал Милен. — Я послал за тобой бай Наско.

— Да, я его видел. Ничего, в другой раз...

— Понятно. Ну что-ж, приласкай свою женушку. А жаль, у нас тут теплая компания собралась. Но раз такое дело... Короче, жду вас завтра обоих на комбинате.

Аня буквально сверлила его глазами.

— Опять ты обвел меня вокруг пальца, думаешь, нашел дурочку...

— Аня, — обнял ее Коев, — успокойся. Иногда мне кажется, что ты просто мечтаешь застать меня с другой. Тебе отчего-то до зарезу хочется уличить меня в измене, доказать, что у меня есть другая...

— Другие, — поправила она.

— Какая разница, одна или две? Вбила себе в голову чушь и носишься с ней... Спишь и во сне с другой меня видишь...

— Дурачок, я же безумно тебя люблю!

— Но ведь и я тоже...

— Да ты сроду меня не ревновал.

— Это я-то?

— А то кто же?

— Да я ко всем тебя ревную. Даже к твоей работе, к письменному столу, на который ты кладешь свои руки, к стулу, на котором сидишь, к телефонной трубке, которую берешь, к платью, шляпке, к...

— Говори, говори, милый, — млела она в его объятиях, — так приятно тебя слушать...

— ...жизни без тебя не мыслю, не надышусь на тебя. Ни писать, ни связно говорить не умею, когда тебя нет рядом.

— Еще, еще, еще, — осыпала она его торопливыми поцелуями.

— Сам не знаю, болезнь это или любовь, но это так.

— Пускай болезнь! Самая неизлечимая! И чтоб вовек тебя не отпустила... — приникла она к нему, продолжая осыпать поцелуями...

Прав был мудрец, сказавший, что ссоры между влюбленными лишь подливают масла в огонь.

Марин Коев страстно и нежно любил эту женщину. С трепетом он смотрел, как срывает она одежды в полутемной комнате, предвкушая, как в беспамятстве замрет потом в его объятиях, заставив потерять всякое представление, где он и что с ним. Коев обожал ее тело, буйные волосы, разметавшиеся на подушке. Она завораживала исходящим от нее ароматом здоровья и силы, хотя была олицетворением нежности и хрупкости. Эластичная и гладкая кожа, пышная, упругая грудь, звонкий смех... Марин Коев покусывал ее маленькое ушко с сережкой, ласкал ее знойное тело; его опьяняли впившиеся в спину нежные пальцы, возбуждал томный сдав-

ленный шепот... Весь этот рай могла ему дать одна только Аня и никакая другая женщина в мире...

Склонный к одиночеству, Коев долго не решался жениться. Не раз у него бывали длительные связи, однако он неизменно разочаровывался, заранее зная, что до брака дело не дойдет. С Аней все получилось по-другому. Он каким-то особым чутьем угадал, что это именно та женщина, с которой ему суждено провести остаток жизни. Как-то раз одна знакомая, гадая на кофейной гуще, предсказала ему, что на этот раз он не сможет отделаться от брюнетки. Он довольно засмеялся. О женитьбе никто тогда даже и не заикался. Он был уверен, что Аню этот вопрос серьезно не занимает, в противном случае она с присущей ей прямотой и упорством давно бы женила его на себе...

Нежась в Аниных объятиях, Коев подумал, что Аня — единственная женщина, которая своими ласками способна заставить его забыть все заботы и тревоги, безраздельно подчинить себе. „Пусть, — молил он, — пусть будет так, пусть я забуду обо всем на свете". Потом, когда они в блаженном изнеможении приходили в себя, Коев поведал Ане о всех событиях последних дней. Рассказывал обстоятельно, подробно. Аня вся превратилась в слух и, опершись на локоть, буквально пожирала его глазами, удивленно качая головой. „Так неправдоподобно, будто криминальный роман читаешь. Ты обязательно должен распутать этот тугой клубок, Марин! Ты уж не сердись за мою дурацкую ревность... Господи, да я тебе безоговорочно верю. Клянусь!" Коев

продолжал рассказывать ей, выстраивая соображения и тут же сам себя оспаривая. Действительно, давно пора положить конец всем заключениям, внести ясность, расставить все на свои места. Как же тяжела его вина перед Старым! Огромная, непоправимая вина... Так кому же, как не ему, сыну, нужно восстановить доброе имя отца?

Он уже засыпал, когда Аня сказала, что приехала только повидаться и пятичасовым уезжает обратно.

— Что за спешка? — удивился он.

— Милый, — поднялась она, — никак не могу остаться. Ты же знаешь мою работу. В десять оперативка, а я даже никого не предупредила.

— Но я могу позвонить...

— Нет, нет! Мне надо лично присутствовать. Работы сейчас по горло, нельзя мне прохлаждаться.

Коев как-то сразу сник, хотя тут же подумал, что будь он на ее месте — поступил бы точно так же.

Полусонный, он отправился в ванную, умылся и стал одеваться. Перед выходом они выпили по глотку кофе, которое Аня привезла в крохотном термосе. Дежурный администратор не смогла сдержать любопытство:

— Уезжаете?

— Я остаюсь.

Улочку, ведущую на вокзал, заволокло густым молочным туманом. Влага холодила им лица.

Они миновали Военный клуб, булочную и закусочную, где официанты накрывали столики к приходу ранних посетителей, пересекли старую площадь и очутились перед вокзалом. Меньше пяти минут ходу! Коев

жадно впитывал тишину и покой маленького городка. Иногда измотанный журналистской суетой, еле успевающий с одного совещания на другое, глохнущий от отупляющего шума трамваев и потока машин, он лелеял мечту об одной-единственной неделе отдыха в тишине и покое. Но эта вожделенная неделя по-прежнему оставалась лишь мечтой...

Выйдя на перрон, Аня и Марин издали уловили шум приближающегося поезда, который стоял здесь всего две минуты. Наконец белесое масиво прорезали два пучка света.

— А ведь знаешь, этот самый Ш. жив, — вдруг промолвила Аня.

Коев вздрогнул от неожиданности.

— Что, что?

— Жив этот... Ш., — раздельно повторила она. — Жив. Прошу тебя, будь осторожен! — прокричала она ему в самое ухо, потому что перестук колес заглушал ее голос.

— Надо же... Агата Кристи!

Поезд остановился.

— Вот мой вагон.

— Да, — машинально отозвался Коев. — Жаль, что уезжаешь...

— До чего ж ты недогадлив! Я, конечно, могу остаться, но чувствую, что тебе нужно побыть одному. Я только буду мешать. Выдастся свободная минутка, позвони. А не позвонишь, тоже не обижусь...

Поезд тронулся. Коев некоторое время бежал за вагоном. Аня махала из окна...

Вернувшись с вокзала в гостиницу, Коев завалился спать. Проснулся он поздно. Первое, что увидел, — яркое солнце, светившее в окно. Туман рассеялся так же внезапно, как и опустился. Комната выглядела совсем обыденно, словно и не было чудесной ночи, жарких поцелуев Ани, уходящего поезда. Лишь слабый запах духов витал в спальне, убеждая Коева в реальности происшедшего, в том, что это был не сон...

Ш. жив! — вспомнил он слова Ани.

Улица перед гостиницей напоминала веселую быструю речку: пестрели рекламы в витринах, спешили люди, мчались автомобили. Улица была торговой — универмаг, несколько гастрономов, магазины тканей, галантереи и скобяных товаров. У фонтана били копытами по мраморной мостовой две лошадки, запряженные в старомодный фаэтон. Украшенные лентами, цепочками и колокольцами, они будто дожидались киносъемки. Дед Пенчо, в прошлом участник конных состязаний и страстный любитель лошадей, был знаком с Коевым и не раз приглашал покататься в своей живописной коляске, как он называл свой фаэтон. Вот и на этот раз, завидев Марина, он крикнул ему: „Оставь ты бай Наско — эту старую калошу, садись, покатаю...“ Коев засмеялся, на секунду представив себе, как он с форсом катит по городу в фаэтоне. Нет уж, только этого ему не хватало...

Бай Наско, главный конкурент деда Пенчо, ждал в машине за гостиницей. Он, конечно, слышал издевки своего соперника, однако промолчал, лишь бросив на него высокомерный взгляд. Коев подумал, что шофера прислал за ним Милен, и подошел к машине.

— Ты за мной, бай Наско? — поздоровавшись, осведомился он.

— Нет, нет! — вздрогнул тот. — Прибыли текстильщики из Англии, так я их на комбинат отвезу.

— Отлично, привет от меня товарищу директору.

Приметив иностранцев, выходивших из гостиницы, бай Наско завел мотор.

На горизонте, отчетливо выделяясь на фоне ясного неба, высился Старопланинский кряж. Скинув с себя туманное покрывало, он словно бы спустился вниз, поближе к городку. Среди красных черепичных кровель, отсвечивающих на солнце, Коев безошибочно выделил красивый особняк со свежевыкрашенным фасадом, где помещалось управление Министерства внутренних дел. Дальше виднелась гимназия, а за ней уже можно было угадать площадь... Когда-то там устраивались весенние ярмарки. Играла музыка, высоко взлетали в воздух качели, стоял шатер цирка „Добрич“, гремели выстрелы в тире. Из паноптикума выбиралась стодвадцатикилограммовая госпожа Фанка и писклывым голосочком зазывала посетителей посмотреть на невиданные чудеса: теленка о двух головах, человеческие органы в склянке, препарированного крокодила, картинки и снимки с изображением извержения Везувия и покорения Килиманджаро... А на базарной площади устраивались гулянья. Сколько раз они удирали с уроков, не в силах устоять против соблазна покачаться на качелях, подивиться паноптикуму, покружиться в хороводе. Отчего же сейчас люди разучились радоваться?

Марин Коев постоял на площади, охваченный чувством ностальгии по прошлому. Вспомнилось, что ему са-

мому не раз доводилось участвовать в ярмарках, играя в гимназическом духовом оркестре, — дирижировал отец. Мелодии, сочиненные бай Дико, были веселые и стремительные, с еле уловимой меланхолической ноткой. Что за дивные звуки издавала его труба, с каким упоением дул он в нее, чувствуя как в такт мелодии ходуном ходят руки и ноги, все тело неудержимо рвется в пляс. Неужто такими старосветскими кажутся нынче народные гулянья, что редко кто заводит веселые хороводы?

Начальник районного управления МВД, подполковник Жельо Пенев, принял Коева в своем рабочем кабинете — светлом и опрятном помещении, каким не мог похвастаться Коев в Софии, будучи главным редактором ежедневной газеты. Как будто он попал не в милицию, а в сверкающую чистотой больницу. В первый момент журналист даже было подумал, что вся эта обстановка плохо вяжется с Пантерой, его грубоватыми чертами, тяжелой поступью. Но вглядевшись, уверился в обратном: атмосфера самая что ни на есть подходящая, и его друг молодости чувствует себя в ней как рыба в воде. И телефон, и карандашница с остро заточенными карандашами, и блокнот, и статуэтка Ленина, наверняка привезенная из Советского Союза, и портрет Васила Левского в скромной рамке воспринимались как нечто единое и неделимое. Насколько Марин знал, с портретом Левского Пантера не расставался даже в партизанском отряде...

— Значит, это и есть твой „Ке-дез-Орфевр“? — засмеялся Коев.

— Только часть его, — добродушно ответил Пантера.

— У тебя тут уютно, молодец!

— Я ждал тебя вчера. Присаживайся.

— Вчера у меня было несколько других встреч, — начал оправдываться Коев.

— Эли! — позвал полковник секретаршу. — Свари-ка нам кофе, сама знаешь, как.

— Разумеется, товарищ начальник, — улыбнулась девушка и вышла. Улыбка у нее была красивой.

— Вот что значит быть большим начальником!

— Да уж куда там! Будто не знаем, что вы там в столице шагу без кофе ступить не можете... Так о чем ты говорил с нашими местными тузами?

— О многом.

— И гостья у тебя была...

— Вы что, следите за мной? — засмеялся Коев.

— Весь городок как на ладони, Марин. Справился насчет тебя у дежурной администраторши, она мне и доложила, что у тебя ночевала особа женского пола, которую ты выпроводил с утра пораньше.

Коев во весь голос расхохотался.

— Аня приезжала. О других встречах ты тоже, надеюсь, проинформирован?

— А ты как думал? Знаю, что с Вельо, с Докой успел повидаться...

— Нет, кроме шуток, я что — под надзором, что ли?

— Ничего удивительного! Они сами мне позвонили.

— Жалко, я думал, ты скажешь, что сунул мне в карман подслушивающее устройство...

— Эх ты, интеллигент паршивый! Стал бы я деньги

на ветер бросать. Таких, как ты, подслушивать...

— Да уж, не на всякого потратитесь...

— Но ради тебя, почетного гостя, не поскупился бы, а? И не подумаем, будь спокоен!

Секретарша принесла две чашечки ароматного кофе. Коев с благодарностью принял чашечку из рук девушки.

— А вот вам и водички холодненькой! — Секретарша поставила перед каждым запотевший стакан.

— Дочка одного из наших сотрудников. Погиб на границе, — перехватил Пантера внимательный взгляд Коева.

— Когда?

— Год назад. Ты что ж, думаешь, в наше время без жертв обходится?

Коеву вспомнилось недавнее посещение границы. Один его близкий друг, командир пограничной части, пригласил на дикого кабана. Коев не был гурманом, но при мысли о возможности познакомиться с интересными людьми, бывалыми пограничниками, загорелся и вечером отправился на заставу. Приехал уже в сумерках. Из-за пригорка вынырнули две фигуры в маскировочных халатах. Проверка документов. Посветили фонариками, осмотрели машину. Он сообщил куда едет. Его пропустили, предупредив, что по пути остановят еще два-три раза, потому что объявлена боевая тревога. Командир заставы куда-то отлучился, попросив дежурного принять гостя. Дежурный пригласил Коева в караульное помещение, дал пачку газет... Спустя час из соседней комнаты донесся голос дежурного офицера. Отрывистые „да“, „нет“, „слушаюсь“, „есть“ мало что говорят штатскому человеку, но тем не менее у Коева

появилось тревожное предчувствие беды. Дежурный подтвердил, что товарищ Коев ждет. Спустя минуту он заглянул в комнату и передал приказ начальника доставить Коева к нему... Они поехали на джипе петляющей горной тропой. Проехав десяток километров, джип остановился у барака, построенного в выемке скалы. О причинах поднятой тревоги Коев уже был осведомлен. Оказалось, что какой-то солдат из соседней части схватил автомат, сел в грузовик и погнал его к границе. Всю заставу подняли по тревоге...

Эта история всплыла, когда Пантера сказал про отца секретарши. „Как мог погибнуть отец девушки, почти ребенка, в наше мирное время?" — вертелось у него в голове, однако расспрашивать он не посмел. Только заметил:

— Ничего подобного не доводилось читать.

— И не прочтешь. Это один из тех случаев, которые в газету не попадают.

Они снова заговорили о гибели Петра и Спаса. Подполковник внимательно выслушал рассказ Коева о его встречах с Вельо и Докой, заинтересовался и репликой Ани о том, что Ш. жив...

— Ты всю королевскую рать впряг в свою повозку.

— Не то ее не сдвинешь с места, — не остался в долгу Коев.

Обсудили кое-какие подробности, и Пантера вспомнил о материалах, связанных с убийством.

— Знаешь что, дам я тебе эту папку. Покопаешься на досуге, умом пораскинешь.

Коев с готовностью согласился.

— Пойдем в кабинет моего заместителя по ГАИ, он как раз в отпуску.

Рабочая комната заместителя была увешана диаграммами и плакатами, наглядно демонстрирующими правила движения моторизованного транспорта. Окинув их беглым взглядом, Коев уселся за стол и сразу весь ушел в пожелтевшие страницы. Надпись на папке гласила:

Дело №
По расследованию убийства
двух подпольщиков: Петра Иванова —
— по кличке Орел и Спаса Петрова —
— по кличке Моряк, совершенном
14 марта 1943 года.

Коев выписал номер дела и углубился в чтение.

На первой странице шли показания полицейских агентов. „Двое коммунистов собирались бежать в лес к партизанам, при поимке оказали сопротивление, а господин начальник лично...“ „Безграмотные простофили, — подумал Коев, — неучи, дубины стоеросовые служили в околийском участке. Не буквы — сплошь закорючки выводил Шаламанов, одна подпись чего стоит, так и прет самонадеянностью...“ Коев напрягал память, вспоминая лекции по графологии, как можно истолковать такую заковыристо написанную фамилию? Дипломатичностью? Скрытностью? Вряд ли. Шаламанов проявил себя жестоким хитрюгой, коварным фашистским прихвостнем, дипломатичностью здесь и не пахнет... Дальше следовали казенные протоколы, заключение о смерти Петра и Спаса. Больше ничего. Однако

внимание Коева привлекли красные цифры в верхнем правом углу последней страницы — третья и четвертая страницы отсутствовали. Надо же, какая досада. Коев снова принялся листать тощую папочку. Следствие велось уже после победы. Он перечитал свидетельские показания Ангела Бочева, Доки, Петра Дянкова, Вельо... А почему Старого не допрашивали? Он снова перелистал — сомнений не оставалось, Старый нигде не упоминался. Невероятно! Как могли обойти человека, ближе всех стоявшего к Петру и Спасу?! Коев пошел в соседнюю комнату.

— Я не вижу здесь показаний Старого. Разве его не допрашивали?

— Должны быть. Как так не допрашивали? Допросили и Старого.

— В деле ничего нет.

Пантера порылся в папке.

— Действительно нет. Сейчас спрошу Колева. Алло! Колева мне. Колев? Почему в деле Спаса и Петра отсутствуют свидетельские показания Ивана Коева... Да, Старого. В городском, говоришь? Понятно.

Коев напряженно слушал.

— Ну что?

— Когда обсуждали тот поступок Старого в горкоме партии, кто-то заинтересовался его показаниями, затребовал их, ему и отдали. Я-то точно знаю, что они лежали в папке.

— А ты не помнишь, как отец излагал случившееся?

Подполковник задумался.

— Приблизительно помню. Он вкратце описывал, как организовал встречу подпольщиков с партизанами,

однако полиции стало об этом известно, и была устроена засада. В перестрелке парни погибли.

— И все?

— Да нет, не все. Старый высказывал какие-то смутные догадки, сомнения...

— В том-то и дело.

— Но подробностей я не помню, хоть убей.

Пантера пожал плечами:

— Столько времени прошло. Если бы только это на мою голову свалилось...

Коев оживился.

— Давай, напряги свою память, браток.

— В ком-то он усомнился, но отказался назвать имя, пока окончательно не уверится в своей правоте. Боялся понапрасну очернить невинного... Может, он изложил это письменно, а может, сказал мне устно, не могу ручаться...

— Но по времени его показания совпадают с исключением из партии?

— Совпадают.

— Значит, вы, недолго думая, исключили его, а он, вместо того, чтобы спасать себя, боится оговорить кого-то другого... Эх, Пантера!

Начальник покачал головой.

— Что толку оправдываться? Исключая Старого, мы формально поступили правильно. Зато другим, человеческим законом совести пренебрегли...

Оба умолкли. По улице шел школьный духовой оркестр, и маршевая мелодия вернула их в далекие годы детства, когда этой музыкой дирижировал их учитель. Теперь его не было в живых — оболганный, он умер,

оставив их раздумывать о несправедливых поворотах судьбы...

Коев встал.

— Как ты думаешь, выдадут мне в горкоме показания Старого?

— Почему бы и нет? Эли!

Вошла секретарша.

— Вот номер дела, запиши себе. Пусть Кынчев пороется в архивах. В деле бай Ивана Коева имеются его показания об убийстве Спаса и Петра...

— Орла и Моряка?

— Да, обоих.

— Документы вам передать?

— Возьми их и, если меня не будет, оставь на столе.

— Хорошо, товарищ начальник.

Девушка вышла. Коев вернулся в кабинет заместителя Пантеры и просидел там до обеденного перерыва. Он по несколько раз перечитывал одно и то же, но ничего нового не открыл. Заглянув в кабинет подполковника, увидел, что того нет на месте. Коев отправился в гостиницу, перехватил в буфете на скорую руку и поднялся к себе в номер. Решив привести в порядок свои записи, Коев разложил на столе листы с пометами и сразу увидел, что их до обидного мало. В сущности, он не подвинулся ни на йоту. Для установления истины не хватало чрезвычайно важного звена, а без него невозможно было составить целостную картину, она распадалась на куски. Но где, где найти недостающую часть?

Позвонил Милен, спросил где запропастился Коев. Сказал, что зайдет на пару минут, выпьют хоть по чашечке кофе. Они встретились у входа, зашли в новый

бар и заказали себе кофе с коньяком. Возбужденный Милен рассказал Коеву, что ему позвонил министр и сказал, что наконец-то отпущена валюта на покупку наушников для станочниц. А то ведь в пору оглохнуть от грохота. Шутка ли, восемь часов кряду вытерпеть в таком адском шуме...

Поговорив немного, они распрощались. Милену нужно было ехать в окружной центр, а Коев собирался наведаться в родительский дом...

Город его детства теперь показался ему еще меньше, чем был в действительности. До всего рукой подать: здание Общинного совета, Дом партии, Профсоюзный дом, библиотека, городской парк, техникум, больница, река с перекинутым через нее железным мостом, пожарная часть и за ней пустырь.

Улицы, хотя и выровненные, и расширенные, все равно были узкими. Ни многоэтажные корпуса, ни новый микрорайон, раскинувшийся на восточной окраине, не внесли существенных изменений в облик города. Ничто, казалось, не в состоянии нарушить его провинциально-благостный покой и размеренный ритм жизни...

А вот и их улочка с вишнями. Старые дома снесли, понастроили новых, блочных. С трудом отыскав между ними проход, Коев буквально уткнулся в сохранившуюся ограду. Запустением веяло от сада с пожухлыми персиковыми деревьями, стлались по земле высохшие стебли фасоли и помидоров, одиноко торчали кусты хризантем, некогда наполнявших их дом терпким ароматом.

Долго стоял Коев в опустевшем дворе, пытаясь ра-

зобраться в сложной гамме охвативших его противоречивых чувств, что это было? Далекое воспоминание детства или ощущение непреодолимой пропасти, пролегшей между настоящим и прошлым? Трудно найти ответ. Но в одном только он не сомневался: та радость и чувство приподнятости, с которым он приехал сюда всего лишь несколько дней назад, исчезли.

В сущности, разве это он, разве он не изменился? Коеву вспомнились жаркие летние дни, пыльные окраинные улочки, по которым тянулись цыганские кибитки, сам городок, изнывавший под лучами нещадного солнца, насквозь пропыленный, выгоревший дотла? Живо всколыхнулись в сознании сбор винограда, слив — их расщепляли надвое и сушили в тени; заготовка дров на зиму — их везли из Остеново; первые осенние туманы, белая изморозь на траве... Жизнь казалась Марину прекрасной, энергия била в нем ключом, лазил по деревьям не хуже белки... Позже увлекся музыкой, писательством, пережил драму первой любви...

Сравнивая себя с тем подростком, затем юношей, Коев с грустью отметил, что теперь он — известный публицист, главный редактор софийской газеты, народный деятель культуры и прочее и прочее, невообразимо отдалился от того, изначального. Куда же все исчезло? Будто его подменили... Даже внешне он страшно изменился — высокие залысины, поредевшие волосы, борода с проседью. Уж много лет он избегал смотреться в зеркало. Видел себя старым, обрюзгшим и непривлекательным, хотя Ане он нравился именно как мужчина. Она так и говорила: „Из всех моих знакомых только ты один настоящий мужчина...“ Коев обошел комнаты. Од-

нако его сразу же потянуло прочь, в гостиницу, захотелось очутиться среди друзей. Словно никогда и не жил он здесь, в этом доме, в этом дворе...

Что за ерунда лезет в голову, даже возмутился Коев. Как так, не жил? Разве не лазил он по этому почти высохшему кизиловому дереву? Не карабкался на орех, все еще могучий и развесистый? Не сиживал вон у того окна, делая домашнее задание, решая задачи и теоремы, из которых ровным счетом ничего не запомнил? Разве не жили здесь его мать, крупная, костлявая женщина со строгим, волевым лицом, и отец — мудрый и настрадавшийся человек, Старый, как его называли... Старый...

Марин хорошо знал своего отца. Не потому, что был ему сыном и не потому, что они долго жили вместе. Наоборот, он слишком рано покинул родителей, учительствовавших в богом забытом Остенове. Марин расстался с ними, как только поступил в прогимназию. Потом он окончил гимназию, поехал учиться в столицу. Нет, недолго прожил он под крылом Старого, но была между ними духовная близость. Стоило Марину очутиться в деревне или Старому наведаться в город, достаточно было посидеть рядышком под виноградной лозой или сходить на прогулку в горы, чтобы вновь с небывалой остротой испытать те незабываемые минуты откровения и просветления, которые Коев всю жизнь хранил в своем сердце как нечто самое сокровенное. О чем они разговаривали? Проще сказать, о чем они только не говорили! И сейчас, восстанавливая по крохам, разрозненным обрывкам отцовские мысли, он

вдруг понял, что душевный склад Старого сильно отличался от внутреннего мира остальных его знакомых. Коев где-то вычитал, что каждый по рождению тяготеет к определенному виду животных или птиц. Одни привязываются к собакам, другие к кошкам, третьи — к пернатым или рыбам. Старый не принадлежал ни к одной из упомянутых категорий. Правда, он испытывал слабость к овчаркам, приводившим его в восторг, с нескрываемым восхищением относился к пограничным ищейкам. Однако брать животное в дом не позволял, не для того, дескать, создана собака, чтобы чью-то руку лизать, к достойному животному и относиться надобно по-достойному, а не делать из него слугу... Кошек же не выносил, считал, что место кошки в погребе, мышей ловить! Птиц не держал тоже. По соседству с ними жили голубятники и охотники до других пернатых, а Старому были чужды подобные увлечения, он твердо был убежден, что птицам нужно летать, уткам-гусям плавать. Однажды Марин нашел в траве махонькую перепелку. Он посадил ее в корзинку и стал выхаживать. Птенчик вырос, научился взлетать. И хотя никуда не улетал, Марин натянул поверх корзины сетку. Как рассердился тогда Старый! Зачем, спрашивается, пташку подобрал? Ей летать положено, а не в корзине жить! Как только перепелка окрепла, Марин отнес ее на холм и выпустил на свободу. Взгляды и принципы Старого относительно жизни и всего сущего на земле Коев принимал с интересом, что ему не мешало, однако, зачастую ввязываться в перепалки. Но спустя десятилетия, сквозь дымку времени ему все же открылись истинные пристрастия Старого. Не к собаке, птице или рыбе. По-

настоящему поклонялся он только растительному царству. Он любил говорить, что каждое растение образовано из клеток, живых клеток. Люди состоят из тех же молекул, что и дерево. Они так же реагируют, размножаются. Память запечатлела болезненную жалость Старого к каждому увядшему стебельку. Цветов он никогда не разводил, но засохшее растение непременно поливал, пробирая виновных, оставивших травинку погибать на глазах.

Как-то он приметил на косогоре сосенку, совсем крохотную, с вершок. Старый склонился над ней, потрогал иголки, принес брошенную кем-то бутылочную тыкву, раздобыл воду и полил сосенку. Марин тогда упрекнул его, что не дал ему ухаживать за перепелкой, на съедение лисицам оставил, а для захиревшей сосенки воду таскает. „Будь у нее ноги, сама бы напилась, — ответил тогда Старый. — Беззащитное дитя природы. Случайным ветром занесло сюда семя, оно и проросло. Почва тут больно сухая, пособишь ей чуток, растение и пустит корень, ухватится за землю, уцелеет...“ Марин тогда долго подозревал, что Старый тайком от всех ходит на холм поливать сосенку.

Наверное, бытует и такое увлечение — к растительному миру. Просто об этом хобби забывают упомянуть наряду с другими.

Коев прошелся по двору. Цветов, которые сажала когда-то мать, как не бывало. Коев почувствовал горечь. Даже шевельнулось сожаление, что он занялся этим безнадежным расследованием. Разве можно что-либо изменить? Старого из мертвых не воскресишь. Драма почти забыта. Тем более, никто открыто его не обвиняет, наоборот, по сей день не перестают восхва-

лять. Вспомнился случай, когда отцовский ученик выучил стихотворение Ботева „Борьба“ и, не спросясь учителя, продекламировал его на какой-то вечеринке в присутствии инспектора, фининспектора, старосты и попа. Тогда это было сродни разорвавшейся бомбе. На следующий день вызвали учителя в управу, чтобы установить, кто надоумил ребенка выступить с таким бунтарским призывом. Старому ничего не стоило выкрутиться, сказать, что школьник самовольно выбрал это стихотворение... Парнишка же был сыном коммунистов, своим поступком ставил под удар родителей — отца в свое время чуть не доконали в полиции, и, скажи ребенок правду (а присутствующие только того и дожидались), никому бы не сдобровать. И Старый без колебании взял вину на себя, он, мол, научил мальчишку нескольким ботевским стихам... Ему тогда крепко досталось, даже уволить грозились, но Старый стоял на своем: один только я кругом виноват, с меня и спрашивайте...

Однажды повстречался Марину крестьянин из Остеново. Слово за слово, завязался разговор. Оказалось, что когда-то у Старого служил в Асеновграде. Капитану Ивану Коеву выделили тогда роту запасников для охраны моста. Даже простой служивый смекнул, что не по чину капитану мост стеречь, знать, нарочно его к черту на кулички выпроваживают, поди, в немилости он. „Не сказать, чтобы служба в тягость была, но прошел месяц, другой, а их все держат. Невмоготу стало солдатам, домой охота. Да и местность кругом дикая. Окрест ни села, ни города. Так допекло, что с десяток

запасников взбунтовались. Сговорились самовольно дать деру. Капитана Коева как раз по службе куда-то востребовали. Вернулся он к вечеру и как узнал, что за номер ему выкинули, за голову схватился. Заохал, что не успеют солдаты оглянуться, как их сцапают. Так оно и вышло. Привезли их в роту. Стоят ни живы, ни мертвы. Шутка ли сказать — за дезертирство в военное время — пулю в лоб без суда. Завидев их, отец как раскричится: „Какого черта, вы вернулись ни с чем? Вам что было приказано делать?“ Беглецы глаза вытаращили, переглядываются, на патрульных, что их словили, тоже столбняк напал. „Господин капитан, — спрашивают, — куда вы их посылали?“ „Я им покажу кузькину мать, так сразу вспомнят, за чем посылал! — надсаживался капитан. — Всех под арест!“ Когда их увели, он собрал патруль, повел их в столовку, хотя, что за столовка — так, одно название, правда кое-что из еды можно было раздобыть. Там он угостил их честь по чести и растолковал, что к чему: послал, мол, дураков в разведку, слухи до меня дошли, будто типы подозрительные поблизости слоняются. А ну, как шпионы, думаю. Наказал: любой ценой, хоть на брюхе ползи, но разузнай, что да как. А эти обалдуи разнесчастные, возьми да на вас наткнись... „Так они ж нам ничего такого не объяснили“, — удивились патрульные. „Правильно сделали, раз приказано держать язык за зубами“, — рассеял их недоумение капитан. Когда все разошлись, капитан пошел в арестантскую и задал им трепку. А те ему бух в ноги: „Господин капитан, — говорят, — что хочешь с нами сделай — хоть убей, хоть на куски режь, но мы теперь

за тебя и в огонь, и в воду, спаситель ты наш..." Вот такой человек был отец...

Марин сидел во дворе того же самого дома, где родился Старый, где прошли его детство и отрочество. Отсюда он ушел на фронт в те мятежные годы. Разыскивая его в двацать третьем году, после разгрома антифашистского восстания, перевернули все в доме вверх дном. А он в это время скрывался в окрестных селах. Вернулся, когда была объявлена амнистия, обросший и огрубелый, в грубошерстной домотканой одежде, с торбой за спиной. С тех времен сохранился снимок, с которого пристально смотрит бородатый мужчина в грубошерстной домотканой одежде...

С кем близко знался в те годы Старый? С кем встречался в родном городе и столице, куда не раз ездил на медицинский осмотр? Коеву сейчас трудно было припомнить, да и Старый не отличался словоохотливостью. Марину на миг показалось, что круг возле отца замкнулся, а сам он движется по кругу, будто куда-то летит, но куда? Куда влечет его жребий? Подобное состояние он не раз испытывал во время боевых вылетов, когда служил в военно-воздушных силах. Для тех, кто смотрит со стороны, условия полета на военном самолете мало чем отличаются от условий, скажем, на пассажирском лайнере или даже учебном самолете. Для Коева же, имевшего на своем счету не один, не два, а сотни вылетов, разница была колоссальной. Точно так же, как и несхожесть прежних навигационных аппаратов и нынешнего первоклассного технического оснащения. Вряд ли кто-то отдает себе отчет в том, что сейчас пи-

лот, фактически, полностью изолирован от внешней среды. У него всегда перед глазами показания приборов на щитке, и он лишь управляет этими приборами, не видя ни неба, ни облаков. Невольно возникает вопрос, в чем, собственно, заключаются обязанности пилота при столь высокой степени автоматизации, обеспечивающей своевременный взлет и посадку машины? К тому же, за редчайшим исключением, слаженность работы механизмов надежно гарантируется дополнительной двойной-тройной подстраховкой, системами, способными вывести самолет из любого затруднительного положения, исправить допущенную оплошность...

Так на что же ему уповать? Ведь и он, подобно самолету, берет курс на вслепую, хотя желанная цель все так же невидима. Она есть, существует где-то рядом, не хватает лишь спасительного просвета, чтобы увидеть ее, чтобы в нужную минуту, идя на посадку, точно попасть на светлую полосу твердой почвы. Вот такого просвета и не было, и без него недолго и сбиться с курса, потеряться, ибо когда-то оставленные следы давным-давно стерлись, заросли чертополохом и свежей травой, надежно упрятав под собой голубую взлетную полосу...

— Товарищ Коев, — донесся с улицы голос шофера „Волги“, — а я вас разыскиваю, в гостиницу за вами заезжал...

— В чем дело, бай Наско?

— Товарищ директор велел заехать за вами вечером.

— Опять куда-то повезет, — прошелся по адресу друга Коев.

— Как будто в трактир, рыбки отведать. Иностранцы заявились, так теперь...

— Уж не знаю, смогу ли, — нерешительно сказал Коев, — но обязательно позвоню. Директор на комбинате?

— Там. До самого вечера, сказал, пробудет.

Шофер отошел от ограды, и Коеву снова показалось, что он слегка пьян. Походка его была неуверенной. Завел мотор и нервно рванул с места...

Коев сорвал несколько плодов со старой смоковницы. До чего ж живуча! Сколько раз обжигал ее мороз, засыхала, но вновь выбивались у корня росточки, а года через два-три опять раскидывались ветви молодой кроны. Коев пожевал мягкий, слегка привяленный инжир, сохранивший недавний вкус, под зубами похрустывали зернышки. „Отчего же нам, подобно смокве, не дано перерождаться?" — шутил когда-то Старый. „Как так, не дано? — откликался сын. — Ты же знаешь, многие верят в перерождение. Целые религии на этом держатся..." „Да, держатся, проповедуют, — отвечал Старый, — но на одной проповеди далеко не уедешь. Тьма тьмущая народу на тот свет угодила, хоть бы один вернулся. Нет, назад ходу нет. Никому не отпущено второй жизни, Марин. Никому".

Сейчас Марину страстно захотелось, чтобы перерождение было явно — пусть рядом окажется отец, пусть из горенки выглянет мать, пусть вновь оживут добрые, дорогие сердцу люди...

С тяжелым сердцем покидал Марин Коев родной дом. По улице шли люди, на тротуарах резвились ребя-

тишки, — но он здесь никого не знал... Коев брел, не разбирая дороги. Свернул к реке, заглянул в читальню, где репетировала Ненка, обогнул Профсоюзный дом, где было ателье фотографа, холм, где располагался склад Доки, и снова очутился в старой Вароше. Подумалось о Соломоне. Что старик собирался ему сказать? Кем он так запуган? В ушах явственно раздался отзвук шагов преследователя. Неужели опять галлюцинация? Нет, за кем-то действительно охотились. За ним? Или за Соломоном?

Из одного домика вышел крупный мужчина. Мельком взглянув на Коева, он прошел мимо, но что-то заставило его остановиться и обернуться назад.

— Марин, ты ли это?

Марин обернулся, но человек не был ему знаком. Увидев его смущение, мужчина сам поспешил навстречу.

— Это же я, Койчо! Ну Койчо Минчев!

— Надо же, Койчо! Сколько же лет мы с тобой не виделись?

— Да годков тридцать, пожалуй.

Его широкое лицо светилось добродушием. Коев припомнил, что когда-то они были соседями.

— Сначала было подумал, что обознался. Что может делать Марин Коев среди здешних развалюх? А пригляделся как следует, вижу — он, он самый и есть... — тряс Койчо руку Марину.

До Коева доходили слухи, что Койчо Минчев учился в Варненском мореходном училище, а после окончания объездил много стран. Теперь, вероятно, на пенсии. Койчо с готовностью подтвердил правильность слухов.

Рассказал, как он закончил мореходку, как плавал на судне в Африку и Индию, перевозил разные товары на Кубу.

— А потом снова потянуло на родину. Тихо, спокойно, никто не беспокоит.

— Наверное, не работаешь?

— Нет, почему же, — возразил бывший моряк. — Задали мне тут задачку...

— Военные?

— Да нет. Стена водоема дала трещину. Так вместе с водолазами из Варны обследуем весь бетон.

— Моряк всегда моряк, а?

— Знаешь, интересная работка. С тех пор как приставили меня к этому делу, жить стало веселей. Уже несколько раз с ребятами на дно спускался. Темень, хоть глаз выколи. А посветишь фонариком, такое увидишь... Не говорю о рыбах. Иной старый откормленный лещ килограмм на десять-пятнадцать потянет, еле плавниками шевелит... Но для нас главное внимательно осмотреть наносы, выявить изменения в структуре, трещины и щели обнаружить.

— Когда-то и я участвовал в создании искусственного озера, во времена студенческих стройотрядов.

— Да и я тут потрудился. Тоннель прокладывали. Бывало, обвал за обвалом, еле укреплять успевали. Славное время! И отец твой нам лекции читал.

— Точно. О международном положении, экономических законах.

— Книги нам приносил. Тогда я Горького прочитал, „Молодую гвардию", „Цемент"...

— Всю домашнюю библиотеку перетаскал на

стройку, — подхватил Коев. — И поэзию не забывал. Смирненский, Вапцаров, Ботев... Ни одной книги обратно домой не принес.

— Золотая пора, — грустно вымолвил Койчо, — словно вчера все было.

— А сейчас годочки вниз покатились.

— Зато сердце не старится. Так бабка моя говорила. Человек стареет, а сердце стареть не хочет. Сопротивляется.

— Верно, сопротивляется.

— Ты о себе ничего не говоришь.

Коев в двух словах рассказал о себе. Они пошли рядом. Когда речь снова зашла о Старом, Койчо сказал:

— А знаешь, ведь Старый часто к Соломону наведывался.

— К Соломону?

— Сам раза два-три видел его.

— У них?

— И у них, и в корчме. О чем-то они толковали. Однажды подсел я к Косьо и слышу, как препираются они из-за какого-то человека. Старый что-то выпытывает у Соломона, а тот лишь отмахивается.

— Странно...

— Вот и я диву давался, что такой человек, как твой отец, с каким-то ублюдком водится. Но, вслушавшись, понял, что в прошлом их что-то связывало. Так, во всяком случае мне показалось. А что именно, о чем точно они толковали, сказать не берусь.

Они прошли еще немного по темной улочке и расстались. Коев пошел дальше один, глубоко задумавшись. Вот так новость! Старый встречался с Соломо-

ном! Что ему от него было надо? Единственная разгадка — имя предателя. Соломон, один только Соломон может назвать этого иуду...

Поднялся сильный ветер. Закачались уличные фонари, с незапамятных времен висевшие на железных крюках. „Вароше все нипочем, какая была, такая и осталась", — подумал Коев. Дома терялись за массивными каменными оградами. Журчала вода в питьевых фонтанчиках...

Марин решил зайти в корчму. Все было точно так, как в тот вечер. Сидел тот же старик, с которым переругивался тогда Соломон, однако самого Соломона не было. Коев подсел к старикашке и заказал рюмку коньяка. Старик пил ракию. „Мерзавчик" перед ним был наполовину пустой. Коев не спешил вступать в разговор. Неторопливо закурил, глубоко затянувшись.

— Ты вроде Соломона ищешь? — без обиняков спросил старикашка.

Коев удивленно взглянул на него: надо же, запомнил.

— Да нет, решил выпить коньяку. И Соломона, понятно, надеялся застать.

— Нет его.

— Дома, что ли, отсиживается?

— Раз тут нет, значит, и дома нет. Ему дома не сидится.

— Где же он может быть?

— Сам голову ломаю. Накануне не заходил, сегодня тоже...

— Любопытно, — Коев сделал глоток.

— Не ты один его ищешь. Тут и другой его спрашивал. Высокий такой...

— Ты его знаешь?

— Откуда мне знать? Вчера под вечер заходил.

— Ты что, впервые его видишь?

— Отродясь не видал.

— А можешь его описать?

— Да что там описывать? Мужик как мужик. Серый костюм. Сорочка, кепка... Я даже смотреть не стал. Не люблю, знаешь, нос в чужие дела совать.

— Но меня, к примеру, заприметил.

— Так как же не приметить? Сколько времени ты тут с Соломоном скоротал. Да и прежде я тебя где-то видел, не припомню где.

— Может, и видел. Родственником Соломону довожусь.

— То-то и оно. А то я гляжу — знакомый, а не сообразить никак.

— Я пожалуй, пойду, — поднялся Коев.

— Ты его не тревожь, Соломона-то. Он человек неплохой, хоть и спутал черт с полицией, — напутствовал его старик.

— Да нет у меня причин его тревожить.

— Ну и ладно...

В желтом доме Соломона одиноко светилось окошко. Коев, приподнявшись на цыпочках, постучался в него. Выглянула веснушчатая женщина, знакомая по прошлому его приходу.

— Нет его, — коротко бросила она, вытирая руки.

— Я искал его в корчме, но и там он не появлялся.

— Два дня как глаз не кажет. Где его носит, ума не приложу.

— А вы кем ему будете?

— Племянницей.

— Не догадываетесь, куда бы он мог пойти?

— А вы кто такой?

— Журналист. Из Софии.

Женщина окинула его недоверчивым взглядом, и Коев решил говорить начистоту:

— Видите ли, мы с ним, можно сказать, родня, хоть что называется, седьмая вода на киселе. Сам я давно уехал отсюда, однако отец мой, Иван Коев, и мать...

— Уж не Марин ли? — всплеснула руками женщина.

— Марин и есть.

— Господи, как же я вас сразу не признала. Заходите же, дорогим гостем будете.

— Как вас зовут?

— Кона. Коной звать.

— Вот и маму Коной звали.

— В нашем роду много Кон наберется, — суетилась хозяйка, придвигая Коеву стул.

Он огляделся. В комнате стоял шкаф, диван, два кресла, покрытые легкими шерстяными одеялами.

— Одна живете?

— Муж мой на шахте работал. Погиб. Обвал там случился...

Кона подошла к шкафу, достала банку варенья, потом сварила кофе. Коев не стал противиться — он любил и густой, сладкий кофе, каким угощают в провинциальных городках, и отменное домашнее варенье. Он еще помнил вкус маминого варенья из инжира с ореха-

ми. И то и другое собирали еще зелеными и варили по отдельности в широких тазах, аккуратно снимая ароматные пенки — самое восхитительное в мире лакомство для ребятишек. Потом варенье перекладывали в стеклянные банки и берегли для гостей.

— Душа не на месте. Боязно мне как-то за дядю.

— Куда бы он мог деться?

— Ума не приложу. Со вчерашнего дня не появлялся, не предупредил, записки не оставил.

— Со вчерашнего, говорите?

— Второй день уже.

— А я вчера его случайно на Старопланинской встретил.

Женщина резко подняла голову.

— Он ушел из дому еще утром.

— А я его видел уже вечером.

— Обедать не приходил. Не ночевал дома. Вот и сегодняшний день на исходе.

— И часто он так пропадает?

— Всякий раз предупреждает, куда уходит. Иногда в деревню подастся, к знакомым заглянет, но всегда говорит. На этот раз и словом не обмолвился.

— Да, дела, — задумчиво протянул Коев. — А кроме меня его случайно никто не спрашивал?

— Вчера вечером его кто-то позвал через забор, так я сказала, что его нет дома.

— А не видела, кто такой? — перешел Коев на „ты“.

— Да разве увидишь в темноте? Голос вроде показался знакомым. Не впервые его через забор кличут, вместо того, чтобы по-людски в дом зайти. Всяк посвоему...

— Есть у него друзья-то?

— Так разве ж назовешь это дружбой? Одни собутыльники. Выпивохи. Да и кто бы с ним стал водиться на его прежней службе? А и потом, после тюрьмы...

Коев поднялся.

— А вот теперь и вовсе пропал.

— То ли пропал, то ли случилось что. Все-таки старик, всякое бывает. Ох, душа болит...

— Ну, я пойду. Спасибо за угощение.

Женщина лишь кивнула в ответ. В ее теплом взгляде Коеву почудилось что-то материнское. Знакомое выражение карих глаз, густые брови.

— Заходи, Марин, когда времечко будет. Одного же роду-племени мы.

— Непременно зайду.

Коев быстро пересек улицу с покосившимися домишками, почти бегом добежал до управления милиции и, запыхавшись, сказал постовому, кто ему нужен.

Пантера уже собирался уходить. Коев чудом застал его.

— Что стряслось? — уставился подполковник на тяжело дышащего Коева.

— Погоди, дай отдышаться... Ты, никак, уходить собрался?

— Обещал встретиться кое с кем...

— Тогда я в двух словах, — уже пришел в себя Коев. — Только попроси, пожалуйста, Эли кофе сварить.

Пантера позвал худенькую секретаршу, и пока Коев

коротко рассказывал про Соломона, девушка приготовила кофе.

— Понимаешь, совсем случайно опять забрел в тот район. Ведь не собирался туда, но встретил Койчо Минчева...

— Моряка?

— Его самого. Когда-то жили по соседству... Божится, что своими глазами видел, как Соломон со Старым разговоривали.

— Вот так новость! — подполковник грузно опустился на стул.

— Самого как обухом по голове. Вот я и пошел. Искал Соломона и дома, и у Косьо в корчме... Может, узнал бы что... Не будет же он вечно камень за пазухой держать. Задобрю, думаю, его, а потребуется — припугну, должен же я, наконец, хоть что-то вытянуть из него. Дома застал только племянницу Соломона, сам он куда-то пропал.

— Что значит пропал?

— Так, пропал. Два дня ни слуху, ни духу. В корчму и то не заявлялся.

— Куда же, интересно, он мог деться?

— Вот и я недоумеваю. Хотя, учитывая обстановку...

— Да, все карты ты мне спутал...

— Извини, друг. Я ведь тоже обещал Милену встретиться с ним вечером.

— Нечего извиняться. Первым делом служба. И смех, и грех, честное слово. Как наметится торжественное собрание или что-то вроде дружеской вечеринки, к примеру, так обязательно Жельо Пеневу что-то помешает...

— А на сегодня что у тебя намечено: торжественное собрание или вечеринка?

— Все вместе. Торжество с угощением в тесном кругу. И не просто угощение — поросенка к столу зарезали. Эх, гульнули бы вместе. Ан нет...

Коев рассмеялся, живо представив себе, как в студенческие годы, еле дождавшись от родителей посылки, Жельо торопливо накидывался на корзину с провизией, выуживая оттуда то кусочек сала, то жареного цыпленка. Все съедалось в один присест. Пантера страсть как любил поесть.

— Знать, судьба моя такая, — махнул рукой подполковник, садясь рядом с Коевым. — Если бы не ты, то послал бы вместо себя кого-либо из заместителей.

Вблизи Коев разглядел глубокую морщину, пересекавшую лоб Пантеры. Тот сразу сделался серьезным, в глазах заблестел неприятный холодок. Таким вот Жельо становился и на экзамене по уголовному кодексу и римскому праву. Материал был трудный, но легкомысленный на первый взгляд студент разом превращался в сосредоточенного мыслителя, взгляд отливал стальной синевой, а ответы звучали коротко и ясно, вызывая одобрение экзаменаторов.

— Да, дела... — бормотал подполковник. — Эли, вызови Павла. Поедем в Варошу. Знаешь, не нравится мне все это...

Почти всю дорогу они молчали. Войдя во двор, Коев почувствовал себя неловко. Хозяйка наверняка уже готовится ко сну, а он гостей незваных ведет. Но иначе нельзя.

— Ты уж извини, что снова заявился, но... — стал он оправдываться перед Коной.

Подполковник, чуждый подобных сантиментов, решительно шагнул через порог и огляделся.

— Уж не беда ли случилась? — пролепетала испуганная женщина.

Подполковник не удостоил ее ответом.

— Соломон здесь обитает?

— Нет, в другой комнате, наверху. По лестнице...

— Проводи нас наверх!

Женщина поспешила вперед по крутой лесенке, включила на площадке свет и, смущенная, встала у порога.

— Входите.

Подполковник заглянул внутрь, но не стал входить

— Так с каких пор он не возвращался?

— Вчера утром ушел. Я была во дворе, белье вешала. Услышала его кашель, обернулась, подумала, скажет что... Уходя, он обычно отдавал распоряжения: купи то, сделай то. На этот раз даже рта не раскрыл. Когда мы говорили с товарищем Коевым, я забыла сказать, что он держал под мышкой какой-то сверток. Еду, что ли, захватил, одежду, может...

— И куда он направился?

— Да я не видела точно. Как будто в сторону Трапето.

Трапето назывался окраинный район города, известный своими минеральными источниками. Там же находилась прачечная.

— Но не уверена?

— Нет, только по звуку шагов. Может, и путаю...

Начальник подошел к кровати.

— Его кровать?

— Да, тут он спит.

— Ничего не трогать! — приказал Пантера.

Кровать была покрыта старым одеялом в коричневую и бежевую клетку. Подушка, тоже старая, зачехленная грубой тканью, напоминавшей одеяло. Она еще хранила вмятину от головы. Над кроватью пестрел коврик, также из стародавних, обветшалый, обтрепанный по краям. На стене висели снимки, по всему видно, семейные: кавалерист на коне с саблей на боку, дородная женщина в темном головном платке, групповой портрет взрослых людей с детьми...

Подполковник внимательно осматривал каждый предмет. Остановил свой взгляд на новом электрическом радиаторе. Полистал отрывной календарь с разными пометками. Приподнял тюфяк, выдвинул ящик, распахнул тумбочку, стоявшую между окном и кроватью — в нос ударило кислым запахом. На нижней полочке белели банки с остатками кислого молока, лежала колода карт. Пантера взял ее, рассыпал карты на постели, быстро перетасовал и положил на место. Сверху валялся уплаченный счет за электричество, разные квитанции и даже книга, захватанная и растрепанная. Подполковник сосредоточенно все перебрал, а одну бумажку, чем-то его привлекшую, положил к себе в портмоне.

— Что и требовалось доказать, — изрек он.

Женщина устало смотрела на него.

— Что-нибудь случилось?

— Как только разберемся, дадим вам знать, — ко-

ротко ответил Пантера и вышел из комнаты. Коев пошел вслед за ним.

В кабинете подполковника их ждали бутерброды, две чашки кофе и лимонный сок, приготовленные Эли.

— Не горюй, Марин. Ужин у нас с тобой что надо! Свиные отбивные, печеночка, слоеный пирог с брынзой...

Коев весело смеялся.

— А Милен сейчас в таверне заморских гостей рыбкой потчует и в ус не дует.

— Да я не об угощении печалюсь. Просто обещал товарищам провести с ними вечер. А раз не сдержал обещания, значит, возгордился. Разве им втолкуешь, что это совсем не так. Тут выспаться и то не успеваешь. Когда возвращаюсь домой, жена уже десятый сон видит. На ребятишек утром лишь мельком гляну и бегом, даже позавтракать не всегда успеваю...

Пантера жаловался, одновременно набирая какой-то телефонный номер.

— Аврамов? Аврамова мне! Здравствуй, начальник, ты тоже еще на работе торчишь? Ясно, ясно... Слушай, тут дело одно наклевывается. Зайдешь?.. Жду.

Он положил трубку.

— Ну, что скажешь, Марин?

— Лучше послушаю, что ты мне скажешь.

— Сказал бы, да не знаю что.

— То тебе все ясно, то на попятную.

— На, прочти вот эту бумаженцию, — вынул он из кармана давешнюю записку.

Марин развернул листок и, не поверив глазам своим,

подошел к лампе. Что за наваждение! На бумажке крупными буквами было выведено:

МОЛЧИ ИЛИ УМРИ!

Как это оказалось в комнате бывшего полицейского? Ведь это же девиз Старого. Молчи или умри! Выходит, тот, кто его написал...

— Ну? — нетерпеливо спросил Пантера.

— Голова кру́гом. Ничего не понимаю.

— Эх ты, интеллигент! Все ясно как белый день.

— Что тебе ясно?

— Запугивали Соломона.

— Думаешь, бумажка...

— Это отнюдь не случайная бумажка. И полицейская крыса оставила ее на видном месте не без умысла. В случае чего, наведет на след. Надо же, ум пропил, а все же кумекает что к чему.

— Кто же может ему угрожать?

— Вот этого я сказать пока не могу. Но что угрожали, уверен. Боятся, видно, что сболтнет лишнего, выдаст кого-то. А уж я-то точно знаю, что он никого не выдал.

— Но кого в наше время выдавать? Кроме как бывших, вроде бы некого.

— Логично. И этот бывший...

— ...заподозрил, что он его может предать или уже предал.

— И?

— И расквитался с ним.

— Да-а... Весьма правдоподобно.

Подполковник поднял трубку.

— Дежурный? Митев, зайди на минутку.

Вошел капитан Митев.

— Явился по вашему приказанию, товарищ подполковник!

— При неизвестных обстоятельствах, возможно, погиб пожилой человек. Твоя задача — обыскать близкие окрестности, соседние села и все улицы города. Узнать, было ли совершено в последние два дня убийство, или нападение...

— Особые приметы, товарищ подполковник?

— И приметы им подавай! — моментально отреагировал начальник. — Вот тебе приметы: старик высокого роста, крупный... Если документы при нем, то зовут Соломон Пейчев Карастоянов.

— Слушаюсь!

— Действуй!

Пантера подсел к столику.

— Бери бутерброды.

Коев отказался:

— Спасибо, что-то не хочется. Слушай, а что с теми страничками, ну, где записаны показания Старого? Нашел ты их?

— Ах да, чуть не забыл. В комитете их не оказалось.

— Как так — не оказалось?

— А вот так. Нет их, исчезли. Кынчев перерыл все бумаги. Нет их, и все тут.

— Но, послушай...

— Кто-то их взял.

— Правильно. Но ведь заявление Старого не исчезло.

— Да что особенного было в тех показаниях?

— Я же тебе говорил, что ничего особенного. Но в конце было написано, что Старый подозревает кого-то, но скажет об этом позднее. Так и написано: „Но об этом позднее“.

Пантера встал и нервно заходил по комнате. Коев никогда бы и не подумал, что этот увалень может быть столь подвижным. Сняв трубку, он набрал номер.

— Алло! Кто у телефона? Цонков?.. Ты что, дежурный сегодня?.. Отлично... Зайди-ка ко мне.

Положив трубку, подполковник подошел к Коеву.

— Так что тебе сказала Аня?

— Чтобы я был осторожен.

— Нет, она тебе другое что-то сказала.

— А... что Ш. жив.

— Вот видишь. Предатель жив. Представляешь?

В комнату вошел низенький, полноватый майор.

— Товарищ подполковник, по вашему приказанию явился!

— Цонков, пораскинь мозгами. Возьми дело Ивана Коева. Но не ту папку, что у нас, а ту, что в горкоме партии. Нужно выяснить, в чьих руках она побывала. Выдавали-то, наверняка, за подписью. Дело спешное, но повнимательнее.

— Есть, товарищ подполковник!

— Результаты доложить мне лично.

— Так точно, товарищ подполковник!

— Вы свободны.

Майор повернулся кругом и вышел.

— Значит, предатель жив! — Пантера возбужденно продолжал расхаживать по кабинету. — На Аврамова

вполне можно положиться. Но раз дело касается Старого, перепоручать не стану. Сам займусь... Да, да, живой, мерзавец. Пронюхал, что вокруг него что-то происходит, и бросился свою шкуру спасать. Между прочим, Аня твоя случайно в разведке не служила?

— Служит и поныне. Но пока что я — единственный объект.

— Пожалуй, тебе не позавидуешь. Небось, в ежовых рукавицах держит, ни шагу в сторону?

— Да знаешь, те времена уже давно прошли, так что и в голову не приходит.

— В твои-то годы... — многозначительно подмигнул начальник. — Мужик что надо, в самом соку. А тут еще и революция эта самая, как вы ее там обозвали?..

— Сексуальная революция.

— Ага. Как говорил бай Петко, для этой революции тоже нужно оружие, а наше с тобой...

— Ну, не прибедняйся. Силенок, гляжу, хоть отбавляй...

— Для чего — так отбавляй, а для чего — так и прибавить не мешало бы... Алло, Запрянов, ну, что там у тебя? Зайди ко мне!

Вошел капитан Запрянов.

— Ездил в Лесное?

— Так точно, товарищ подполковник. Хотел сразу доложить, но... — бросил он беглый взгляд на Коева.

— Кража?

— Так точно, кража.

— Доложи обо всем Цонкову.

— Слушаюсь, товарищ подполковник.

Пантера нахмурился. Лицо его приняло знакомое Коеву неприступное выражение.

— Яснее не бывает.

Коев не стал спрашивать, несмотря на то, что вопросы так и вертелись у него на языке. Однако Пантера сам выпалил:

— Уму непостижимо! Топчемся на одном месте в темном лабиринте, за какие-то мелочишки хватаемся, а разгадка сама напрашивается. Итак, Старый в ком-то усомнился. Но не будучи вполне уверенным, до поры до времени молчал. А тот, на кого пало подозрение, не смея расправиться со Старым, согласись, что в наше время не так-то легко убить человека, решил действовать иначе. Он пишет на Старого анонимный донос, хорошо зная, что в архивах сохранилось то злополучное заявление, из-за которого весь сыр-бор разгорелся. И надо признать, расчет оказался правильный. Четко сработано. Народ пятилетку перевыполняет, трудности преодолевает, проверять каждого недосуг, взяли да и поверили анонимке. Мерзавец в точку попал. Мол, как же так, честным коммунистом прикидывается, а на деле... Все, Старому конец. Иди после всего, разоблачай врага народа. Кто же поверит, когда у самого рыльце в пушку?

— Значит, это очень опытный мошенник.

— Опытный и хитрый. Все продумано. Причем, это человек, который был среди наших!

— Уж не его ли имел в виду Старый?

— Похоже, что да. Первым делом он убирает Старого, загоняет его в угол. Анонимка, заявление в архиве, расследование... Вместо того чтобы разыскивать

анонимщика. Старый, естественно, должен был думать, как выйти из столь бедственного положения. Во-вторых, он держит в страхе Соломона, хорошо знавшего его. Вероятно, у Соломона в прошлом тоже были грехи. Так что неизвестный мерзавец обеспечил себе спокойное существование на много лет вперед. У Соломона рот закрыт на замок, а Старый — в могиле. Вдруг, откуда ни возьмись, новая напасть, сын Старого. Приехал и начал копаться. Ходит, выспрашивает, а вдруг на след нападет? На всякий случай надо и ему смешать карты. Первая попытка — „дипломат"...

— Зачем он ему понадобился?

— Видно, подумал, что ты изобличающие документы привез.

— Да, наверняка их искал.

— Причем, довольно безрассудным способом.

— Опытный преступник поступил бы умнее.

— В том-то и дело.

— Но представь себе, что такой опрометчивый шаг входил в его намерения.

— Какие намерения?

— Скажем, простачком прикинуться, мол, обычная кража, поживиться чужим добром захотели. Да мало ли что...

— Не верится мне, что все так уж тонко продумано...

— А кто его знает... Ну подумай, почему он бросил чемоданчик на столике в кафе? Ведь любому сразу в голову придет: ворюга деньги искал или ценности какие, ничего не нашел, так на кой леший ему „дипломат"! Дальше. В номере гостиницы поработал. Тоже с целью

запутать следы, якобы своровать что-то хотел. А у самого совсем другое на уме... Ему твои записки нужны.

— Положим, ты прав. Скажем, нашел бы он интересующие его документы. Уничтожил бы их. Но из сознания-то моего он ничего вырвать не может...

— Слишком он нервничал, сам не знал, что делает.

— Да, скорее всего, именно так и было...

— А я все думаю, каков он. Голыми руками его не возьмешь. Явно когда-то среди наших работал. Значит, провокатор? А может, и того хуже — полицейский, внедренный в ряды партии.

— Возможно ли такое?

— А почему бы и нет. Мы вот свой городок захолустным считаем. А ведь в свое время здесь был мощный гарнизон, фабрики работали. Отсюда вели кратчайшие пути к партизанам. Отсюда русские военнопленные были переправлены в горы. Предполагалось, причем не без оснований, что в городе действует сильная партийная организация.

— И потому нашли нужным заслать провокатора именно сюда? Так по-твоему?

— Да. Законспирировали его надежно, потом пришла победа, он сменил маску, его, возможно, другие господа теперь перекупили...

— Ну, это ты загнул...

— Да я только рассуждаю, что могло быть.

— Если у вас имеются данные о работе на вашей территории какой-то организации, то можно предположить...

— Нет, организации, конечно, нет. Правда, от-

дельные случаи имели место, но они носили совсем иной характер...

— Итак, предположим, что неизвестный, назовем его условно Х...

— Или Ш...

— Пусть Ш...

— Между прочим, Марин, тебе не приходило в голову, что под этим самым Ш. скрывается... Шаламанов?

Коев вздрогнул.

— Чтобы его заслали к нашим?

— Конечно, трудно поверить, однако же... Допустим, знал он пароли, связи... В общем, не исключено. Изменил свою внешность до неузнаваемости.

— Тебя сегодня просто не узнать! Всегда такой земной, реальный...

Подполковник засмеялся:

— Мы тоже не лыком шиты. Вы пописываете, мы почитываем. Истории разные сочиняете, нас героями делаете, а ведь в действительности все проще.

— Да, проще, как бы не так. Взять хотя бы этот случай.

— Хотя версия и сногсшибательная, но и ею пренебрегать не стоит.

— Сдаюсь, Пантера, куда мне с тобой тягаться. Ты ведь в таких делах собаку съел. Но Шаламанов, даже если и был провокатором, он ведь расстрелян. Ты сам участвовал в исполнении приговора. А этот Ш. и поныне действует...

— Погоди, не забегай вперед. Все-то оно так. И есть тут одно „но“. Тогда, на расстреле нас было несколько человек, все молодые, неопытные. Выстрелили. Шала-

манов упал. Цыгане-гробовщики поволокли его к яме. Помнишь, я говорил тебе про золотую табакерку... Мы ведь не видели, как его зарыли. А вдруг его только ранило, и он откупился этим самым золотом. Признаться, меня до сих пор совесть мучает, что не удостоверились мы, что эта гадина зарыта в землю. Такая досадная оплошность. До сих пор простить себе не могу...

— Чтобы столько лет скрывался?

— Бывает и того похлеще. Шаламанова все кругом знали. Он был связан с сотнями людей. Это во-первых. Теперь представь, что недобитого пса отходили, он убрался из города, сделал пластическую операцию, не так уж сложно. Ему ничего не стоило и дюжину паспортов себе подделать на разные имена. И вот некий Иван Петров либо Стоян Стоянов оседает в нашем городе, документы — комар носа не подточит. Он устраивается на работу, заводит нужные знакомства... Кто его опознает? Вот только Соломон да, пожалуй, еще и Старый..

— Так рисковать... Зачем?

— Жена у него здесь оставалась, дочки.

— Ты хорошо его помнишь?

— Не только я, но и другие. Высокий, держался прямо, крупная голова. Слева золотой зуб поблескивал. Теперь, наверняка, вынул. Густые брови, может, и брови выщипал...

— Другие приметы?

— Другие. Очень галантные манеры. Золотые перстни на руке, кажется, два...

— Могилу его помнишь?

— Место помню. Знака там конечно никакого.

— А почему бы не пойти на эксгумацию?

Пантера с любопытством взглянул на Коева.

— Ты это серьезно?

— Не вижу причин шутить. Как и все другое неправдоподобно, но проверить стоит. Или это подтвердится, или напрочь отпадет.

— Детективами себе голову забили. Эх, вы, интеллигенты! Ну так слушай. Нам что сейчас важно? Важно установить, кого из знакомых и близких Старого или кого из старых коммунистов можно заподозрить в двойной игре, — Пантера словно забыл про Шаламанова, — вот в чем надо разобраться. Потому что не станет случайный проходимец и Соломона запугивать, и „дипломат“ воровать, и — ничего удивительного — показания Старого из дела выкрадывать...

— Только Ш. на такое и способен.

— Предположим, что Ш., то есть, Шаламанов. Надо проверить все, сопоставить имеющиеся у нас улики.

Коев задумался. Кто же это мог быть, кто? Он перебрал в уме всех, кто в свое время приходил к Старому, но никто из них ни в коем случае не мог быть этим таинственным Ш...

Майор Аврамов, заместитель начальника милиции был помоложе Марина Коева и Пантеры, однако на лице его уже лежал отсвет того напряжения, которым отличалась его работа. Ничего в его внешности, включая штатский костюм, не выдавало опытного служителя органов безопасности. Он скинул плащ, небрежно бросил его на стул, расстегнул пиджак, и Коев сразу заметил хорошо развитую мускулатуру тела. Оружия майор не

носил, объясняя тем, что озорники-сыновья могли что-то сделать... Майор уселся рядом с Пантерой и без обиняков спросил, что случилось.

— Что случилось? А то, что с приездом из Софии нашего старого друга кое-кто стал воду мутить.

— Так ведь наш старый друг, насколько мне известно, отнюдь не новичок в нашем деле.

— Когда-то вместе работали.

— Так что же все-таки случилось?

— Решил, значит, товарищ Коев про город наш написать. Попутно заинтересовался материалами, касающимися его отца. Бай Ивана помнишь?

— Кто же не помнит Старого...

— Вот Марину и пришло в голову расследовать темную историю с исключением Старого из партии. Сыновьи чувства заговорили, долг и прочее.

— Любопытно, наши дети когда-то вспомнят о нас? — задумчиво вымолвил Аврамов.

— Если нас исключат... — пошутил начальник.

— Нет, не то я имею в виду, — серьезно возразил Аврамов. — Одобрят ли потом все наши сегодняшние поступки?

— Эк, куда ты хватил. Давай не будем отвлекаться. Итак, роясь в документах, он пришел к выводу, что вся эта история с исключением подстроена кем-то. Попросту пришили человеку дело ни за что. Естественно, Марин стал докапываться до истины, людей расспрашивать. С Ненкой Груевой, пианисткой, встретился, с бай Стояном-банщиком переговорил, с Симо-бондарем, с Соколом, а у Косьо в корчме — с Соломоном.

— Целое следствие провел.

— Причем заметь, отнюдь не дилетантски, как может показаться на первый взгляд. Вельо и Доку тоже не пропустил, не говоря уже о Милене и моей милости. Сопоставив все, что успел узнать, наш друг убеждается, что следы ведут к предателю. Пока он занят расследованием, кто-то уносит из номера его „дипломат" с бумагами, который потом подкидывает в кафе, что напротив гостиницы. Но это еще не все. После разговора Коева с Соломоном бывший полицай неожиданно исчез...

— Криминальный сюжет в чистом виде, — засмеялся Аврамов.

— Имеются и другие подробности.

— Даже совестно признаваться, — вмешался Коев, — но я еще не сказал, что пару раз мне почудилось, будто кто-то за мной следит.

И он рассказал о случившемся у бондаря, о преследователе в тумане, о странном поведении повстречавшегося ему Соломона.

— Интеллигенция! — вскочил Пантера. — С огнем играешь! Напичкан несусветной чушью, а дальше носа своего не видишь. Оглянуться не успеешь, как прихлопнут, чего доброго.

— Не нагоняй страху.

— А теперь посмотри на это, — протянул Пантера Аврамову бумажку.

Аврамов взял листок, бегло пробежал глазами и призадумался.

— Нужно произвести экспертизу почерка.

— Правильно. И то немедленно. Соломон, как видно, знает что-то такое, что представляет угрозу для дру-

гого. Неизвестно, может его душонка уже к святому Петру отправилась.

— Какие меры предприняты?

— Обыскали весь город, все окрестности, но пока ничего существенного. Во-первых, стараемся напасть на след Соломона. Во-вторых, велел Цонкову узнать, кому горком партии выдавал дело Старого. Да, запамятовал, из этого дела исчезли показания Старого об убийстве Спаса и Петра.

— Так-так... Орудует почти не таясь, а мы мух ловим. Выходит, товарищ Коев расшевелил осиное гнездо, не будь его, по-прежнему сидели бы мирно. Старого давно в живых нет, вроде бы и бояться некого. А тут ни с того, ни с сего сына принесло, чего доброго, вздумает забытое поворошить, вытащит на свет божий дело об убийстве Спаса и Петра...

— В том-то и загвоздка.

— И тот испугался... Что он станет делать, когда почует угрозу? Само собой разумеется, постарается запутать следы. Он пробирается в гостиницу. Что его влечет? Уж во всяком случае не деньги. Он боится, как бы Коев не привез разоблачающих документов. Роется в чемоданчике и... Нашел он что-нибудь, товарищ Коев?

— Нет, просто я ничего не записывал.

— Так. Значит, уходит ни с чем. Тогда он решается подслушивать разговоры, в частности, с Соломоном. Пока вы сидели в трактире, он, нисколько не сомневаюсь, дежурил где-то поблизости. Соломон представляет для него опасность, видимо, это его старый знакомец. А вдруг выдаст? Молчи или умри! — вот альтернатива. Соломон, спасая свою шкуру, скрывается. Не

исключено, что перед тем он успел увидеться с предателем и заверить его, что пока все шито-крыто. А может...

— Думаю, Марину нужно составить список всех лиц, с которыми он виделся в эти дни, и которые знают о его намерениях, — предложил Пантера.

— Проще простого. Лиц-то — раз-два и обчелся, — с готовностью согласился Коев.

Его особенно поразило, что Пантера снова высказал предположение, что загадочный Ш. — это никто иной, как Шаламанов.

— Что? — как ужаленный подскочил Аврамов.

— Лишь одна из гипотез...

— Давайте хоть в мистику не впадать.

— А если это не мистика? Потому что сатана, выкравший в царстве Господа зло, чтобы раскидать его по свету, может принимать любое обличье, и самые пакостные из этих перевоплощений как раз и составляют нашу клиентуру. Может, Шаламанов тогда не сдох...

— Да, конечно, мы должны обговорить даже самые немыслимые варианты. Пусть товарищ Коев напишет свой список. Мы в свою очередь дополним его. Я уже кое-что наметил. А кроме того, — добавил Аврамов, — надо бы дать охрану к товарищу Коеву.

— Само собой разумеется, — поддержал подполковник.

— Товарищ начальник, — снова заговорил Аврамов, — ввиду того, что к расследованию вы приступили без меня...

— Хватит дела и для тебя.

— В общем ты знаешь, где меня найти...

К полуночи Пантера и Коев, поглощенные обсужде-

нием чрезвычайного положения, заслушали доклад Митева. Машина сбила молодого крестьянина. На перекрестке у заправочной станции столкнулись два грузовика, жертв нет. Есть случай отравления яйцами, пострадавших доставили в больницу...

— Павел внизу?

— Так точно. Дежурит.

— Пришли его сюда.

Вошел старшина, сопровождавший их к Соломону.

— Павел, отправляйся снова к Соломону, узнай, не вернулся ли он. Захвати и Янко. Если Соломон не вернулся, пусть Янко останется там.

Старшина отдал честь и вышел.

Марин Коев составил список всех, с кем он делился своими планами. Просматривая список, Пантера одних вычеркивал, другие фамилии жирно подчеркнул, возле третьих поставил вопросительный знак. Кроме того, он дополнил список, вписав несколько фамилий. Потом достал из шкафа несколько папок и углубился в чтение.

— Никого не пропустил?

— Сам вот думаю. Разве всех упомнишь? Пока вроде всех.

Оглядев целый ворох снимков, начальник сказал в сердцах:

— Чертовщина какая-то!

Он протянул Коеву фотокарточку мужчины, густо заросшего щетиной.

— Знаешь, кто это?

Коев взял фотографию. Грубоватое, волевое лицо. Слегка оттопыренные уши. Светлые, судя по всему, гла-

за. Лицо усталого человека. Но выражение говорило о решимости, даже злобе. Как бы это мог быть? Коеву почудилось нечто знакомое, память, казалось, вот-вот ухватится за что-то, подскажет... Но нет, образ расплывался, растворяясь среди множества других видений, ускользая. Неожиданно откуда-то издалека вынырнула низко нахлобученная на лоб черная шляпа. Что за чушь, удивился Коев, причем тут черная шляпа? Возможно, схожесть шла от выражения замкнутости, непроницаемости, но ни в коем случае не схожести черт...

— Ну, узнаешь? — не вытерпев, переспросил Пантера.

— Не вполне уверен...

— Не был ты в его лапах, поэтому и не узнаешь, — загадочно сказал Пантера. — Это Шаламанов.

— Шаламанов?

Коев впился глазами в карточку. Зловещее лицо он помнил совсем смутно, однако образ никак не прояснялся. Шаламанов! Гроза всего города... Но почему память увязала его с Человеком в черной шляпе? Разве они похожи?

— Знаешь, не выходит из головы тот, в черной шляпе, — признался Коев.

— Если бы его тогда не погубили...

— Откуда ты взял, что он погиб? — вырвалось у Коева.

— Да ниоткуда. Просто испарился человек и все.

— А ты знал его?

— Да нет, он заходил только к Старому. Старый его знал, связь мы через него поддерживали.

— Вот и мы с Докой недоумевали, — сказал Коев. — Более чем загадочная фигура. Я его видел не раз. Многие заглядывали к отцу, открытые, честные люди, убежденные борцы, вынужденные скрываться... Этот же был каким-то странным. Никогда не задерживался, даже пальто не снимал. Шляпа по самые брови надвинута. Пышные усы. Плащ...

— А сейчас ты узнал бы его?

— Сомневаюсь. Лицо смутно вижу, одни усы запомнились. Высокий был... Ростом с Шаламанова...

Зазвонил телефон. Пантера поднял трубку.

— Да. Слушаю... Что? — Он взглянул на Коева. — Давай по порядку. Говори человеческим языком. Так. Понятно. Янко пусть там останется. Ни на минуту не отлучаться! А ты бегом сюда...

Не давая никаких объяснений, подполковник набрал номер.

— Аврамов? Слушай меня внимательно. Случилось непредвиденное. Срочно выезжаем к Соломону. Послал своих ребят узнать, не вернулся ли старик, так они вместо него на лестнице его племянницу обнаружили. Подробностей не знаю. На месте разберемся.

Он нажал кнопку звонка. Вошла Эли.

— Капитана Митева ко мне!

Девушка кивнула и вышла.

Спустя мгновение появился Митев.

— Срочно собери оперативную группу!

— Слушаюсь, товарищ подполковник!

Дальше события разворачивались с головокружительной быстротой, так что Коев вряд ли смог восста-

новить все по порядку. Подъехали машины. Аврамов, Пантера и Коев сели к Павлу. Вслед за ними шли еще две машины.

Двор Соломона был объят глубокой тишиной, словно спал беспробудным сном. Янко, одетый в спортивную куртку, вынырнул из темноты и доложил обо всем подполковнику. Врачи без промедления устремились к женщине. Кона лежала на лестнице в довольно неестественной позе, с широко раскинутыми руками. Волосы рассыпались, закрывая лицо.

Санитары положили ее на носилки. Ударили ее или сама поскользнулась на крутых ступеньках? Подполковник приказал:

— Как только придет в сознание, допросите.

Капитан тщательно осматривал лестницу, выискивая вещественные доказательства. Яркий свет фонарика выхватывал из темноты малейшие трещинки, царапины. На верхней площадке виднелись следы обуви. Капитан сделал промер и распорядился насчет снимков.

— Следы только на площадке. На ступеньках, вероятно, они стерты упавшим телом, — обернулся капитан к Коеву. — Вот взгляните, обувь сорок третьего размера. Рослый мужчина. Кроме того, были найдены обрывок газеты, карандаш, пуговица — все это было самым тщательным образом описано.

— Никогда заранее нельзя сказать, что важно, а что нет. Порой одна пуговица может много рассказать.

Повертевшись в комнате Соломона, где все осталось нетронутым, Коев обратился к Пантере:

— Ну, хоть что-нибудь нашли?

— Надеюсь, не зря трудимся.

— Особых улик я не вижу...

— Пока и я их не вижу, но как вот исследуем отпечатки пальцев, следы, капли крови, тогда многое прояснится. Это, брат, целая наука.

— Конечно. И все-таки явных признаков совершенного преступления нет.

— Опытный преступник редко их оставляет.

— Это и младенцу ясно, хотя бывает, что преступление совершается в состоянии аффекта...

— В данном случае это не так.

— Какие у тебя предположения?

— Обстановка-то в общем спокойная. Никаких признаков насилия, соседи ничего не слышали. Вероятней всего Кону специально подстерегали. Может, случайно споткнулась. Все могло случиться.

— Но в конкретной обстановке...

— Намекаешь на исчезновение Соломона?

— Хоть бы и так.

— Вот в том-то и дело... ну, пошли. Тут и без нас справятся, народ опытный.

Они сели в машину. Возле управления Пантера вышел, крепко пожав Коеву руку.

— Иди отдыхай. Тебя проводит вот этот парень.

— Зачем?..

— Только на ночь.

— Ни к чему все это...

— Чтобы снова „дипломат" не утащили, — засмеялся Пантера.

Провожатый оказался очень симпатичным парнем. Он вошел вместе с Коевым в номер, осмотрелся, поже-

лал спокойной ночи и закрыл за собой дверь. Коев успел заметить, что он устроился в глубоком кресле в фойе.

Коев решил принять снотворное. За короткий срок столько пришлось пережить, что, казалось, натянутые до предела нервы не выдержат. Он сел, выпил глоток водки, спустя некоторое время глаза будто стали смыкаться. В комнате еще витал слабый запах аниных духов... Кона в больнице... У Коева сжалось сердце: хоть бы ее спасли. Он вспомнил, как всего несколько часов назад эта женщина угощала его вареньем. Кому она помешала? А что если Соломон не один домой вернулся и, чтобы избавиться от лишнего свидетеля... что за чушь! Разве он может поднять руку на собственную племянницу? Да, но тот, другой... А не замешана ли она сама в эту историю? Если знает спутника Соломона... Нет, что-то не верится. Вела себя так дружелюбно, без всякого притворства. Скорее всего она стала жертвой чьей-то темной игры. Но чьей?

Коев набрал софийский номер телефона. Никто не подходил. Он немного подождал, но вдруг вспомнил, что по четвергам Аня обычно ходит в оперу...

Коев быстро разделся и лег, погасив лампу, однако уснуть не мог. Сон бежал. Пролежав без сна часа два, Марин позвонил Пантере. Тот все еще был на работе.

— Что это тебя сон не берет? — удивился подполковник.

— Да что-то расхотелось спать. Как женщина?

— Все еще не приходила в сознание.

— Говорил с врачами?

— Они никаких гарантий не дают.

— Что ж, будем ждать.

— Ничего другого не остается. Да ты спи. Ох, я бы на твоем месте завалился, уже десятый бы сон видел... и сто колоколов не могли бы разбудить.

— Ну что ж, попробую... Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Утро выдалось солнечное. Даже не скажешь, что уже осень. Единственный туманный день, целомудренно скрывший его счастливую ночь с Аней... Коев спустился в ресторан позавтракать. Заказал себе яичницу и кофе.

Администратор отлично знал, кто такой Марин Коев, и достаточно было гостю поднять голову, как администратор уже стоял у столика. Неизвестно почему, он считал Коева профессором, так и обращался к нему почтительно: „товарищ профессор“.

С соседнего стола на Коева пристально смотрел какой-то человек. Марин украдкой оглядел его, но не мог вспомнить, откуда он его знает. Неожиданно человек широко улыбнулся и Коев вдруг узнал в нем дальнего родственника по материнской линии.

— Иван! — воскликнул Коев.

Родственник был несколько глуховат, но оклик Марина услышал и подошел к столику.

— Здравствуй, рад тебя видеть! Я не узнал тебя сразу, — оправдывался Коев.

Иван был старше Коева лет на десять. Когда-то держал ателье по ремонту велосипедов.

— Где ты? Чем занимаешься?

— Сторожем работаю, здесь, в гостинице.

„На каждом шагу знакомые и родственники! Куда ни повернешься — все свои“, — подумал Коев.

— Мне нужно тебе кое-что сказать, — вымолвил Иван. — Давно собирался, да все откладывал.

— Так за чем дело стало? Выкладывай, — удивленно посмотрел на него Коев. И, словно извиняясь, добавил: — Времени не хватает со всеми увидеться.

— Вот я и сам... вроде пенсионер, и дел как будто особых нет, а дня не хватает, — посетовал Иван.

— Ну, так я тебя слушаю.

— Уж не знаю, стоит ли... Дело-то прошлое. А раньше как-то не выпадало случая поговорить...

— Ничего, что прошлое...

— Старики-то твои давно в могиле. Отец все крепился, крепился, а потом руки опустились. Как умер, мать и закручинилась. И за ним следом...

Коев с новой силой почувствовал тяжесть вины. Что за беда стряслась в отцовском доме, пока он кочевал с объекта на объект, писал о знатных людях, сочинял эссе и очерки, двигался по служебной лестнице?.. Два самых близких ему человека мучились, страдали под гнетом горькой обиды, день за днем теряя надежды и силы.

— Тоска их в могилу свела, — вздохнул Иван. — Отец твой старался не поддаваться, однако разве ж выдюжишь под такой тяжестью, что на него навалилась... А мать, сам понимаешь, много ли им надо, женщинам? Слегла, взяли ее в больницу, так она словно онемела: рта не раскрывала, крошки хлеба в рот не брала, капли воды. Кожа да кости остались. Все повторяла, что у каждого своя судьба.

Иван со свойственным бесхитростным людям про-

стодушием вновь переживал горе, постигшее родителей Марина, время от времени утирая рукавом слезы.

Коев и сам почувствовал резь в глазах, твердый ком, как это часто случалось в последние дни, вновь застрял в горле, не давая вымолвить ни слова. „Какой же я сын после этого!" — повторял он в уме.

Иван достал пачку сигарет БТ, вытащил одну, закурил и продолжал уже спокойнее.

— Когда мать твоя, тетка Кона, лежала при смерти, я ходил к ней в больницу. Она до последнего вздоха не теряла сознания. Однажды шепнула мне на ухо: „Нет рядом моего Марина, я б ему сама сказала... Так ты уж, Иван, передай ему, что после отца блокнот остался. Много чего в нем записано. Пусть найдет его, он знает где..."

— Блокнот? Какой блокнот?

— Так она мне наказала, — не слыша его, продолжал Иван. — Велела тебе передать. Перед смертью заручила. В блокнот тот, сказала, отец твой записал обо всем, что с ним стряслось... Больше ничего не знаю.

Марин ощутил, как кровь ударила ему в голову. Блокнот! Может, там таится разгадка... Распрощавшись с Иваном, Коев почти побежал в номер. Где-то у него был записан телефонный номер племянницы. Сестра сразу подошла к телефону. Марин подробно передал ей разговор с Иваном и попросил разыскать блокнот. Сестра пообещала найти, волнение Марина передалось и ей.

Положив трубку,Коев отправился в милицию.Пантеры на месте не было. Спросил Аврамова, но и тот отсутствовал. Видно, не такой уж простой этот случай...

Коев пошел в больницу. Новое здание больницы выглядело вполне внушительно. Коев спросил главврача. Назвал себя. Врач оказался его одноклассником, и Коев густо покраснел, что не узнал его. Так уж получается в этой суматошной жизни... Долго не видишься, память не удерживает... Врач обрадовался встрече и лично повел Коева в палату, где лежала Кона.

В первую минуту Коев даже растерялся, до того неузнаваемо изменилась женщина. Голова забинтована, лицо мертвенно-бледное, руки, утыканные трубками для вливаний растворов. Она никак не походила на живого человека.

— Она приходила в сознание? — спросил Коев.

— Ненадолго, — прошептал врач. — Капитан Митев разговаривал с ней. Сказала, что сама упала с лестницы.

Больная сделала легкое движение головой. Коев присел рядом с кроватью.

Она открыла глаза, сначала один, потом другой. Взгляд ее где-то витал.

Коев погладил ее по руке.

— Не бойся. Это я, Марин. Узнаешь меня?

Она чуть слышно сказала:

— Да.

— Тебе уже получше, правда?

Она сделала попытку улыбнуться.

— Кто ударил тебя?

Женщина посмотрела на него с испугом. По бледному лицу прошла тень.

— Скажи, тебя ударили?

Она молчала, опустив веки, словно уснула. Однако

сквозь тонкую кожу было заметно, как движутся глазные яблоки.

— Сестрица, — ласково обратился к ней Коев, — скажи, как все было. Ты нам поможешь. Не скрывай, прошу тебя. Тебе ничего не грозит.

Кона вновь открыла глаза и пристально посмотрела на Марина.

— Сама поскользнулась...

И сразу отвела взгляд. Два коротких слова вконец обессилили ее. Тело обмякло. Врач подошел к Коеву и положил руку на плечо.

— Ей это может навредить... Слишком она еще слаба,к тому же не исключено и внутреннее кровоизлияние...

Начальник управления МВД стоял у легковой машины, собираясь уехать, когда Коев окликнул его.

— А, Марин! Что новенького?

— Да вот ходил в больницу.

— Поговорил с Коной?

— Пробовал, но она не захотела. Впрочем, прошептала, что сама упала с лестницы.

— Ударили ее, а она выгораживает кого-то. Боится, наверное.

— Думаешь, припугнули как следует?

— Врачи считают, что кто-то ее ударил мешочком с песком. Способ старый — убить не убивает, зато до бессознания доводит.

— Хитро.

— Дело верное: ни тебе раны, ни крови...

— А капли крови на ступеньках?

— Падая, оцарапала руку, сущий пустяк.

— Что слышно насчет Соломона?

— Ничего нового.

Подполковник вплотную придвинулся к Коеву.

— Мы раскопали могилы, — почти выдохнул он.

— Что, что?

— Могилы раскопали, могилы тех самых гадов.

— Ну же, говори, что тянешь!

— Согласно предварительной эксгумации, костей Шаламанова не обнаружено.

— Как так — не обнаружено?

— По крайней мере среди тех, что нашли. Теперь ждем окончательных результатов судебно-медицинской экспертизы.

— Но ведь это...

— Золотых зубов ни в одном из черепов не оказалось, о перстнях уже и говорить не приходится. Предположим, могилы ограблены. Но и другие признаки не сходятся: все похороненные там люди маленького роста...

Коев стоял, ошарашенный новостью: очередная загадка. Если окажется, что Шаламанов не погиб, что не похоронен, а сумел изменить свою внешность...

Он вновь представил себе, что Шаламанов и есть тот Человек в черной шляпе. Пластическая операция, другое имя... Иначе как бы он вернулся в свой город... Неужто такое возможно?

— Но если допустить, что Шаламанов действительно остался в живых, — продолжил ход его рассуждений Пантера, — то все невероятно усложняется. Нужно будет начинать все сначала, идти уже совсем иным путем. Отпечатки пальцев, графологические исследова-

ния, выяснение прежних связей... Причем необходимо учитывать самые невероятные вещи... Тебе куда?

— Пойду пообедаю.

— К сожалению, не смогу составить тебе компанию. Придется вернуться обратно. Ну, не пропадай!

— Пока!

— Погоди, чуть было не забыл, — спохватился Пантера. — Я говорил с Живко Антоновым относительно прежних связей ЦК с местными коммунистами.

— И что же?

— И вот что. После разгрома здешней парторганизации всякие связи с центром прервались. А своих уполномоченных ЦК здесь вообще не имел. Понимаешь?

— Так я и думал.

Коеву не хотелось обедать в гостиничном ресторане и он решил подкрепиться на скорую руку в первой попавшейся закусочной. Потом он зашел в библиотеку, посмотрел выставку, погулял в парке. Выпил кофе в уютном кафе.

Завидев в витрине магазина апельсины, вспомнил Кону: неплохо было бы отнести ей в больницу. Купил два килограмма, попросив выбрать самых сочных, и вышел на улицу. Напротив магазина как раз проезжал дед Пенчо на своем фаэтоне. Широко улыбаясь, он сдержал лошадей мощным окриком: „Тпрру!“ и, поманив рукой журналиста, указал на скамейку. Сам слез с облучка, огляделся по сторонам и тихонько сказал:

— Угости сигаретой, Марин. Разговор есть.

— С удовольствием! — протянул ему Коев пачку.

Дед Пенчо повертел ее в руках, выбрал сигарету,

принюхался, даже лизнул языком кончик сигареты и только тогда закурил.

— Может, присядем?

Они поискали взглядом местечко поукромнее, но не нашли. Тогда дед Пенчо схватил Коева за руку и потянул к своему фаэтону.

— Садись, прокачу! Поехали в Орешниковую рощу. Там сейчас свадьбы играют. Ритуальный дом построили. Хоть бы свадебным, что ли, нарекли. Так нет, кому-то в голову взбрело ритуальным прозвать. Там сейчас ни живой души, посидим, поболтаем.

Коева, по правде говоря, несколько удивила настырность старого извозчика, но отказаться и на этот раз означало обидеть старика. На это у Коева духу не хватило. Под веселый звон колокольчиков они покатили по тихой улице вдоль реки. Коев помнил и эти места. Когда-то здесь зеленела так называемая Орешниковая роща — живописное предместье с вековыми ореховыми деревьями, отлогими холмами, поросшими густой травой. Порой забредал сюда одинокий пастух со стадом коз и овечек. Влюбленные назначали здесь свидания... Нередко заявлялись любители погулять на природе, стелили скатерть на траве и вели нескончаемые разговоры в узком мужском кругу.

Впоследствии этот зеленый островок почти весь застроили. Уцелел лишь какой-нибудь десяток ореховых деревьев, по-прежнему кряжистых и мощных, а среди них высилось белое здание Ритуального дома.

Фаэтон въехал в тень. Дед Пенчо издал привычное „Тпрру!“ и коляска остановилась. Они сошли и, мино-

вав маленький мосток, очутились на небольшой полянке с зеленой скамейкой.

— Сюда особенно люблю приезжать, — торжественно произнес извозчик, приглашая своего спутника присесть.

Мягкий солнечный свет освещал все вокруг, в воздухе еще витал стойкий запах трав, ореха и влажной земли. „Интересно, что за таинственность", — думал Коев, исподтишка поглядывая на старика.

— Дай-ка мне еще одну цигарку...

Коев с готовностью протянул пачку, выждал, пока дед выберет себе сигарету, и сам закурил.

— Так вот у меня к тебе какой разговор, Марин. Прослышал я, старые бумаги ты ищешь. Такая молва о тебе ходит...

— Проведал, значит. Ничего тут от вас не утаишь, — засмеялся Коев. — И откуда только все известно?

— Сорока на хвосте принесла. В нашем городе вмиг весть разносится. Потому, поди, и разводов мало. Чуть глазом в кого стрельнул — сразу растрезвонят. Со здешней бабенкой и не вздумай шашни заводить, так ославят, что неповадно будет. А вот с приезжей — иное дело... — подмигнул дед и от всей души захихикал, выставляя напоказ искусственные зубы с зажатой в них сигаретой. Курил он, что называется, со смаком, жмурясь от удовольствия.

— Ты вроде хотел мне что-то сказать...

— Давнишнее все... Про Шаламанова.

— Говори же, бай Пенчо.

Старик помолчал.

— Этот самый Шаламанов, Марин, стреляный воробей, на мякине его не проведешь. Самолично с ним знался, потому как не раз возил туда-сюда. И всегда одного.

— Без телохранителя?

— Без всякой охраны. Сам до зубов вооружен. Мало того, что под пальто всегда пистолеты носил, так иногда даже в фаэтон автомат прихватит, под подстилку прятал, — у меня всегда на всякий случай имелась...

— В форме ездил или в штатском?

— Какая тебе там форма! В штатском. Порой так и не узнаешь его. Сперва пошлет своего человека, вытребует меня. Я подъеду к участку, он вскочит в фаэтон и готово. Только брал я его не с парадного входа, ты его знаешь...

— Знаю...

— ...а с задворок, с черного входа. Покажется и — гоп! — в коляску. Маршрут известный. Туда-сюда попетляю и айда в село Танево, в горы.

— Значит, в Танево его возил?

— Ага, туда. Проезжали через все село, на окраине привал устраивали. Он сразу соскакивал и, не успею я оглянуться, как он шмыг в заросли терновника. Поначалу, думал, шуры-муры у него с какой-нибудь кралей — уж больно долго ждать заставлял. Потом только раскумекал. Мужики его там поджидали. Когда один, когда двое... Примостятся себе в кустах и что-то, видать, обговаривают. Про что они толковали — не знаю, далековато все-таки. Но то, что разговоры они вели, это точно.

Коев посмотрел на старика — он весь оживился, в

глазах огоньки горят. Как будто видит те далекие события.

— Но все-таки что за люди были, как ты думаешь?

— Да я их знать-то не знал!

— Оружие у них было?

— Нет, ничего такого не замечал. Не было.

— Молодые, старые?

— Да кто их разберет. Люди как люди. Ездили-то мы туда все больше на ночь глядя, попробуй разгляди... Но не думаю, что старики...

Коев задумался.

— А на партизан они не были похожи? Тогда ведь многие в леса подавались, партизанили...

— Вот и мне такое на ум приходило. Однажды присмотрелся — в аккурат партизаны, но я себя одернул: с ума, что ли, ты спятил, Пенчо, что за небывальщина в голову тебе лезет? Да разве ж можно, чтобы наши, народные сыны, да с этим зверюгой знались. Это его люди... Может, засаду устроили, выловить кого надо, а может... Кто ж его знает...

— Сколько раз же ты возил туда Шаламанова?

— Да почитай все лето. Лето сорок третьего...

— Любопытно...

— Потому и надумал тебе сообщить, когда узнал, что прошлое тебя интересует. Тогда же, сразу после Девятого, мне и в голову не пришло сказать где надо про эти поездки... Так лучше поздно, чем никогда, а уж ты по себе примерь...

Старик сокрушенно покачал головой, посмотрел на резиновые сапоги и раздвинул буйную осеннюю крапи-

ву, росшую вровень со скамейкой. Они выкурили еще по одной сигарете и поехали в город.

— Хочу еще в больницу забежать, — вспомнил Коев об апельсинах.

— Давай подвезу! — с готовностью предложил дед Пенчо.

Попрощавшись со стариком, Коев вошел в больничный двор, продолжая раздумывать над рассказом деда Пенчо. Вот еще одна загадка — Шаламанов и Танево. Что заставляло его туда ездить? Встречи со своими осведомителями? Партизанская явка? Ведь как раз из Танево партизаны уходили в отряд. Как раз там и начались все крупные провалы.

Однокашника своего он не застал в больнице, а дежурный — молодой врач не поддавался никаким уговорам. Однако узнав, что за посетитель пожаловал, не только сменил гнев на милость, но и сам взялся проводить его. Кона лежала в том же положении, но трубочки уже убрали. Она не спала.

— Добрый день! — бодро поздоровался Коев.

— Добрый день, — тихо откликнулась женщина.

— Случайно апельсины увидел, решил тебе принести. Чем еще можно обрадовать больную?

Женщина улыбнулась.

— Спасибо.

Глаза ее наполнились слезами.

Коев присел на постель.

— Ты только не тревожься. Все обойдется...

Он стал расспрашивать о самочувствии, Кона пожаловалась на головную боль.

— Надеюсь, постепенно пройдет.

— Понятно, пройдет. Чтоб у молодой женщины да не прошло...

— Уж куда как молода, — глаза ее снова заволокли набежавшие слезы.

— Кона, — еле слышно, задушевно сказал Коев, — ты хоть бы одному мне поведала правду. Что произошло, скажи...

В глазах женщины мелькнул страх.

— Для твоего же добра прошу.

Она отрицательно покачала головой.

— Если честно, то и дядя твой может пострадать.

Кона приподнялась на постели.

— Дядя... Какой бы он ни был, у меня никого на свете больше нет. Никого, одна я...

Она заплакала.

— Пойми, не зря же я допытываюсь. Тебя до смерти запугали, чтоб молчала, а ведь старика и прихлопнуть недолго.

Кона продолжала плакать.

— Тому головорезу ничего не стоит прихлопнуть старика. Ты могла бы нам помочь, сказать, кто за вами охотится.

Женщина утерла слезы.

— Только никому, ради бога, ни словечка. Умоляю!

— Обещаю, Кона!

— Шопом его кличут... Это все, что я знаю. Видела его несколько раз у дяди. Шоп... Больше ничегошеньки о нем не знаю...

— Шоп?! Ш.? — Коев попробовал разговорить ее,

узнать что-нибудь, но тщетно. Тяжело дыша, пострадавшая упорно молчала.

Коев вышел в коридор. Там сидела дежурная сестра.

— В пятой палате у вас лежит Кона. Оставил ей апельсины. Будьте добры, дайте ей.

— Не беспокойтесь, товарищ Коев, непременно дадим, — заверила сестра.

„Вот и она меня знает“, — подумал Коев, и поспешил в милицию. Пантера отсутствовал, и Коев вернулся к себе в гостиницу.

Так что же получается? Шоп[1]... А может, это кличка Шаламанова? К тому же Шаламанов родом из софийского, значит шопского села... Мог же матерый фашист вести двойную игру, раздумывал Коев. С одной стороны, шеф госбезопасности, страшилище, державшее всех под каблуком, заставлявшее кланяться до земли даже военных судей и легионеров, не говоря уже о более мелкой сошке. А с другой стороны — таинственный уполномоченный Центрального Комитета, который держит связь с нелегальными и в этой своей ипостаси сотрудничает со Старым и с другими коммунистами, передает инструкции якобы из „центра“, получая взамен ценные сведения... Возможно ли это? Надо обладать недюжинным артистическим талантом, чтобы держать в неведении столь длительное время массу народа. Был ли такой талант у Шаламанова? Каков был его характер, наклонности, увлечения?..

Мысли, словно пчелы, роились в голове журналиста.

[1] Шопы — название жителей сел Софийской области.

Не в силах оставаться с ними наедине, он устремился в кафе к Петру Данкову, затем поспешил в ателье к Вельо, но там ему сказали, что фотограф поступил в больницу. Он пошел к Доке, а оттуда они вместе направились в знакомый ресторанчик, где с удовольствием пообедали. Коев даже к бай Симо-бондарю зашел и просидел там довольно долго.

Коев не стал бы утверждать, что все эти встречи дали ему много нового, но кое-что все же удалось узнать.

Петр Дянков:

— Шаламанов? Да кто ж его, черта, знал! Какие наклонности проявлял? Ты так спрашиваешь, будто речь идет о человеке. Это тебе не Вельо, которого в молодости, хлебом не корми, только дай на сцене по-обезьяньи покривляться... Шаламанову ни жратва в радость была, ни выпивка, ни бабы, ни друзья. И жену себе под стать взял, так даже ее и дочерей своих ни во что не ставил. Все один, как крот в норе. Дома бывал редко, ровно бродяга какой...

Димо Доков:

— Хм... Мировая идея! Значит, Шаламанов... Видишь ли, от такого подлюги всего можно ждать, он и воскреснуть может. Оборотень настоящий... Артистические наклонности? А шут его знает! Ведь он ни с кем толком не общался. Увидишь мельком на улице, или в участке... Впрочем, пару раз доводилось-таки сталкиваться. Однажды, когда нас арестовали, он захотел с нами поговорить. Это еще до того, как меня в армию призвали, молодой я тогда был, молоко на губах не об-

сохло. Он и пошел соловьем разливаться. Голосок такой льстивый, вкрадчивый, прямо медовый. Болгарские идеалы восхвалял, царей величал... Представь себе, очень убедительно действовало. Мы уши развесили, готовы были поверить, будто и вправду он за народ радеет, о благополучии его печется. Подкупить нас пытался, даже сочувствие нам выказывал, сам, мол, в молодости заблуждался... По спине нас похлопывал, подбадривал, снисходительно так над нами подтрунивал. Я, говорит, надеюсь, что когда мы вас отпустим, вы опомнитесь и ерунду из головы выбросите, поймете, наконец, что нам, болгарам, чужды всякие там большевистские теории, что наипервейший наш долг — хранить верность царю. Перед нами стоят исторические задачи, и кому, как не вам, молодым, засучив рукава, решать их? Даже угостил нас под конец. Да, именно так было. Но притвориться до такой степени, чтобы войти в доверие к партизанам и самому связь с ними держать — знаешь, в голове не укладывается... Лицедей, конечно, но иначе грубым он был, неотесанным, средств не выбирал... Так я думаю.

Симо-бондарь:

— Ты, Маринчо, про Шаламанова лучше меня не расспрашивай. Ничего путного от него никогда не видел и даже вспоминать не хочу. Был ли хитрым? Мало сказать, хитрым — лукавее него на свете не было. Куда там лисице! Хорошо, что Девятое пришло, и с ним счеты свели. По моему разумению, так его не столько парады влекли и показуха, сколько тайные махинации, двурушничество. Жить не мог без того, чтобы кому-то

что-то не скроить. Одно время повадился в нашу бедняцкую слободку ходить. Чего он тут искал? Главное, не боялся, а ведь и прикончить втихаря могли. Костюм на нем гражданский, шляпу на нос надвинет и идет, словно князь... Какого цвета шляпа? Ночью все кошки серы. Может, и черная была... Однажды, помню, видел, как он от тетки Янки выходил... Да, да, от них. Сам удивился, что его туда носит?

После слов Симо-бондаря, крайне его озадачивших, Марин отправился к бывшей своей соседке. Завидев его, тетка Янка прямо-таки расцвела: такой гость пожаловал! Ведь она его помнила ещё в коротких штанишках, к ним во двор за кизилом и инжиром лазил...

Шаламанова она хорошо помнила.

— Много раз видела, да и бывало словом перекинемся. Он заходил к нам часто. У нас снимали комнату двое парнишек, один из них ему даже родственником приходился. В каком родстве точно не скажу. Потом я догадалась, что он меня за нос водил... Агентами они ему служили... А я, голова садовая, ушами хлопала. Парнишки? Да они и сейчас живы, потолкуй с ними.

Марин записал адреса.

Одного звали Ангел Указов. Чудная такая фамилия, Указов! Самая подходящая для агента, все на кого-то указывает...

Указов жил у самой речки в небольшом ветхом домишке. Коев застал его дома.

— Рад познакомиться, — сказал Указов, немолодой уже, сутуловатый мужчина.

Вытерев руки о штаны, он пригласил гостя в дом.

— Все правильно. С Шаламановым был знаком, и не думал скрывать. Где надо, сам об этом сообщил. Так что совесть чиста. Бывал ли он у меня? Бывал. Мы тогда у тетки Янки квартировались вдвоем с Гошо Банговым, земля ему пухом. Недавно умер. Шаламанов нанял нас в рабочие, дом себе строил в селе Яблоково. Подсобляли строителям. Но заходил он совсем по другому поводу, чего уж юлить. Мы тогда работали на ткацкой фабрике, там, где сейчас текстильный комбинат. Так он, бывало, заглянет к нам вечерком, бутылочку распечатает и давай выпытывать. Что мы ему говорили? Чушь несли всякую. Думал в доносчики нас завербовать. Хотите, предлагал, зачислю в свой штат, дополнительную зарплату получать будете. От вас только одно требуется: докладывать о положении на фабрике. Мы все тянули с ответом, пока нас не уволили. Повсюду искали работу, потом устроились на консервную фабрику, там и платили получше. Он нами перестал интересоваться. Как был одет? В гражданской одежде. И всегда в шляпе...

Вот тебе и Шаламанов, думал Коев, вернувшись в гостиницу. Он намеревался позвонить Пантере, может, сообща что-нибудь придумают... Вдруг телефон резко зазвонил. Коев даже вздрогнул. Звонили снизу, просили взять пакет, который оставила ему сестра. Она два раза приходила, но не застала и попросила передать... Коев спустился на лифте, взял пакет и почти бегом вернулся к себе в номер. Вскрыв пакет, он вынул блокнот и записку от сестры: „Марин, нашла этот блокнот, думаю,

он тебе может сгодиться. Не уезжай, не дав о себе знать!“

Марин Коев повертел в руках блокнот, стал перелистывать. В дверь постучали. В комнату вошел Пантера.

— Здорово, интеллигенция! — раздался его зычный голос. — Давай, одевайся, и пошли в берлогу того...

— Чью берлогу?

— Там на месте увидишь.

Марин Коев быстро оделся. У гостиницы их ожидала „Волга“. Он попробовал было узнать, куда они едут, но увидев, что Пантера уткнулся в какие-то бумаги, промолчал.

Спустя некоторое время они въехали в один из переулков Вароши, сплошь застроенный складами, пакгаузами, загроможденный штабелями бревен. Павел остановил машину. Они вышли и направились по крутой тропинке, петляющей меж домов. Вскоре вышли на ровную полянку, упиравшуюся в холм, другой ее край обрамляла река. У самого берега не то сарай, не то барак какой. У входа стоял милиционер. Пантера открыл дверь и пригласил Коева войти.

— Вот она, звериная берлога, — торжественно объявил он.

Коев посмотрел на него в полном недоумении.

— Тут мы нашли кое-какие вещички, так попрошу тебя осмотреть их.

Он подошел к единственному шкафу в помещении. Остальные предметы, грубо сколоченные из случайно найденных материалов, были оклеены плакатами и цветными календарями.

— Загляни-ка сюда!

Коев подошел поближе.

— Осторожно, не провались, доски-то прогнили...

В досках местами зияли дыры. В воздухе стоял запах смазочного масла и бензина. Грязная лампочка, свисавшая с потолка, неярко освещала все кругом.

Коев заглянул в шкаф. При тусклом освещении он сперва даже не смог сообразить, что там лежит, но потом, когда глаза привыкли, различил стопку тетрадей и снимки. Взяв самый верхний, он даже воскликнул от удивления. Это была фотография отца.

— Как сюда попала эта фотокарточка?

— Потом разберемся. Взгляни на тетрадки.

Коев перебрал тетради.

— Но это же все записки отца...

— Как раз это я и надеялся от тебя услышать. Присмотрись к пометкам.

Только сейчас Коев заметил подчеркнутые Старым абзацы, вписанные вразброску адреса.

— Как все это здесь оказалось?

— В том-то и дело, — загадочно взглянул на него Пантера. — Пока важно, чтобы ты опознал вещи Старого.

— Тут сомнений быть не может, его эти вещи.

— А фотография?

— И фотография его.

— Все ясно, — коротко повторил свое излюбленное изречение Пантера. — Ну, потопали.

Коев еще раз окинул взглядом помещение. За сундуком несколько досок было оторвано, и одна из них раскачивалась под порывами ветра.

— А там что?

— Через это отверстие он улизнул, когда мы постучались. Ничего, никуда он не денется. Теперь, можно сказать, пташка в наших руках — все ходы и выходы перекрыты. И все же любопытно, что он предпримет. Очень даже любопытно...

— Так кто же он?

Пантера подошел вплотную.

— Ни за что не поверишь, если скажу.

Подбежал Павел.

— Товарищ подполковник, у майора Аврамова срочное сообщение.

Начальник поспешил к машине. О чем они переговаривались по радиотелефону, Коев не слышал.

— Немедленно в управление, — бросил Пантера Павлу. — Тебя, Марин, подбросим в гостиницу.

Подполковник сел рядом с шофером и взял трубку.

— Митев! Приготовиться к выезду. С Аврамовым ждите меня у входа!

Коев еле сдерживался, чтоб не забросать Пантеру вопросами, однако понимал, что сейчас не время. Выйдя у гостиницы, он сразу поднялся к себе. То, что он увидел своими глазами, а более всего поведение друга его крайне озадачили. Явно, в последние несколько дней работники МВД распутывали сложный узел, возможно, даже напали на след преступника.

Марин Коев попытался прочитать газету, но строчки сливались перед глазами. Судя по реакции окружавших его людей, случилось нечто из ряда вон выходящее. Развязка неотвратимо приближалась. Неужто удастся, наконец, внести полную ясность?

Взгляд Коева упал на блокнот, в спешке оставленный на столике — маленький блокнотик давнишнего образца, помятый и потертый. На первой страничке было выведено имя Старого, год и название города. Дальше шли какие-то цифры, подсчеты. Его внимание привлекла одна страничка, на которой стояло:

ДНЕВНИК

Марин Коев был донельзя удивлен: оказывается, Старый вел дневник! Ничего подобного он не ожидал. О чем же он, в сущности, писал? Рассказывал о разыгравшейся драме? Или брался за перо в часы досуга, записывая события просто так, для развлечения?

Коев хорошо помнил почерк отца, аккуратный, почти калиграфический, с соблюдением всех правил чистописания — где надо с нажимом, а где — без; буквы не очень крупные, но и не слишком мелкие. Сколько писем, рефератов, школьных дневников и журналов хранили этот почерк!

Дневник открывался датой первого января 1943 года. Старый вкратце описывал обряд колядования, подчеркивая, что он носит не христианский, а языческий характер. Ничего христианского в этом обычае нет, писал он, одни лишь веселые новогодние забавы. Из века в век передаются песни, игры, застольные ритуалы. Дальше шли рассуждения насчет названий месяцев. Старый недоумевал, зачем взят у европейцев „январь“, раз есть у нас свой Большой Сечень? За ним идет и Малый Сечень — февраль. Для марта народ придумал название Баба-Марта... Он отмечал, что даже война, голод

и карточная система не стали помехой для народных празднеств. Говоря о войне, однако, не преминул упомянуть, правда, в двух словах, о победе советских войск и потерях фашистов на Восточном фронте, перечислил немало боевых эпизодов, привел важные на его взгляд даты и цифры. Собственные мысли перекликались у него с высказываниями великих личностей, политиков. Вперемежку с ними мелькали сведения о погоде: например, „... пошел снег. Много снега навалило, пронизывающий холод...“, „...багряный закат. К ветреной погоде...“, „...думаю разводить пчел. Не только из-за меда. Интересно наблюдать за их жизнью...“ По мере приближения даты убийства подпольщиков, Коев стал вчитываться пристальнее.

„1.III.1943

...сегодня в небе показались американские „летающие крепости“. Несколько эскадрилий. Летели низко. Серебряные корпуса блестели на солнце. С пригорка по ним стреляли наши зенитки. Видел, как шрапнель осыпает самолеты, не причиняя им никакого вреда. Поднялись в воздух и истребители. То ли немецкие, то ли наши — не понять. Покружили и исчезли. Бой не состоялся. „Летающие крепости“ полетели бомбить Плоешти“.

„2.III.1943

Нашел в одном сундуке школьные тетрадки. Кто знает, с каких пор лежат. Сидел, исправлял ошибки. Ребята писали сочинение о Василе Левском. Все обрисовали Дьякона таким, каким его представил Вазов, прене-

брегая историческими фактами. Любопытно. Детей привлекает не истина, а вымысел..."

Коеву вспомнилось, как часто Старый выступал против идеализации исторической личности. Их надо представлять правдиво, такими, какими они были в действительности, настаивал он. Мать держалась противоположного мнения. Наделенная недюжинным поэтическим талантом, она сделала своим девизом красоту, говоря, что ее, в частности, не интересует, каким точно был Левский, что она вполне верит Вазову, описывающему его героизм...

„3.III.1943

О. и М. хотят уехать.

(Больше ничего. „О. и М. — это Орел и Моряк", — подумал Коев. Он торопливо перевернул страницу.)

„4.III.1943

...на вокзале появились русские военнопленные. Многие ходили смотреть на них, несмотря на полицейский кордон. Их используют в качестве чернорабочих для разгрузки угля. Возможно, двое из них... (неразборчиво). Посмотрим, что будет дальше. В больницу опять привезли раненых немецких солдат. Сотни солдат. Ужасающее зрелище. С ампутированными руками и ногами. С перебинтованными головами. Есть и обмороженные. Но даже будучи калеками, успевают сбывать награбленное добро. Черный рынок процветает".

„5.III.1943

Снова пролетали американские „крепости". О. и М.

спрашивали, какое решение принято. Видно будет. Жду Ш."

(Коев еще раз прочитал запись. „Жду Ш." Следовательно, Старый знался с Шопом. С Шопом или Ш. Одно и то же лицо. Шоп... Дядя звал его Шопом, вспомнил он слова Коны. Выходит...)

„6.III.1943

Был в Остенове, Габыре и Милеве. Встретился со старыми знакомыми. Хотел подняться в горы, однако наткнулся на полицейский патруль. Один остеновский пастух сказал мне, что не так давно там было сражение. Подтянули войска. Но кто с кем дрался — не знает, только слышал, как весь день и всю ночь грохотали пушки. Одного курсанта тяжело ранило, и его перенесли в загон для овец, там он и скончался. Ходят слухи, будто охотились за парашютистами, так оно или нет — не знаю. Во всяком случае однажды ночью какой-то лесничий увидел в лесу вооруженных парашютистов и сообщил в общину. День-два спустя лесничего нашли в лесу мертвым. Пристрелили..."

„7.III.1943

...У меня плохое предчувствие. Многое не могу объяснить. Кажется мне или на самом деле... (неразборчиво)... снова пошли провалы".

„8.III.1943

Решили с О. и М., чтобы я подал заявление на должность сельского старосты. Если назначат, то можно бу-

дет держать постоянно связь с партизанскими отрядами и базами...“

(У Коева потемнело перед глазами. Значит, это Петр и Спас уговорили его подать заявление. Вот о чем он молчал. Их не стало. Кто мог подтвердить, что они знали об этом? Делились ли они с кем-либо? Указание такое было или они сами решили?)

„9.III.1943

Ш. принес радостную весть. Все улажено. О. и М. сам передам...“

„10.III.1943

Третью ночь не смыкаю глаз. Засыпаю только на рассвете. Все мне кажется, будто за мной следят. Буду описывать все свои сомнения... (неразборчиво)... Только К. знает, где я прячу свои записки...“

„11.III.1943

Провал. Из округа приехал один негодяй. Без разрешения нельзя покидать город“.

„12.III.1943

Нужно бежать, но куда? Придет Ш. Я нужен здесь...“

„13.III.1943

Вчера меня арестовали. В управе было еще несколько парней из окрестных сел. Били их смертным боем. Допытывались, с кем поддерживаю связь. Временно меня выпустили. Завтра встречусь с О. и М. Место оговорено. Как-нибудь проберусь днем, когда за

мной меньше следят. Нужно им сказать, чтобы готовились. Уйду с ними... Может статься, что больше никогда не вернусь..."

Вот оно что... У Коева на душе стало легче. Все-таки дознался. Он стал уже спокойнее перелистывать страницу за страницей, вчитываясь в каждую строчку. В самом конце дневника шли отрывочные записи, без даты, сделанные словно наспех.

„...Город потрясен. Трупы их бросили перед управой с дощечкой на груди — „Враг Болгарии"... (неразборчиво)... Участились аресты. Раскрыта подпольная организация в гарнизоне. Шесть человек будет судить трибунал. Двоим удалось бежать. Их окружили в мельнице... Они покончили с собой... На следующее утро и их тела лежали перед зданием управы..."

Коев все листал и листал.

„Тщетно пытаюсь понять, кто же предатель... Не успокоюсь, пока не раскрою... (неразборчиво). Напал на след, а вдруг ложный? Что если очерню невинного человека? Совесть не позволяет..."

Дальше были вычерчены какие-то абсолютно непонятные знаки. В знаках — буквы. От напряжения у Коева даже в глазах зарябило. Еще говорилось о снимке.

„Исчез Человек в черной шляпе... Сохранить снимок. Любой ценой!"

В конце шла запись, сделанная уже после войны. „Человек в черной шляпе, Шоп, и есть..."

Коев почувствовал, как под ногами разверзается

земля. Неужто... Кошмар какой-то! Нет... это ведь... Нет!..

Первое, что механически проделал Коев, — набрал номер Пантеры. На другом конце провода он услышал голос Эли, сообщивший, что Пантеры нет. Коев назвался. Секретарша пояснила, что товарищ подполковник ушел вместе с майором Аврамовым и капитаном Митевым. Кажется, они уехали куда-то за город. Коев поблагодарил и сказал, что позвонит попозже...

Непослушными пальцами он достал сигарету, закурил, жадно затянувшись. Быть того не может! Как он жаждал найти развязку, а она оказалась столь простой. В памяти всплыл тот мартовский день, когда к ним впервые пришел Человек в черной шляпе. В то время один его дружок, проказник и мастер на все руки, купил у немецкого солдата какой-то ящичек, аппаратик для снимков, который к удивлению окружающих даже щелкал. Марин тогда снял отца и Человека в черной шляпе. Долгие годы карточка хранилась у них дома. Интересно, где она теперь? Коев торопливо обулся, натянул плащ и почти бегом отправился в отцовский дом...

— Марин! Марин! — закричал кто-то ему вдогонку.

Коев только рукой махнул, пересек старый мост над рекой, обогнул школу и церковь...

Вот он, их двор. На двери висел уже выцветший некролог. Лицо Старого показалось ему неестественным. Не таким он запомнил отца. Он всегда куда-то торопился, секунды не мог усидеть на месте. Живые глаза с веселыми искорками играли задорным блеском. Даже избитый до полусмерти, с окровавленным лицом он выглядел победителем. В класс входил уверенно и энергично.

Только в больнице, при последнем свидании... „Все вынес, — думал Коев, — арест, преследования, угрозы, то, что его перед товарищами опозорили. Сдался лишь тогда, когда физически не смог выдержать, когда мозг вышел из повиновения, когда губы еле слышно произносили клички боевых коней: Сивка, Белый, Вороной... Сюда! Сюда! — лепетал Старый, протягивая руки...“ Слезы наворачивались на глаза при виде отца в таком состоянии. „Не слишком ли жестоко? Нет ли в том и моей вины?“ Теперь эта мысль с новой силой пробудилась в его сознании, причиняя боль, заставляя испытывать к себе презрение за собственную безучастность, равнодушие к судьбе родного человека. Коев попытался себе представить, как он может выглядеть в старости. Нелюдимый, даже корня не пустил, не создал потомства, слава богу, хоть жену, которая... А что, если ее у него отнимут? Нет, нет, только не это, тогда полный крах. Одиночество, всепоглощающее одиночество, отрешенность от всего сущего, без которых якобы немыслимо творчество, казались теперь ему невыносимыми...

Дверь на верхний этаж была распахнута. „Наверное, сестра забыла запереть“, — подумал он. Быстро вбежав по ступенькам, он вошел в просторную гостиную и толкнул дверь комнаты, где когда-то обитал Старый. Шкаф стоял на месте. Словно вчера его заказали краснодеревщику и тот его сделал из отличного орехового дерева. Все лето оно сушилось во дворе, потом столяр его выстрогал, разметил, нарезал. На стене рядом висели снимки. Георгия Димитрова и его матери — бабуш-

ки Парашкевы. Тут же и портрет соратника Димитрова — Васила Коларова. Под ним, как и прежде, красовался резной сундук, расписанный павлинами и лебедями. Сохранилась также картина — Сатана, оседлавший козла, и склонившийся над ним божий ангел... На ветхой этажерке были расставлены тома Горького. Как во сне стоял Коев среди памятных с детства реликвий, не в силах справиться с грустью, охватившей все его существо. Тряхнув головой, он вышел из оцепенения, ощутив смутную тревогу: что-то случилось, скорее ощутил он, чем понял умом. Какое-то неосознанное, но уже неотвратимое предчувствие беды, неведомое и таинственное. Но почему? — недоумевал Коев, вглядываясь в книги, в разбросанные на полу папки, рассыпанные бумаги, документы... Вот оно что, наконец-то понял он, кто-то рылся в бумагах, искал что-то в шкафу. Повсюду валялись в беспорядке снимки, газеты, бумаги, школьные билеты... Прямо под ногами лежал портрет — отец и мать. Коев бережно поднял его, смахнул пыль и всмотрелся в дорогие лица, канувшие в вечность, лица милых сердцу людей, которых он забывал, пока они были живы, и так болезненно страдал по ним сейчас, когда они уже давно обратились в прах...

Вконец обессиленный, он присел на топчан. И тут не обошлось без Шопа... Но разве не мог Шоп предположить, что самое ценное сохранялось не в отцовском шкафу — сестра держала его в заветном тайнике, в комоде с бельем, именно там была спрятана картонная коробка с документами, фотографиями и деньгами. Коев встал, выдвинул ящик, нашарил и извлек до боли знакомую коробку, перевязанную розовой ленточкой.

Он поставил ее на стол и, не спеша развязав ленточку, стал вынимать содержимое. Вот она, фотография, сделанная его другом детства. Лестница, цветущие георгины, отец в сорочке, над высоким лбом веется буйная шевелюра, а рядом Человек в черной шляпе... Сестрица, родненькая, спасибо тебе!

Держа в руке фотографию, Марин направился в комнату Старого. Наконец-то он располагал вещественным доказательством. Сейчас он пойдет к Пантере, покажет ему дневник и фото, и все... Можно поставить точку!.. Он даже не услыхал шума за спиной. В какое-то мгновение его пронзила острая боль в голове. Падая, он увидел вспышку, очень яркую вспышку, потом все погрузилось в мрак.

Посередине комнаты стоял Человек в черной шляпе. Марин Коев сразу узнал его. Сомкнутые брови, въедливые голубые глаза, усы... Но куда девались те пышные усы? Теперь усов не было. Зато глаза — глаза остались те же. Мужчина, не отрываясь, глядел на Коева, не произнося ни слова. Точь-в-точь офицер, приходивший к его софийской хозяйке, ревновавший свою любовницу... Высокого роста, чуть сутуловатый. Ледяной, острый, как рапира, взгляд. Как ни отворачивайся, этот взгляд неотступно следит за тобой, парализуя, выхолаживая кровь. Еще секунда, и с ним будет покончено... Коев приподнялся. Человек в черной шляпе не двигался. Его бледные губы были плотно сжаты. Резко выступавшие скулы выдавали лицо преступника. Из оттопыренных ушей что-то текло. Коев сначала не понял, что вытекает из этих острых ушей, пока не нащупал теплую,

липкую грязь. Она исходила от Человека в черной шляпе, вытекала тонкими струйками, наползая прямо на Коева. Он отодвигался, но она продолжала ползти. Коев поднял пальцы к глазам и только тогда заметил, что они в крови. Он поднялся. Человек в черной шляпе не двигался. Стальной взгляд, как нож, резал Коева. Собака в его ногах лизала кровь. „Он мертв, — подумал Коев, — мертв". Крикнул, из горла не вылетело ни звука. „А вдруг и я мертв?" — шевельнулось в сознании. Кровь так и хлестала. Она уже залила собаку, одна только морда торчала сверху, плотоядно облизываясь. Человек в черной шляпе разомкнул мертвые губы, показались лошадиные желтые зубы и послышался утробный хрип: „Ты предатель... Ты предатель..."

Эхо усилило его слова, и они прокатились по комнате, сотрясая окна.

Коев сжался в комок, его колотило от страха. „Шоп, но почему я?" — кричал он. Человек подошел поближе. В руке белел лист бумаги.

— Все тут напиши. Не оставлю тебя, пока не напишешь всего, что обо мне знаешь, — рокотал его голос.

Коев хотел возразить, что даже имени его не знает, никогда с ним и словом не перемолвился, понятия не имеет, кто таков.

— Ты все знаешь, — гремел голос, — ты полностью описал меня.

Коев корчился на полу в луже крови. Голова разламывалась от боли.

— Шоп... Шоп... Шоп... — шептал он.

— Марин! Марин! — кричал чей-то голос, но он не

мог вырваться на поверхность воды. Именно воды — синей и прозрачной. Водоросли. Зеленое каменистое дно... Как много водорослей. Они колышутся, впиваясь в тело, причиняя нестерпимую боль...

— Марин! Марин! — звал голос, знакомый и близкий.

Марин Коев открыл глаза.

— Пантера...

— Слава богу, очухался. Я, было, подумал, что он пришил тебя.

Коев огляделся. Он лежал на топчане Старого. Врач укладывал шприц, рядом с ним стоял капитан, что приходил в гостиничный номер, и что-то записывал.

— Я как увидела, что он входит в дом, подумала, что Тинка здесь, — говорила толстуха, в которой Коев с трудом узнал почтальона Донку. — Она в основном у дочки живет, а мне передать ей кое-что надо. Зову ее, зову, никто не отзывается. Поднялась наверх, везде все нараспашку, а на полу человек лежит...

— Погоди, погоди, — прервал ее начальник. — Вы когда заметили, что товарищ Коев входит в дом?

— М-м-м, когда мимо проходила... У меня десять домов по одну сторону, я их обошла и снова вернулась к Коевым...

— За сколько минут вы обходите дома?

— Так разве ж я считала... На часы не смотрю. Но, положим, Колевым письмо отнесла, газеты бай Петру... Бабе Кере пенсию... Минут пятнадцать, пожалуй. Может, и поменьше будет.

— А после?

— Так сказала же. Поднялась по лестнице, думаю, наверно, Тинка уснула, мало ли что... Вхожу, а этот товарищ лежит. Я побежала, кликнула соседей, они — вас...

— А случайно не заметили, выходил кто из дома?

— Кому же оттуда выходить, коли Тинки нет?

— Скажем, незнакомый кто-то...

— Нет, не видала.

— Хорошо. Вы свободны. Если понадобитесь, вызовем.

Начальник помог Коеву сесть.

— Ну, герой! Видал, какую кашу ты заварил?

Коев пожал плечами.

— Знакомый прием, браток. Удар по голове сзади. Иди, знай, кто тебя двинул.

А разве его ударили? Коев с трудом вспомнил вспышку перед глазами, после которой он сполз на пол. Но неужели его ударили? Кону, ясное дело, ударили. Постой, постой, никого же поблизости не было. Никого...

— Я вдруг почувствовал резкую боль, будто молнией меня ударило...

— И никого не разглядел?

— Человека во всяком случае не было.

— Значит, с призраком ты повстречался. Кона тоже никого не углядела, сама с ног свалилась...

— Кона? Кстати, как она там?

— Да пришла в себя. Все в порядке. У всего вашего рода башка крепкая, — смеялся Пантера.

— Что правда, то правда, крепкая, — передалось веселое настроение и Коеву. — Всего самую малость и...

Голова была словно свинцом налита.

— Сколько же времени я провалялся?

— С час, по-моему.

— А кажется, годы прошли.

— Еще бы. Ведь ты столкнулся с призраком из прошлого...

Пантера опять умолк, не пояснив, что он имеет в виду. Коев уже не сомневался, что тайна раскрыта, но его приятель почему-то предпочитал держать ее при себе. „В конце концов, рано или поздно он ее откроет“, — рассуждал Коев.

Пантера обследовал комнату, заглянул и в шкаф с разбросанными книгами.

— Хитрый гад. И на этот раз из рук выскользнул.

— Все случилось мгновенно, товарищ подполковник, — докладывал капитан. — Знакомая ситуация. Все перерыл, взял, что ему было нужно, и удрал. А может, заметил, что в дом входит товарищ Коев, и потому заторопился... Но даже если и так, почерк все равно один и тот же — что в гостинице, что у Соломона, что тут. Лихорадочная спешка. Удар. Бегство...

— Вызовите экспертов. Проверить мельчайшие улики, отпечатки пальцев. Там остались и следы от обуви. А тут, как мне кажется, он оперся о стену.

Коев подошел к умывальнику, некогда сооруженному еще Старым, открыл кран и умылся. Вроде немного полегчало. Он сильно потер виски.

— Чем это он меня саданул? Кровь была?

— Нет.

Врач внимательно его осмотрел.

— Хлопнул, как и Кону: мешочком с песком. Это не убивает, но и следов не найти.

— Только сознание теряешь.

— Точно. Такой удар поражает большой участок. Сотрясение сильное, хоть и не смертельное. Травмы возникают при падении, можно упасть и не встать после этого. У Коны, например, были кровавые подтеки, но не от удара, а, как потом оказалось, она поранила при падении руку.

— Какие-то последствия будут? — спросил Коев, ощупывая темя.

— Нет. Не исключено легкое головокружение, голова может болеть. Вот вам несколько таблеток, примите, если сильно заболит.

— Пройдет, — прошелся Коев по комнате. — Ничего страшного.

Он принял одну таблетку, поправил одежду, отряхнул брюки... И вдруг спохватился:

— А где фотография?

— Какая фотография?

— Я держал в руке фотографию.

Подполковник взглянул на него испытующе.

— Не было никакой фотографии. Когда мы вошли, ты лежал на полу. Ты хорошо помнишь, что держал фотографию?

Коев заметался по комнате, посмотрел под половик, заглянул в шкаф, даже сбегал в соседнюю комнату.

— Значит, тот унес.

Пантера заставил его сесть.

— Соберись с мыслями и расскажи поподробней,

как все произошло. Что за снимок. В общем, все, что помнишь.

Марин мучительно припомнил случившееся. Значит, так... Он зашел в гостиную, а оттуда — в комнату Старого. Заглянул в шкаф, ему показалось что-то необычным. Сначала он никак не мог догадаться, что именно, после сообразил — все перерыто. Интересно, что искали? Снимок? Возможно, записную книжку. Он пошел в комнату сестры, зная, что в комоде для белья она хранит заветную картонную коробку. В ней хранился снимок Человека в черной шляпе... Марин видел собственными глазами, он его в руке держал, когда...

— Постой. Где точно ты находился, когда тебя ударили?

— Как будто тут, — указал Марин на коврик.

— Не мог ты там быть!

— Это почему же?

Пантера внимательно в него всмотрелся.

— Не мог да и только! А тот, кто тебя ударил, по-твоему, где стоял?

— Откуда мне знать?

— Зато я знаю. Ты рассматривал фотокарточку, направляясь к выходу. А тот, другой, спрятался за дверью. Он тебя и стукнул сзади.

Коев оглянулся.

— Вероятно, ты прав. Я действительно направлялся к лестнице, разглядывая снимок. Дверь была приоткрыта.

— Правильно, дверь была приоткрыта. Тот притаился за ней с мешочком наготове. Увидев фото у тебя в руках, замахнулся...

— Потому, вероятно, я ничего не услышал. Ладно, допустим, что все было именно так. Но скажи на милость, зачем ему все это делать?

— Ему нужно уничтожить улики, вот для чего! Ведь проще простого, эх ты, интеллигенция! Надо было приставить к тебе одного из моих ребят... Мы тоже дали маху.

— Но тогда он вообще бы не сунулся.

— Эка важность. Все равно мы бы его поймали, никуда он не денется. А ты тут самодеятельность развел. Герой нашелся. Хоть бы сказал.

— Я тебя искал...

— Эли мне сказала. Хорошо, хоть ей позвонил. Не то пришлось бы по всему городу тебя разыскивать... Ну, пошли. Капитан и без нас справится.

Начальник высадил Коева у гостиницы.

— Иди отдыхай. Один из моих молодцов пойдет с тобой. Отоспись как следует.

— Спасибо, Пантера! — Коев вдруг почувствовал навалившуюся на него усталость. Он вошел в спальню, разделся, присел на кровать. Кружилась голова. Зазвонил телефон. В трубке послышался Анин голос.

— Случилось что? — встревоженно спросила она.

Коев как можно беспечнее ответил:

— А что могло случиться?

— Перестань мне голову морочить, Марин! Пятый раз звоню...

— Не волнуйся, все обошлось.

— Как прикажешь это понимать?

— Да так, сущий пустяк. Просто ударился головой.

— Эх, Марин! Неужели ты думаешь меня обмануть?

Ну, отдыхай... До свидания.

Коев хорошо знал, что она предпримет... На следующий день он отлеживался в гостинице, а Аня, приехавшая первым же поездом, поила его соками, молоком, давала таблетки. Дважды заходил Милен. Наведывались Пантера и Дока. Они пытались выяснить кое-какие детали, но Коев никак не мог восстановить их в памяти. Что-то невидимое ускользало, никак не даваясь, не вырисовываясь четко, мысли путались.

На следующий день, где-то после обеда, когда невыносимая боль наконец-то утихла, и он почувствовал себя бодрее, Аня, уставшая от продолжительного бдения, свернулась возле него калачиком и уснула глубоким сном... На губах ее блуждала счастливая улыбка — она рядом с ним, все плохое уже позади.

День клонился к вечеру. Последние лучи солнца заглядывали сквозь широкие окна гостиничного номера, отбрасывая на постель золотистые блики. Коев написал крупными буквами на листке бумаги: „Я у Пантеры. Когда проснешься, позвони. Марин“.

Начальника на месте он не застал. Эли сварила ему кофе. Коев не пил кофе целых два дня и жадно потянулся в чашке. Спустя некоторое время в кабинет стремительно вошел возбужденный Пантера. Он обнял друга и пророкотал:

— Отдохнул? Молодец, знаю, что ты крепкий орешек. А вот с Вельо действительно несчастье.

— Диагноз подтвердился?

— Увы, да. Я только что из больницы.

— Его прооперировали?

— Удалили большую часть правого легкого...

— Ужасно!

— Да, жизнь наша такая. Вроде здоров человек, а на самом деле...

— Никто не знает, что у него внутри.

— Если бы хоть раньше спохватился... Но что теперь толковать? Хоть бы еще пожил...

Вошел капитан Митев. Вид у него был несколько странноватый: фуражка набекрень, ремень расстегнут...

— Что случилось? — строго спросил подполковник.

— Виноват, товарищ подполковник, вот... привел парнишку с виноградника.

— Какого парнишку?

— Ученик. Еду Соломону носил. Согласно вашему приказанию...

Подполковник поднялся:

— Еду Соломону, говоришь?

— Так точно.

— Что-то я в толк не возьму. А ну-ка, доложи как положено.

Капитан застегнул китель, затянул ремень — короче, привел себя в порядок.

— Как было приказано, расставили мы посты у дома Соломона. Наши ребята заметили, что поблизости вертится парнишка, а в дом не заходит. Его задержали. Оказалось, ученик девятого класса местной гимназии. Вызвали меня. Задержанный отвел нас в виноградник. И согласно вашему приказу...

— Откуда вы взяли, что он носил еду Соломону?

— Сам признался.

— Приведите его.

Капитан Митев вышел. Пантера обратился к Коеву:

— Что скажешь? Видишь, как все закручивается? Что тебе криминальный роман.

— Интересно... — задумчиво обронил Коев.

— Интересно или нет, но это доказывает, что Соломон жив. А для нас в данный момент...

Капитан ввел парнишку — худенького, длинного, с коротко постриженными волосами, одетого в брюки и свитер. Парнишка задержал взгляд на столике, где лежали остатки бутербродов. Внимательно осмотрел кабинет начальника, и в глазах у него мелькнуло разочарование. Неужто именно в этой комнате раскрыто столько таинственных историй?..

Пантера поздоровался с ним за руку.

— Ну? — усмехнулся он.

Парень молчал.

— Ты, говорят, кое-что знаешь про того старика.

— Знаю, где он отсиживается.

— Отсиживается? — нарочито безразличным тоном переспросил подполковник. Он пригласил мальчишку сесть, предложил бутерброд.

— В хижине он скрывается.

— А ты кем же ему будешь? Родственник? Знакомый?

— Наш виноградник по соседству.

— Выходит, ты его заметил случайно...

— Пошли мы с дедом за хворостом. Я заглянул в хижину, смотрю, дядя Соломон стоит за дверью. Поманил он меня. Вынул из кармана десять левов и пообещал дать, если принесу ему что-нибудь поесть.

— Вот так так, — не сдержался Пантера.

— Вроде как он прослышал, будто помер кто-то...

— Так, значит, ты покрутился возле дома, а потом прямым ходом к нему?

— Ага.

— И тут тебя перехватили наши люди, так, что ли?

— Мы его остановили далеко от виноградника, товарищ подполковник, — вмешался капитан.

— И где же эта самая хижина?

— Там, на холме.

— Сможешь нас отвести?

— Конечно. Хотя уже темно...

— Пустяки. Мы фонари прихватим.

— А можно и мне с вами? — взмолился Коев.

— Ладно уж, так и быть. Ты у нас стреляный воробей.

— Эли! — позвал обрадованный журналист. — Если позвонит Аня, объясни ей, что да как, передай, чтобы не беспокоилась.

— Хорошо, товарищ Коев. Обязательно передам. — Девушка подошла поближе. — Товарищ Коев, — сказала она смущенно, — скажите, чем Аня красит волосы, что они у нее такие черные?

— Ничем, моя девочка. Они у нее такие с рождения.

Машина рванула с места. Коев отлично помнил пригородок с виноградником. В прошлом и у них там был надел. Когда начинался сбор винограда, Марин по много раз взбирался на этот самый пригорок с корзиной. Дороги туда не было — только узкая тропинка, еле различимая среди слив, орехов, черешен, усыпанных зре-

лыми плодами, зарослей ежевики. Сейчас в гору вилась заасфальтированная дорога, и Коев едва узнавал знакомые с детства места. Светила полная луна, было видно, как днем.

— Долго еще? — спросил Пантера.

— Вон за той рощицей, — ответил парнишка.

— Остановись перед рощицей, Павел! — сказал Пантера. — Дальше пойдем пешком. Мы с капитаном впереди, сержант за нами, а вы двое поотдаль.

Джип остановился. Все вышли. Начальник шепотом отдавал последние распоряжения.

— Вот эта? — спросил он наконец паренька.

— Она самая, — подтвердил тот.

В лунном свете четко вырисовывался силуэт большой хижины. Вспорхнула ночная птица, и ее крылья со свистом вспороли ночной воздух. Было довольно сыро, но никто не замечал этого. Все осторожно двинулись вперед, стараясь ступать бесшумно. Сухая трава шелестела под напором осеннего ветра. В какое-то мгновение Коеву показалось, будто кто-то крадется в хижине, он вгляделся, но ничего не заметил.

— Стой! — коротко скомандовал подполковник. — Слушай мою команду. Капитан войдет в виноградник со стороны рощи. Я захожу справа. Павел останется на тропинке у ореха. А вы, — глянул он на Коева и парнишку, — будете стоять здесь. И, повторяю, чтоб ни звука.

Все заняли указанные места. Коев с мальчишкой прислонились к плетню. Ветер утих. Кругом стояла такая глубокая тишина, что Коев, казалось, слышал стук собственного сердца. Паренек рядом еле сдерживал

дыхание. И случилось совсем неожиданное.

Сначала они услышали грубый мужской голос:

— Значит, как мышь в нору забился. Думал, не найду тебя! Да я тебя, шкура, из-под земли достану!

— Шоп, ежели ты прикончил Кону...

— Молчи, гад! Сейчас и ты мне заплатишь... За все заплатишь... Живым я тебя не выпущу...

— Мать твою за ногу! — истошным голосом завопил второй. — Крыса вонючая! До сих пор я молчал, но за Кону я тебе не спущу...

— Ты замолчишь, или нет?

— Хватит, намолчался! — истерически вопил второй голос. — Все им расскажу. Ничего не утаю...

Послышалась возня, крики. Голоса смешались. Дальше уже ничего нельзя было разобрать.

Три фигуры метнулись к хижине. При свете луны было видно, как двое стали по обе стороны двери и как Пантера рванул ее на себя.

— Ни с места! — крикнул он.

На миг все смолкло. Пока луч фонарика шарил в темноте, прогремел выстрел, из хижины выскочил человек и, беспорядочно стреляя, пустился бежать в сторону долины. Пантера бросился за ним.

— Стой! Стой!

Человек с бешеной скоростью несся вниз, не разбирая дороги, перепрыгивая через кусты и постоянно отстреливаясь...

Капитан в два скачка догнал беглеца, однако тот вывернулся и выстрелил наугад. Потом блеснул огонек из пистолета капитана, человек на секунду застыл на

месте, словно удивляясь, потом качнулся и рухнул наземь...

— В хижину! Бегом! — скомандовал подполковник.

На полу стонал Соломон. По рубашке растекалось кровавое пятно...

Коев прошел вперед и остановился перед упавшим. Капитан осветил фонариком его лицо.

— Так я и знал, — тихо промолвил Коев.

На сухой траве лежал не кто иной, как бай Наско, шофер Милена. И только сейчас, по металлическому блеску застывших глаз и острому профилю Коев узнал Человека в черной шляпе.

Стараясь не шуметь, он отпер ключом дверь и вошел в номер. Отблески уличных фонарей по-прежнему играли на обнаженном плече Ани. Она спала глубоким, спокойным сном. Коев никогда не мог понять, как это ей удается. Ведь и у нее не раз бывали неприятности, и ей приходилось несладко. Но стоило ей лечь в постель, как все словно испарялось, лицо ее принимало спокойное, умиротворенное выражение. Аня умела спать не просыпаясь до утра — свойство, для Коева непостижимое... Он стал раздеваться, Аня услышала шорох и открыла глаза. Коев улегся рядом. Поняв, что его долго не было, села, оперлась на подушку и приготовилась слушать. Коев подробно рассказал ей о ночном приключении.

— Соломон, к счастью, ранен легко. От него мы узнали, что Шоп, лютый полицай, в свое время переехал из Софии. Так как там его слишком хорошо знали, на-

чальство решило заслать его в наш городок с заданием любыми средствами войти в состав ядра коммунистической организации. Располагая нужными сведениями и зная пароль, он предстал перед Старым... Дальше все просто... Как оказалось, могилу Шаламанова раскопали и ограбили, а впоследствии родня перенесла его останки на кладбище... Да, еще выяснилось, что не Соломон помог освободить Старого из-под адреста, а Шоп. Пошел к Шаламанову, переговорил с ним, они столковались — в противном случае Шоп терял связь с парторганизацией. Соломон же приписал себе чужие заслуги... Мы спросили его и о недостающих документах, содержащих показания Старого. Но о них ничего не известно. Один Шоп может сказать, где они. Но пока что он без сознания.

— Но почему все-таки он остался в этом городе, рискуя быть опознанным? — задумчиво сказала Аня.

Коев пожал плечами.

— Кто знает, может, выполнял еще какое задание.

— Возможно, даже не единственное.

— Но все-таки среди коммунистов он не пользовался широкой известностью. Внешность свою он изменил до неузнаваемости. А во всем прочем — человек как человек.

— А ты когда понял, что Шоп — это бай Наско? — спросила Аня.

— Да несколько раз мелькало что-то смутное. Но когда увидел записку с заклинанием „Молчи или умри“, напомнившем мне о Старом, то сразу подумал: тут кроется кто-то из наших, кто хорошо знал Старого. Тогда-то мне и пришло на ум, что Человек в черной

шляпе жив. А уж потом вычитал у отца в дневнике: „Человек в черной шляпе — Атанас Вутов, по кличке Шоп".

— Почему же ты не сказал Пантере?

— Во-первых, собирался, когда все понял, но того не было на месте. Во-вторых, он и сам, независимо от меня, пришел к такому же заключению. Знаешь, тот тайник с бумагами Старого...

— А Пантера как узнал о нем?

— Кажется, участковый что-то пронюхал.

— А кто выкрал показания Старого?

— Оказывается, их затребовали из округа. Никто их не воровал.

— Ну хорошо, — все больше оживлялась Аня. — А как же поездки Шаламанова в село, что они значат?..

— Танево? Как оказалось, Шаламанов развил тут активную деятельность. Он, конечно, встречался не с партизанами, а с полицаями. Засады устраивал. По совсем понятным причинам в Танево он ездил не в полицейском джипе, а на фаэтоне деда Пенчо. Раз даже извозчик усомнился, что он ездит к зазнобе...

— Понятно. Но все же отчего ты даже после удара не открылся перед Пантерой?

— Понимаешь... Как бы поточнее выразиться... В общем, после удара временами у меня стали появляться провалы в памяти... Пожалуй, „провалы" — слишком сильно сказано. Во всяком случае, некоторые вещи я представлял себе весьма смутно.

— А по телефону ты меня уверял, что все в порядке!

— Так действительно со мной все в порядке.

— Эх, ты!

Аня нежно обняла его и поцеловала.

— А ведь я первая догадалась, что этот самый Ш. жив!

— Никто и не собирается умалять твоих заслуг, милая моя Агата Кристи!

На следующее утро Марин Коев с Аней зашли попрощаться к Милену. Директор был один в кабинете, лицо его даже осунулось.

— Как же я столько лет ничего не замечал, а?

— Да куда тебе с твоими заботами.

— Подумать только, ведь и я встречал у вас Человека в черной шляпе.

— Да кто его только не видел.

— Просто уму непостижимо! Как ему удавалось! Такое лицедейство, просто факир, ничего не скажешь!

— Много еще предстоит выяснять, Милен, — стали прощаться Коев с Аней. — Ты не переживай особенно.

За рулем „Волги" уже сидел другой водитель. Коеву его лицо показалось знакомым. „Ну вот, опять все сначала!" — весело рассмеялся журналист.

На перроне их дожидались Пантера и Аврамов.

— Знаешь, мы тут прикинули, сколько материала может дать одна командировка в глубинку. Уйму. Кстати, сегодня ровно неделя, как ты тут, — Пантера улыбался, нежно похлопывая по спине старого друга.

— Прошу тебя, замолвь словечко в горкоме о Старом. Жаль, посмертно, но все же его должны реабилитировать, — обратился Коев к Пантере.

— Будь спокоен. Первый секретарь обо всем в курсе. Так что меры приняты...

Экспресс сразу набрал ход, они еле успели рукой махнуть на прощанье. Миновали мост, промелькнули корпуса комбината... Прислонившись к Ане, Коев забылся под равномерный перестук колес. Во сне он увидел гостиницу и Старую речку, кабинет Пантеры, Эли с чашечками дымящегося кофе на подносе... заходящегося в кашле Вельо, цеха огромнейшего предприятия... хижину на пригорке... Почему-то вспомнилось, что и Старый летом любил спать в хижине... Ему снились домики, утопавшие в цветах, он разговаривал с Докой и бай Симо. Зашла сестра с тетрадками и блокнотом. А вот и Соломон, женщина на больничной койке... Никогда ранее не чувствовал он свой городок столь близким сердцу. Чудилось, будто экспресс мчится мимо кладбища, где похоронены мать и отец. Некогда было даже цветочки на их могилу отнести... Но вина перед отцом уже не мучила его так остро. Его успокаивало чувство исполненного сыновнего долга, и он радостно принял мысль о том, что хорошо бы написать книгу обо всем, что приключилось с ним в родном городке. Даже видел заглавие, написанное крупными буквами:

МОЛЧИ ИЛИ УМРИ...

1984—1985 гг.

Владимир Голев
МОЛЧИ ИЛИ УМРИ
Издание первое

Редактор болгарского текста Вержиния Райкова
Редактор перевода Наталия Нанкинова
Художественный редактор Николай Александров
Технический редактор Елена Болчева
Корректор Валерия Полянова
Тираж 70200
Формат 32/70 × 100
Печ. л. 14,5. Усл.-изд. л. 9,40
Код 13/95362 26 331 5605—144—88
Цена 90 к.

Издательство „Свят“, София
Государственная типография им. Г. Димитрова, София
Издано в Болгарии

Владимир Голев родился 20.08.1922 года в г. Банско. Окончил юридический факультет Софийского государственного университета. Работал редактором газеты „Студентска трибуна“, Софийского радио, Московского радио — передачи о Болгарии, в сценарной комиссии Студии художественных фильмов, был сотрудником отдела искусства и культуры ЦК БКП, главным редактором журнала „Септември“.

Наиболее значительные произведения В. Голева: „Знамя над Пирином“, 1952; „С песней против ветра“, 1958; „О чем шепчут сосны“, 1961; „Революция живет“, 1964; „Мироздание“, 1969; „Ответственость“, 1971. Автор пьес „Одна ночь в рае“, „Чудесная тройка“ и др. Владимир Голев — лауреат Димитровской премии (1971).

Цена 90 к.

МОЛЧИ ИЛИ УМРИ